

ЮРИЙ ИЛЬИНСКИЙ

Ожаренная
ЮНОСТЬ

ДЕТГИЗ ~ 1960

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Юрий Ильинский

Ожелезненная
ЮНОСТЬ

П О В Е С Т Ъ

РИСУНКИ
О. Шухвостова

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1960

*22 июня 1941 года ученики девятого класса
подмосковной Ильинской средней школы
ушли добровольно в народное ополчение.
Среди них были ребята, связанные между собой
крепкими узами товарищества и дружбы.
Повесть «Опаленная юность» и есть
достоверная история того, как воевали
под Москвой вчерашние школьники.
Суровое время и сознание великой ответственности,
которая легла на плечи ребят,
превращает их из мальчишек
в стойких и мужественных бойцов.
Эти пареньки не совершали
каких-то необыкновенных подвигов.
Но они яростно дрались с врагом,
защищая любимый город, и отдали
свои семнадцатилетние жизни родине
— разве это не подвиг?*

*Моим одноклассникам по Ильинской средней школе
Раменского района Московской области,
павшим в боях за Советскую Родину
в годы великой войны:*

*Виктору Кузнецову,
Владимиру Рябову,
Александру Хватову,
Леониду Орлову,
Валентину Смирнову,
Константину Косминкову,
Юрию Новоселову,
Виктору Махрову,
Михаилу Махрову,
Анатолию Серегину,
Николаю Софронову,
Евгению Саприко.*

Глава первая **ЗИМОЙ**

Урок литературы в 9-м классе «Б» Ильинской средней школы подходил к концу. Сочинение оказалось нетрудным, и почти все справились с ним до звонка. Учитель Иван Григорьевич Деревянщиков, кругленький, задыхающийся от астмы, но необычайно бодрый человек, прозванный старшеклассниками «Иван-Гриша», был доволен. В хорошем настроении были и девятиклассники, и, хотя кое-кому грозила двойка, все радовались концу учебной недели, предстоящему воскресенью, отдыху, играм — словом, всем тем маленьким радостям, которые так дороги нам в школьные годы и о которых потом, через много лет, мы вспоминаем с чуть печальной улыбкой, слегка тоскуя по утраченному и невозвратному прошлому.

Прозвенел звонок. Класс ожил, загудел, затопал, захлопал крышками парт. В этом шуме голос педагога мгновенно утонул. Иван Григорьевич собрал листки с сочинением, взял журнал и ушел. Можно было отправляться домой. Андрей Курганов, худенький черноглазый паренек, тряхнув вьющимся чубом, бросился в раздевалку. Мимо него со смехом и криком неслись одноклассники. Высокий, нескладный, озорной Ника Черных, закадычный друг Андрея, промчался мимо, наградив приятеля крепким тумаком.

— Догоняй, раззява!

Пробежали Валька Бобров, Петька Родин и Ленька Захаров — все они повторили Никин жест, добавляя для разнообразия щелчок, толчок или то, что называлось среди ребят «подзатрещинкой».

Андрей бросился за первым обидчиком. Еще издали в толпе у раздевалки он приметил серый свитер длинного Ники и с разбегу вскочил на спину товарища. Внезапное появление седока не испугало, а скорее обрадовало Николая. Очертя голову тот ринулся вперед, и у раздевалки началось «столпотворение вавилонское». В результате 9-й «Б» оделся позже всех.

Домой возвращались все вместе: Андрей, Ника, Надя, Нина и Лара. У железнодорожного переезда к ним подскочил верткий низенький паренек в лохматой шапке с кожаным верхом.

- Добрый вечер! — дружески проговорил он и, вытянувшись в струнку, отрапортовал:—Задание выполнено: шестой ряд, середина.

- Здорово! — гаркнул неунывающий Ника и от избытка чувств сшиб паренька в канаву.

Ребята затеяли возню, но спокойный голос Лары остановил их.

Лариса была самая красивая девушка в классе, и товарищи невольно с ней считались. Если раньше ребята могли дернуть ее разок-другой за косу или незаметно привязать за ногу к парте, то теперь об этом нечего было и думать. Самые отчаянные тушевались, когда Лара поднимала на них свои карие серьезные глаза.

Клуб в Ильинском — тесное бревенчатое строение — стоял у самой железнодорожной линии. Здесь показывали только кино. Андрей и его приятели до самозабвения любили смотреть кинокартины. Они действительно забывали обо всем, когда, тесно прижавшись друг к другу, сидели на ветхих скамейках и напряженно следили за приключениями любимых героев. Ну как не биться

сердцу, когда на залатанном экране чапаевцы схватываются с беляками, бойцы Щорса громят немецких оккупантов и петлюровцев, а героини-балтийцы, окруженные врагами, срываются со скал в море...

Ребята знали ведущих киноактеров, собирали их фотографии, следили за успехами, печалились неудачами. Случалось, вкусы расходились: Андрею нравились Бабочкин и Симонов, создавший живой образ Петра I, Нике — Игорь Ильинский, а Лара была поклонницей Орловой и Ладыниной. Она знала о них очень много и была сама чуточку похожа на ту и на другую.

В этот субботний вечер шла картина «Светлый путь». Клуб постепенно наполнялся народом. В зале заметно потеплело, стены заблестели от капелек растаявшего инея. Легкий парок, словно облачко, плыл над головами.

Девушки что-то оживленно вполголоса обсуждали. Ника повертелся, достал «Правду» и, развернув ее, ткнул пальцем в четвертую страницу:

- Читал, Андрик? Немецкие войска высадились в Финляндии. Что думаешь?

- Я ничего не знаю.

- То есть как — не знаешь? В газете написано!

Николай удивился равнодушию приятеля. Обычно и Андрей, и Валька Бобров, и другие ребята с большим интересом следили за событиями — так повелось еще со времени итало- абиссинской войны.

Николай испытующе посмотрел на Андрея, тот не сводил с Лары восторженных глаз.

- Опять! — помрачнел Ника. — Ох, Андрюшка, Андрюшка. ..

В зале погасло электричество. Из прорубленных в

стене окошечек хлынул сноп голубого света, зазвучала бодрая мелодия Дунаевского, и мертвый кусок полотна ожил.

... Поздно вечером возвращались домой. Крепчал мороз. Могучие сосны стыли от холода и, потрескивая под набежавшим ветерком, роняли на землю колкие узорные снежинки. Луны не было, в иссиня-черной бездонной дали ярко горели крупные звезды, блестели, переливались, мерцали.

- Какая интересная картина! — восторгалась Надя.

Нина, закутанная в теплый платок почти до самых глаз, кивнула головой, и короткое «да» вылетело из ее губ облачком пара.

- Чепуховина! — уверенно заявил Ника. — Любовь... По- моему, если любовь, значит неинтересно.

- Ну, знаешь ли! — Нина даже остановилась. — Именно тогда и интересно, когда есть любовь!

Разгорелся спор.

Андрей молчал.

К нему обернулись все трое:

- А ты как думаешь?

За Андрея ответил Ника:

- Он не думает — для него этот вопрос решен.

Раздался смех.

Нет, одно наличие любви не может сделать фильм интересным, — негромко проговорила Лара. — Ника тоже неправ. Нужно, чтобы любовь была красивая, верная...

- Слышал? — торжествуя, спросила Надя.

Домой возвращались все вместе.

- Правда, как всегда! — торопливо согласился Ника.

Лара улыбнулась.

У детского санатория Ника свернул влево, а девушки пошли направо, к пруду. Андрею нужно было идти вместе с другом, но он остался, втайне надеясь, что Лара хоть на несколько минут задержится с ним.

Лара действительно остановилась. Надя и Нина стали в сторонке.

- До свиданья, Андрюша!

- Лара...

Андрей почувствовал, что рука в мохнатой варежке крепко сжимает его пальцы. Он посмотрел на девушку, и взгляды их встретились.

Надя и Нина, верные подружки Лары — «рыцари-оруженосцы», как их полунасмешливо, полупрезрительно называл Ника, — вопросительно взглянули на свою «повелительницу». Обе боготворили эту стройную девушку с темными ореховыми глазами и пышными пепельными волосами.

- Пошли, девочки! — сказала Лара и, бросив еще один взгляд на Андрея, направилась к пруду.

За ней, как по команде, повернули Надя и Нина.

Андрей осторожно отворил калитку, стараясь, чтобы не было слышно скрипа, прошел по протоптанной дорожке к засыпанной снегом беседке и сбросил шапкой снег со скамейки. Он думал о Ларе. Ему было и грустно и отрадно...

В седьмом классе Андрею с трудом давалась математика, на уроках он терпеливо слушал и как будто

все понимал, но дома задачи не получались, алгебра казалась недостижимой, и только геометрию кое-как удавалось одолеть. Пришлось заниматься у репетитора. Жил он за прудом, довольно далеко, и ходить к нему нужно было по вечерам. Андрей запрягал в легкие санки лохматую овчарку Шандиза и летел на нем, как Иван-царевич на сером волке сквозь мрак. Сильная собака мигом доставляла Андрея на место. Он привязывал овчарку у маленького домика и входил в теплую, светлую комнату Василия Петровича.

Однажды, объяснив урок, Василий Петрович дал Андрею задание и едва начал проверять, правильно ли ученик сделал запись, как в соседней комнате что-то с треском упало и на всю мощь заорал приемник.

Василий Петрович поперхнулся, прервал на полуслове объяснение и вышел. Вскоре он вернулся и привел с собой какую-то девчонку. Девчонка была в лыжных штанах и явно задавалась. Она с независимым видом прошла мимо Андрея, прижимая к себе ящик с радиолампами, магнитом и какими-то катушками.

- Конструировать будешь потом, после урока, — недовольно проговорил Василий Петрович. — Понятно, Лара?

Лара... Так она вошла в жизнь Андрея...

Но Лариса не замечала Андрея. Когда они стали учиться в одном классе, она относилась к нему точно так же, как и к другим, пожалуй даже хуже, чем к другим, например к Вовке Панову.

... Дома еще не спали, из комнаты доносился рокочущий бас отца, мать вышла Андрею навстречу раздурманенная — хозяйничала у плиты.

- А у нас гость, — весело проговорила она,

- Кто, мам?

- Угадай!

Андрей осторожно выглянул из-за двери и тотчас же рванулся вперед:

- Боря, Борис!

За столом с папиросой в руке сидел красивый темно-русый командир с тремя кубиками на петличках — старший сын Кургановых, Борис. Он вышел из-за стола, схватил младшего брата в охапку и поднял к потолку.

- Здорово, братишка! Растем помаленьку!

Андрей с восхищением оглядывал брата. Высокий, плечистый, атлетически сложенный, Борис — «опора семьи», как его называли, — нравился всем. Правильные черты лица, большие серые глаза с длинными, изогнутыми ресницами, упрямый рот, подбородок с ямочкой, красивый, сильный...

Борис был кадровым военным. Еще с детства он занимался спортом: футбол, штанга, бокс, стрельба из пистолета и винтовки — все его увлекало. После окончания пехотного училища он был назначен командиром роты. Его дивизия стояла в Ломже, маленьком городке на западной границе...

Борис принес из кухни самовар, помог матери накрыть стол. Сели пить чай. Отец, Иван Савельевич, крепкий, ширококостный, седоусый, хотел послушать о жизни на границе, торопил сына, но тот отшучивался, переводил разговор на другое. Андрею было тоже интересно послушать брата, и он поддержал отца:

- Ну расскажи, в самом деле, как там у вас...

Борис отнекивался:

- Да что там рассказывать! Граница как граница. Только надолго ли она, вот вопрос.

Андрей с недоумением посмотрел на брата.

Иван Савельевич задумчиво покачал седой головой.

- Фашизм расцвел, до наших границ начал добираться,

- Боренька, — ласково вмешалась мать, — у нас же с ними договор.

Иван Савельевич грустно усмехнулся, обнял жену:

- Эх, Танюша... А помнишь, как в тех краях панов рубали?

Отец воевал в коннице Буденного и очень любил вспоминать о прошлом. В такие минуты он молодец, улыбался, распрямлял плечи.

- Что им договор! — взъерошил чуб Андрей. — Это же гитлеровцы, бандиты.

- Ну, ты, политик, ешь пирожки.

Татьяна Семеновна принесла из кухни блюдо с пирожками.

- Не робей, братишка, — улыбнулся Борис. — Мои бойцы — правильные ребята, учиться можешь спокойно.,.

Перед сном, стаскивая сапоги, Борис спросил:

- А ты по-прежнему вздыхаешь по этой... как ее... Ларе?

Андрей отчаянно покраснел.

- Понятно, — насмешливо улыбнулся Борис, — можешь не высказываться. Девчонка, говорят, недурна

собой, а в общем, наверное, рядовой товарищ.

Андрей разозлился:

- Она, конечно, не чета твоей супруге... Кстати, ты почему не взял ее с собой?

Борис погасил свет, долго затягивался папиросой.

- Так почему приехал без Иры, а?

- Спокойной ночи, — пробурчал Борис и затушил папиросу.

Рано утром, едва рассвело, Борис Курганов осторожно, стараясь не разбудить брата, оделся, взял старенькую «ижевку» — бескурковку, туго перепоясался патронташем и вышел во двор.

Стоял слабый морозец, ветра не было, в поголубевшем небе уплывал в неведомую даль блеклый челнок месяца. Борис вытащил из сарая заиндевевшие лыжи, протер их рукавицей и вышел за калитку. Улица просыпалась. Утопавшие в снегу домики помаргивали освещенными окнами, словно щурились, просыпаясь. Стройные столбики дымков тянулись от прокопченных труб. Борис вышел на главную магистраль поселка — Октябрьский просек.

Лесное местечко Ильинское невелико. Лет тридцать назад здесь жила помещица Ильина, толстая сварливая старушонка.

Вокруг ее обитатели лепились рубленые дачки. Участки приходилось отвоевывать у векового леса. Хотя чащобой эти места назвать нельзя, все же первыми поселенцами было положено немало трудов. Дороги и улицы прокладывались в лесу и назывались по-таежному — просеки.

После Октябрьской революции помещицы не стало, в поселке построили два санатория, школу-десятилетку. В бревенчатых дачках, с причудливыми старорежимными флюгерами, поселялись рабочие, служащие...

Ускоряя бег, Борис скоро достиг леса. Лес жил своей обычной жизнью: красногрудые снегири тормозили кусты боярышника, выискивая что-нибудь съедобное. Осторожно петлял матерый беляк, наивно полагая заячьим своим разумом, что охотнику ни в жизнь не распутать хитрые стежки; деловито стучал по сосне лесной работяга-дятел: крепкоклювый, белогрудый, верткий и цепкий, он размеренно и четко долбил засохшую кору вековухи-сосны. Веселая белка, распушив хвост, перепрыгивала с дерева на дерево, заигрывала с охотником, роняя ему на голову смерзшиеся шишки.

Борис присел на пенек, закурил, внимательно присматриваясь к затаившему дыханию лесу. Как он любил его! С детства в любую погоду он приходил сюда и просиживал часами на замшелых пнях, на поваленных ветром стволах или просто на траве.

«Кха-ша-ша!» — раздалось в стороне.

«Сорока, — подумал Борис. — Вот несносная птица! Опять распугает зверей и птиц!»

Сороки постоянно мешали Борису. Их стрекочущий крик воспринимался лесными обитателями как сигнал тревоги.

«Кха-ша-ша!» — раздалось совсем рядом, и из-за деревьев вылетела пара черно-белых сорок.

- Ну погодите! — обозлился Борис, и в то же мгновение

приклад его «ижевки» взлетел к плечу.

- Трах! Трах! — гулко прозвучали в морозном воздухе выстрелы. Сорока комом упала в снег, вторая, истошно вопя, судорожно металась меж стволов, роняя перья.

Сзади заскрипел снег, и звонкий девичий голос произнес:

- Как вам не стыдно!

Перед Борисом стояла совсем молоденькая, лет шестнадцати, девчушка в синих лыжных штанах, свитере и сбитой на затылок ушанке. Она шла по целине, ее серые валенки, перехваченные ремнями креплений, был» припорошены снегом. В рыхлом снегу едва угадывались широкие лыжи-коротышки. Борис посмотрел на разгоряченное гневом лицо, на воинственно вздернутый носик и вежливо осведомился:

- А почему же мне должно быть стыдно, уважаемая сударыня?

- Но вы же стреляли в живое существо!

- Ну и что же, сударыня?

- Какая я вам сударыня, у меня есть имя!

- Вот как? Рад за вас. Как же вас, сударыня, звать-величать по имени и отчеству?

Серые глаза Бориса весело блестели.

- Еще раз прошу не называть меня сударыней, зовите меня просто Лара.

- Ах, так вот кто она! Борис с любопытством посмотрел на девушку:

- Есть! Буду звать вас только Ларой. Обязательно всякий раз буду так называть.

- Как же всякий раз? — засмеялась Лара. — Ведь вы не здешний ?

Борис снял шапку, провел ладонью по волнистым волосам.

- Да, вы правы, я, можно сказать, не здешний...

Повернули к поселку. Борис так и не надел шапки, сунув ее под куртку за пазуху. Витой чуб поседел от инея.

Лара шла с ним рядом, искоса поглядывая на его тонкий профиль, решительные глаза. Она рассказывала о школе, о ребятах, о делах класса, не подозревая, что Борис посвящен во все тонкости школьной жизни.

Показался дом Кургановых. Лара попрощалась и пошла налево к пруду. Неожиданно она обернулась и крикнула:

- Подождите-ка...

Борис остановился, подошел.

- Простите, я хотела спросить вас...

- Пожалуйста.

- Вы и человека смогли бы так же, как и сороку..?

Борис внимательно взглянул на девушку:

- Если б было нужно, то смог бы.

Лара посмотрела на него долгим-долгим взглядом, словно силилась понять услышанное.

Поздно вечером Андрей пошел к Нике Черных. Ника жил неподалеку, в коротком безымянном переулке, который бабушка шутя именовала Никиным. Переулок был открыт ветрам, и они надували здесь огромные сугробы. Луна серебрила снежный покров. В овальных и круглых снежных ямах скрывалась синяя тень.

Происхождение ям было Андрею хорошо известно: в Никином переулке друзья устраивали матчи французской борьбы. Часами катались они по снегу, перепахивая целину на обочинах дороги и ловкими приемами сшибая друг друга с ног.

Андрей улыбнулся, посмотрел на утопанную площадку и вспомнил, как еще только вчера ему пришлось выползть из-под оседлавшего его приятеля.

Дача Черных была погружена во мрак, и лишь наверху ярко горел огонек.

«В мастерской! — решил Андрей. — Трудится великий художник».

Андрей протяжно свистнул. У него с Никой был особый позывной сигнал — тонкий, протяжный свист, точно такой, каким посвистывала серенькая лесная птичка.

Андрей снова засвистел. Застывшие на морозе губы не слушались: свист выходил приглушенный, прерывистый.

Простуженно заскрипела дверь, и с высокого крыльца послышался отзыв. Ника в телогрейке, закутанный шарфом, стоял на крыльце.

- Здорово, Андрик!

Ника переложил кисть в левую руку и протянул другу правую:

- Мои спят! Не шуми. Пошли наверх.

По крутой многоступенчатой лестнице Ника ловко взбежал, Андрей же шел осторожно, ощупывая тонкие шершавые перила. Распахнулась дверь, и яркий свет разрубил мрак.

Мастерскую Ника оборудовал на чердаке. Стены обил

листами толстой фанеры, поставил маленькую чугунную печурку с длинной коленчатой трубой.

Андрей привычно оглядел завешанные полотнами стены. Ника быстро разжег печурку, и она весело загудела.

- Хорошо! — весело сказал Ника. — Никто не мешает. Садись, синьор, грей у камина иззябшие ноги, а вот тебе стакан грога, сиречь чайку — пей и рассказывай.

- Ты, я вижу, в отличном настроении. Наверное, картину закончил? Ну-ка, будущий Левитан, он же Шишкин, он же Репин, — словом, певец ильинской природы, покажи!

- Ладно, ты хотя и серый, но так и быть. Смотри! Показываю тебе первому.

- Давай, давай, не тяни.

Николай сорвал тряпку с мольберта, и Андрей увидел зелень летнего леса, напоенного солнцем, золото спеющей ржи, кучевые облака в синем зеркале пруда.

— Да это же наша Ильинка! Вот и сосна с развилкой, и камень у дороги... Это, брат, да!

Ника порозовел, слушая похвалы, но быстро набросил тряпку на мольберт.

- Хватит! А то еще сглазишь. И хоть понимал бы что-нибудь...

Андрей шутливо хлопнул друга по спине:

- Твое счастье, что ты в телогрейке, а то б... Боюсь твой изысканный костюм повредить.

Поговорили о школьных делах. Андрей поинтересовался, почему Николай не был в школе.

- Занят был.

- Врешь, бездельник! Картину свою писал?

- Поразительно! Как это ты догадался?

- Ладно, шутки шутками, а по алгебре пару еще не исправил? Нет? О, лопух легкомысленный! А как объяснишь свое отсутствие Ивану Григорьевичу?

- Ну, это проще простого. — Ника снисходительно засмеялся...

Отец Ники писал очень красиво, почерк у него был какой-то особенный, с завитушками, каждая буква отличалась от другой каким-нибудь необыкновенным хвостиком. Был он очень занят на работе и в школу на родительские собрания не ходил, ограничиваясь краткими посланиями классному руководителю. Ника прекрасно изучил почерк отца и после каждого прогула писал Ивану Григорьевичу от имени отца письмо, в котором пространно объяснял причину своего отсутствия. Кончилась эта история печально: учитель встретил отца Ники на улице и выразил удивление по поводу обилия дипломатических посланий. После этого разговора Черных-старшему пришлось ревностно выполнить одну из библейских заповедей: «Сокрушай своему сыну ребра в младости, да упокоит он тебя в старости».

Андрей спросил, готовит ли Ника и сегодня письмо Ивану Григорьевичу, но выяснилось, что сегодня Ника действительно болен — у него ангина. Мамаша даже шею замотала.

- И ты больной сидишь здесь и рисуешь?

- Эх, синьор, не понять тебе этого! Не могу я без живо-

писи! Не могу, понимаешь? Ты не можешь себе представить, какое счастье творить. Я готов петь во все горло, когда получается, даже несмотря на ангину...

Глава вторая

ССОРА

Грянул духовой оркестр. По залу поплыли звуки старинного вальса. Новогодний бал начался! Замелькали маски, все вокруг пришло в движение.

Оркестранты-старшеклассники усердно дули в латаные-перелатанные трубы. Дирижер Кузя так размахивал руками, что, казалось, хочет вылететь из своей старенькой лыжной куртки.

Андрей не умел танцевать и со скучающим видом стоял недалеко от оркестра. От бряцающей меди литавр у него звенело в ушах, но он не уходил: неподалеку расположилась Лара, вокруг нее вертелись Надя и Нина.

Длинный вихрастый паренек пригласил Лару потанцевать.

— Благодарю вас, я не танцую, — томно проговорила она и тотчас же приняла приглашение Вовки Панова.

Панов был хороший спортсмен, лихой футболист, отчаянный задира; он пользовался у ребят авторитетом. Красивое лицо и нагловатая улыбка придавали Вовке вид светского баловня, которому море по колено. Он пользовался успехом у девушек, и это кружило ему голову.

Танцевал Панов замечательно и был награжден вместе со своей партнершей аплодисментами. Потом они

танцевали фокстрот, танго, краковяк. Лара покраснелась. Вовка шептал ей что-то на ухо, и она улыбалась радостно и чуть лукаво.

Андрей наблюдал за танцующими, злился и не знал, что предпринять. Он решил, что в этот вечер непременно поговорит с Ларой. Это можно было сделать во время танго — танец самый легкий: два шага прямо, два вбок. Но, видя успехи Панова, Андрей растерялся.

Оркестр играл уже третье танго, а проклятый Вовка и не думал отходить от Лары. Томясь, Андрей разглядывал танцующих. Кружились пары, в воздухе плавали ленты серпантина, какие-то девчонки с косичками, смеясь, разбрасывали пригоршни конфетти. Вот они обсыпали самого Сергея Дмитриевича Хабарова. Грозный директор расплылся в улыбке. Сверкнув очками и лысиной, он с молодым задором закружил в вальсе учительницу русского языка Афанасьеву.

Прошел с группой юношей и девушек физик Иван Павлович, всеобщий любимец. Откуда-то выскочил длинный Ника в цилиндре и смокинге из крашеной марли. Широкая «расейская» улыбка на его лице явно не гармонировала со столь «изысканным» костюмом.

Проковылял ветхий, сгорбленный старичок с лисьей физиономией и козлиной бородкой. Он натужно покашливал и дрожал, как малярник. Кто скрывается за этой маской? Ника подмигнул Кузе, и, когда старичок, подпрыгивая и подтягивая ногу, проходил мимо оркестра, Кузя что есть силы дунул ему в ухо из трубы. Оглохший старичок подскочил на метр, вырвал у Кузи инструмент и с силой швырнул его через весь зал в угол, как пустое ведро.

Оркестранты захохотали. Кузя, догадавшись, что перед ним сам первый силач класса Валька Бобров, угодливо сдернул шутовской колпак и поклонился. Старичок успокоился, но тут его доконал вездесущий Ника. Он ловко схватил старика за козлиную бородку и, оторвав ее напроочь, ринулся в толпу, оставляя по пути клочья своего кисейного обмундирования.

- Андрюша, добрый вечер!

Андрей вздрогнул и обернулся. Перед ним стояла покрасневшая Лара.

- Пригласи же меня танцевать, дикарь ты этакий!

- Да я очень плохо танцую... — задохнулся от волнения Андрей, — не умею...

Прошли два круга. Андрей, багровый, как вишня, не успевал извиняться за свою неловкость.

Когда они медленно проплывали мимо удивленного Вовки, тот презрительно сморщился и сказал Кузе: - Нашла с кем танцевать! Он ей все ноги оттопчет.

Лара остановилась:

- Да, Андрейка, тебе придется получить.

Андрей, переминаясь с ноги на ногу, смотрел в пол.

Вовка взял Лару за руку: - Потанцуем, дорогая. Я вижу, тебя замучил сей субъект.

- Она танцует со мной, — послышался звучный голос позади. — Если не вышло с одним братом, выйдет с другим.

Все оглянулись. Щеголеватый командир вытянулся, щелкнул каблуками.

- Разрешите представиться: старший лейтенант Кур-

ганов.

- Вы? — ахнула Лара, узнав лесного охотника. — Брат Андрея?

- Так точно.

Борис увлек Лару в круг. Ошеломленный Вовка полез пятерней в затылок, недоуменно огляделся и скрылся в гуще танцующих.

Наконец отгремел вальс, и его сменило медленное танго. Борис и Лара подошли к Андрею. Борис, улыбаясь, сказал:

— Теперь, Ларочка, потанцуйте с моим застенчивым братишкой и вообще возьмите над ним шефство.

Комсомольское собрание началось ровно в семь. Секретарь комитета, десятиклассник Василенко, позвонил и колокольчик и глуховато проговорил:

- На повестке дня один вопрос — состояние дисциплины в нашей школе.

Андрей опоздал — оформлял стенгазету. Выписывая кудрявые буквы заголовков, он думал о Ларе и совершенно забыл, что после уроков собрание. Вспомнив об этом, он бросил кисточку и стремглав помчался в химический кабинет.

Здесь было уже людно и шумно. Обсуждалось персональное дело комсомольца Захарова, который подрался с одноклассником. Сам обвиняемый, Ленка Захаров, большеголовый толстый юноша в роговых очках, стоял у стола президиума и что-то невнятно бубнил. Андрей пробрался вперед и прислушался.

- Твои объяснения, Захаров, никого не удовлетворяют. Я предлагаю, товарищи, исключить его из комсомола! — выкрикнула Тоня Бахарева, член бюро.

- Верно!

- За такое стоит.

- Правильно!

Андрей замер. Он прекрасно знал суть дела. Во всем был виноват Вовка Панов. На очередной товарищеской встрече по хоккею команда Ильинской школы позорно проиграла. Игра шла в один из воскресных дней на пруду. Уже в самом начале выяснилось явное превосходство противника. Не прошло и пятнадцати минут с начала игры, как вратарь ильинцев, маленький Игорь Копалкин, уже выбрасывал из ворот седьмой мяч. «Семь:ноль» — это было ужасно. Капитан ильинцев Вовка Панов ракетой носился по ледяному полю, но ничего поделать не мог. Разгром был полный.

Назавтра в школе бурно обсуждалось печальное событие. Леонид Захаров, страстный конструктор, увлекающийся токарным и слесарным делом, спортом не занимался. Это не помешало ему, однако, принять участие в дискуссии. Леонид прямо заявил ошеломленному Вовке, что во всем виноват именно он, Вовка, ибо капитан должен не только сам играть, но и правильно организовать и направить команду.

Так что: «Капитан, капитан, подтянитесь!» — задорно пропел Ленька.

Разговор происходил при девушках — и то, что все засмеялись, услышав Ленькины слова, очень уязвило Панова. Разъяренный, он хотел по-своему расправиться с

насмешником, но помешал приход Ивана Григорьевича.

На уроке Вовка сидел красный, нервничал. Иван Григорьевич вызвал его. Вовка не расслышал, и тогда Кузя петушиным баском с дальней парты крикнул:

- Капитан Панов, к доске!

Класс опять расхохотался, и, когда после урока Иван Григорьевич едва-едва успел выйти, Вовка бросился к Захарову и влепил ему оглушительную пощечину. Началась драка, прерванная приходом директора. Ребят растащили, но Леонид вырвался и, несмотря на присутствие Сергея Дмитриевича, подскочил к Вовке и ударил его...

В кабинете директора Панов свалил вину на Леню, который и здесь был возбужден, грубил и порывался ударить Вовку.

На собрании Захаров отмалчивался. Он был очень зол на Панова, но все же причинять ему неприятность не хотел. Вовка же, воспользовавшись такой позицией Лени, свалил всю вину на него.

Ленька, не понимая, к чему все это приведет, продолжал молчать, и это не понравилось членам бюро.

- Значит, ты не хочешь говорить? Не уважаешь своих товарищей...

- Говори, Ленка! — крикнул Бобров. — Расскажи, как было!

Захаров молчал. Комсорг еще раз призвал его к ответу. Захаров заговорил, но речь его была вся из недомолвок и представляла попытку уладить дело.

- Все ясно! — нахмурился комсорг Василенко.— У него

и раньше дисциплина хромала. Взносы задерживал. А теперь игнорирует коллектив...

Многих ребят во время драки в классе не было. Андрей все видел, но выступать в защиту Лени не стал. Пожалуй, он и сам не смог бы объяснить, почему так поступает. Смутно сознавал, что, если заступится за Леню, Вовка Панов не даст ему прохода, будет задирать, подсмеиваться, может быть, и отколотит. Отколотит при Ларе... Одна мысль об этом бросала Андрея в жар.

- Кто за то, чтобы исключить Захарова из рядов ВЛКСМ? — спросил Василенко и начал подсчитывать голоса.

Руки подняли почти все. Вовка нагло посмотрел на Захарова.

- Большинство, — глухо сказал Василенко

Захаров вздрогнул, умоляюще посмотрел по сторонам и, закрыв лицо руками, выбежал из класса.

- Неправильно! — громыхнул Валька Бобров. - Ленька хороший друг и товарищ. Во всем виноват Панов !

- А ты видел? — Панов вызывающе прищурился.

- Если бы видел, плохо бы тебе пришлось.

Но, но, не грози, не испугались!

- Бобров, — тронул колокольчик Василенко, дело ясное, люди проголосовали. Ты что, только что проснулся?

- Андрей, ты же рядом стоял, скажи кто драку затеял? — Валентин требовательно посмотрел на Курганова.

С ледяной усмешкой, злобно сузив глаза, смотрел на Андрея и Вовка.

- Не знаю, — вяло проговорил Андрей: я пришел, когда они уже дрались.

- Но ты сам же мне говорил!

- Ничего я не говорил! Отстаньте от меня!

- Трус! — презрительно бросил Бобров и круто повернулся.

Ребята выходили из школы мрачные. Андрей подошел к Боброву и взял его под руку:

- Валька, ты меня не понял...

- Пусти! — Бобров грубо вырвался и скрылся в темноте.

В январе грянули морозы. Они подкрадывались постепенно, временами уступая первенство вихревым метелям, но в конце месяца утвердились наконец прочно. Воздух побелел, к вечеру солнце едва пробивалось сквозь сизую хмарь, было оно злое, и от его появления становилось еще холоднее.

Пруд опустел. Ребята отсиживались дома. Андрей чистил и смазывал малокалиберку: предстояли стрелковые соревнования. Ника, замотанный теплым шарфом, в ватной кацавейке, стучал зубами у себя в мастерской, заканчивая очередной этюд.

Каждый коротал зимние вечера по-своему. Игорь Копалкин читал. Петя Родин предпринимал отчаянные попытки утеплить сарайчик, где обитали его многочисленные питомцы — морские свинки, белые кролики, крючконосый филин. Валька Бобров усердно зубрил немецкие слова: не давался ему немецкий. Лара вечерами возилась с приемником, выжимая из ветхого «Си-235» все возможное. Чуть нахмутив тонкие брови, девушка упрямо искала нужную волну и, настроившись,

замирала, наслаждаясь бессмертной музыкой Чайковского.

«Как прекрасно!» — говорила сама себе Лара.

Надя и Нина восторженно млели, глядя на задумавшуюся подругу, и негромко вторили ей, хотя Нина думала в этот момент о Ленке Захарове и о том, что нужно купить новые чулки, а Надя мучительно припоминала, что задали на дом по истории...

И только один Вовка Панов продолжал удивлять знакомых и незнакомых. Мороз не заставил его отказаться от прежних привычек. Вовка вставал затемно, делал зарядку, усиливая физкультурный комплекс добавочными упражнениями с гантелями, полуголый выскакивал во двор, растирался снегом и потом докрасна раздирал кожу мохнатым полотенцем.

...Андрей уже собирался спать, когда отец попросил его сбегать на станцию за папиросами. Иван Савельевич прихварывал— ныла старая рана. Курил он много и никогда не засыпал, не выкулив две-три папиросы.

Андрей оделся, вышел во двор.

- Шандиз!

Лохматый пес, махая заиндепевшим хвостом, радостно кинулся к нему.

- Пойдем, Шани! Догоняй!

Андрей выбежал за калитку. Шаловливо расставляя на бегу тяжелые лапы, собака в момент обогнала его и вдруг тревожно залаяла. На обочине в сугробе лежал человек. Андрей остановился, овчарка недоверчиво обнюхала лежащего.

- Шандиз! — тихо проговорил он.

- Вовка! — Андрей узнал Панова. — Что с тобой?

- Ничего особенного...

Панов попытался встать, опираясь на обломок лыжи, но тут же опрокинулся на спину, закусил губу, и лицо его, освещенное лунным светом, стало мелово-сизым.

- Ногу... подвернул ...

- Черт возьми! И как тебя угораздило? Давай дойдем до аптеки, там посмотрят.

Панов приподнялся на локте: - Тебя что, просили об этом?

Он медленно встал и, сдерживая боль, заковылял по тропинке, припадая на ушибленную ногу.

- Обопрись о плечо, будет легче идти.

- Обойдемся без вашей помощи.

Андрей разозлился:

- Я ж тебе помочь хочу! Ты что, с ума спятил ?

Вовка невозмутимо пожал широкими плечами

- Катись своей дорогой...

С большим трудом Андрей дотащил Вовку до аптеки. Там ему вправили вывихнутую ступню, и Андрей проводил его до дому.

- Ну, счастливо...

- Прощай, — буркнул Вовка. — И вот что, Курганов: в школе об этом без звона...

- Ладно.

Андрей пошел к калитке и только теперь вспомнил о поручении отца.

- Ах, черт!

- Ты чего?

- Понимаешь, батя просил папирос купить, а я совсем забыл. Он без папирос не может.

- Я тоже... На, отдашь своему предку. Сейчас все магазины закрыты...

- Спасибо!— сказал Андрей. — Выручил!

- Ладно, ладно, без эмоций...

У фонаря Андрей рассмотрел коробку, которую дал ему Вовка. На красном поле была изображена умная песья морда с остроконечными треугольными ушами.

«Друг», — прочитал Андрей и, задумчиво покачав головой, направился домой.

На следующий день Панов в школу не пришел, и после уроков Андрей решил занести ему домашнее задание. Полная нестарая женщина с такими же светлыми, как у Вовки, глазами провела его в маленькую комнату. Панов лежал на тахте, отвернувшись к стене.

- Володя, к тебе товарищ пришел из школы.

Панов не двинулся с места.

Андрею стало неловко:

- Это я...

Панов лениво повернулся и скорчил гримасу:

- Курганов? Чем обязан?

- Уроки принес.

Женщина ушла. Панов неторопливо встал, одергивая пушистый свитер.

Я, кажется, не просил..

Андрей огляделся — массивный книжный шкаф набит

книгами, на стене двустволка, в углу несколько клюшек, на столике хоккейный мячик, боксерские перчатки...

- Ты что читаешь? — Андрей взял с тахты брошюру «Гантельная гимнастика».

- Тебе не интересно.

- Занимаешься гантелями?

- Занимаюсь,—усмехнулся Вовка и, выхватив из-под стула две черные гантельки, подбросил их к потолку, а потом ловко перехватил у самого пола.

- Ты что же, хочешь стать спортсменом?

Панов начинал его злить.

- Слушай, Владимир, ты что из себя корчишь, почему сторонись всех?

- Потому что я повыше вас, сопляков.

С этими словами он протянул Андрею легонькие, четырехкилограммовые гантели.

- Выжимай!

Андрей принялся выбрасывать к потолку руки с металлическими болванками. Сперва было легко, потом руки одеревенели, налились болью.

- Семнадцать, —сказал Панов, чуть улыбнувшись углом рта. — С тебя хватит. Выдохся?

Андрей кивнул. Панов прошелся по комнате, припадая на больную ногу.

- Смотри. — Он взял гантели. — Считай!

Гантели взлетали к потолку. Андрей шепотом считал. Он дошел до ста, а широкая Вовкина грудь по-прежнему вздымалась так же ровно, как и прежде.

- Двести! — крикнул Панов, швыряя гантели на тахту.
- Двести, — повторил ошеломленный Андрей.
- Иди сюда! — Панов взял со стола никелированную вещь и протянул Андрею.—Жми!

- Это что за штука?

- Силомер. Жми...

Тонкие дужки силомера впились в ладонь. Было очень больно, но Андрей сжимал кулак изо всех сил.

- Смотри не лопни! — предупредил Панов.

- Все, — выдохнул Андрей.

- Сорок пять. Н-да. А ну-ка, я попробую. Р-р-раз!

- Сто тридцать! — ахнул Андрей. — Сила!

Панов гордо выпрямился.

- Ну, кто из нас сопляк?

Но Андрей не сдавался, хотя и был сбит с толку

- Это еще не доказательство...

- Мало? —Панов рванул через голову свитер, снял рубашку.

Он стоял обнаженный до пояса, с танцующими бугроватыми мышцами — воплощение самой силы, ловкости, красоты.

- Неплохо скроен, не правда ли? Силенкой бог не обнес. Могу вложить любому в школе — говори, где чешется. А вы? Слабосильная команда, трусы несчастные! Кто сможет из вас пойти против меня? Никто.

Андрей поднялся и, насупившись, направился к двери. По Панов, разгоряченный, взволнованный собственной речью, задержал его:

- Подожди. Сейчас кончу. Да, так вы и есть трусы... За Ленку Захарова не заступились, сдрейфили, бросили товарища в беде... А ведь виноват был я...

- Прощай! — резко бросил Андрей и бросился вон из комнаты.

На крыльце он схватил тяжелый лом и крикнул Вовке:

- Имей в виду, я на мелочи не размениваюсь. Смотри без головы останешься!

- Вот так так! — Вовка даже присвистнул, но растерянность свою скрыть не мог.

Андрей швырнул лом в снег и хлопнул калиткой.

Глава третья

НАЧАЛО

Ветер дул с юга. Теплые, сыроватые воздушные волны таили в себе тончайшие ароматы, и наиболее ощутимым из них был запах талого снега — вестник надвигающейся весны.

Хороша весна в Подмосковье! Утром мерзлая земля одета в ледяной покров, под ногами хрустит ледок, на зеленых иглах хвои стынут жемчужные слезы. Скучное, хмурое небо низко свисает над лесом. В лесу безмолвно... Но вот веселый ветер расшвырял пепельно-серые тучи, и светлое солнце, рассекая хмарь ударами своих сверкающих лучей клинком, прорвалось сквозь сумрачную пелену и хлынуло потоком на дремлющую землю. И лес ожил, задвигался, загудел, и весь этот многоголосый шум слился в единый гимн свету, теплу, солнцу — гимн наступающей весне.

Закапало с крыш. Потекли, буравя снежные пласты, тысячи ручейков. В лесу слышались невнятные вздохи — с деревьев падали сырые комки снега... А вечером земля опять стынет, до дна промерзают первые лужицы и сверху, из бездонной тьмы, летят горсти сухой, колючей снежной крупы.

Вечерами старшеклассники, как всегда, собирались на катке, сгребали снег фанерными лопатами, лихо катались, скользя мимо бугристых берегов пруда. Часам к одиннадцати каток пустел. Оставшиеся садились на поваленную иссохшую сосну и тихо разговаривали...

Луна заливала ледяное поле голубым огнем, и в ее холодном призрачном свете казались совсем ненатуральными, ненужными блеклые светлячки дешевых папиросок — «гвоздиков», которые тайком курили Вовка Панов и Кузя.

Все слушали Петю Родина. Он рассказывал о кружке юных натуралистов. Родин давно уже занимался в этом кружке при Московском зоопарке. Минувшим летом юннаты совершили интересную поездку на Дальний Восток, и Родин до сих пор не мог ее забыть.

- А какая там природа, ребята! Мы десять дней в тайге жили. Тайга — такая чаща, что хоть топором дорогу прорубай, и животных там тьма! Медведя видели однажды.

- С тобой, конечно, после этого медвежья болезнь случилась? — презрительно прищурился Вовка.

- Дурак!

- Что ты сказал? — Панов грозно поднялся, и все затаили дыхание в ожидании неминуемой драки.

- оставь его, — негромко сказала Лара.

Она даже не повернулась к Панову, а он мгновенно утих и молча, стуча коньками по льду, пошел к центру пруда. Золотой огонек его папироски удалялся.

- Разыгрывает из себя героя!

- Нос задрал!

- Спускать ему не надо, вот что! — горячо проговорил Бобров.

- Довольно, — певуче сказала Лара и вскользь посмотрела на рассерженных ребят. — Панов не так уж плох. В хоккее играет лучше всех.

- Да вы знаете, что такое Володимер Панов? — невозмутимо проговорил Кузя. (Ребята заулыбались, так как вспомнили, что еще в третьем классе Панов вывел на своей тетрадке тушью «Володимер».) — Панов — это прыщ на здоровом теле нашего класса, да к тому же гнойный. — Маленький, худой, невероятно гибкий и подвижной, Кузя любил посмешить ребят, сам оставаясь при этом совершенно серьезным.

Все расхохотались, и звонче всех Лара.

- Зачем же так жестоко? И за что ты его не любишь?

Я? Да я его люблю и обожаю, беру за хвост и провожаю.

Нехитрая шутка опять вызвала смех. Особенно веселился Ника Черных, деятельный помощник Кузи в его невинных, а порою и злых шутках.

Сегодня обсуждалась очередная проделка: Андрей достал мышеловку и за два дня наловил в сарае несколько десятков мышей. Ловушка была особенная. Ее изобретатель, Кузя, изготовил аппарат с таким расчетом, чтобы пойманная мышь не погибала, как в капканчике, а оставалась невредимой. Такой метод ловли грызунов

применялся вовсе не из гуманных соображений. Пойманных мышей сдавали в лабораторию.

На этот раз несколько живых грызунов посадили в банку из-под варенья. Но по вине конструктора ловушка покалечила мышам хвосты. Настроение у пострадавших было явно испорчено. В банке царила суматоха, слышался писк. Андрей принес банку в школу, предварительно обернув ее газетой. Ему хотелось попросту попугать девчонок, но Кузя отверг этот примитивный план и предложил свой, который и был с восторгом принят.

Воспользовавшись переменой, дежурный Ника удалил всех из класса и заложил дверь стулом. Андрей и Кузя запихнули мышей в ящик для мела. При этом несколько грызунов убежало, но Кузя сказал, что это не имеет значения — эффект все равно будет разительный...

Перед самым началом урока к ящичку подошла Надя, чтобы взять мел. Она дернула ящик. Очумевшие от длительного сидения взаперти зверьки стайкой рванулись вперед. Девчата на разные голоса заголосили. Надя вскочили па стул. Класс взорвался хохотом. Кто-то бросился ловить разбежавшихся грызунов, кто-то, громко крича, бежал по коридору.

Сейчас ребята со смехом и шутками вспоминали этот случай. Только маленький Игорь Копалкин осуждающе покачивал головой. Втайне Игорь завидовал ловкости и силе Панова, смелости Боброва, который рисковал один ночевать в лесу, веселым проделкам Кузи и тому вниманию, каким он пользовался у товарищей. Но сам Игорь был тщедушный, слабый и, как он себе в душе признавался, вовсе не храбрый. Он много читал и особенно любил приключения и путешествия. У него

была целая библиотечка приключенческих повестей и романов. Любимыми писателями его были Фенимор Купер, Майн Рид, Жюль Верн. В книжном шкафчике на нижних полках хранились комплекты журналов «Вокруг света», «Мир приключений», «Всемирный следопыт». Вместе с героями любимых книг он пробивался сквозь льды океана к полюсу, брел с караваном по пескам Сахары, летел в стратосферу, а сам в жизни был тихий, робкий и болезненный.

Копалкин посмотрел на одиноко кружившего по темному зеркалу пруда Панова и вздохнул. Панов быстро резал коньками лед, рисуя на нем причудливые восьмерки. Вот он подкатил ближе, но никто из ребят его не окликнул, и Вовка, обиженный невниманием к его искусству, проехал мимо товарищей и, попрощавшись на ходу, исчез.

Ушел и Ника, сославшись на незаконченный этюд. Бобров и Захаров, который теперь работал на заводе, пошли вместе. Родин оборвал интересный рассказ о дальневосточных черепашках и, сняв коньки, заспешил домой: он вспомнил, что его ждут голодные лисята, которых вчера привез его дядя, лесник.

- Пойдемте все, пора! — поднялась Лара.

Андрей неловко затоптался на месте. Он медлил уходить, и Лара, внимательно взглянув на него, что-то шепнула подругам. Надя и Нина, весело попрощавшись, убежали. Лара взяла Андрея за руку. В свете луны она казалась еще прекраснее. Андрей сжал ее узкую девичью кисть. Хотел что-то сказать, но не смог, задохнулся.

- Лара, я...

- Только молчи. Ничего не говори...

Весенними ручейками, торопливо бурля, мчались дни. Торопким шагом шла весна, а вместе с ней надвигались экзамены, трудная, ответственная пора.

Андрей много занимался, особенно по математике. Вечерами он почти не выходил из дому, просиживая над учебниками и тетрадями. Иногда заходил Ника, и они немного отвлекались от занятий. Ника соблазнял Андрея сходить в кино или побродить по лесу. Возвращаясь поздно вечером, Андрей всякий раз заставлял отца склоненным над бумагами — он всегда что-то писал, всегда вокруг него были люди, которым он помогал.

Как-то вскоре после веселых майских праздников Андрей застал у отца пожилую женщину. Присмотревшись, он узнал мать Лени Захарова. Слегка удивленный ее приходом, Андрей прошел к себе и долго дожидался, когда она уйдет. Из смежной комнаты доносились рокочущие раскаты отцовского баса. Наконец мать Лени ушла. Андрей захлопнул пухлый томик Пинкертона и оттолкнулся от тахты. Навстречу ему тяжело шагал отец.

- Не спишь?

- Нет, читал...

- Пинкертоновщина? Хм! Дрянь. Горького читай, Островского, Фурманова. Понял? Настоящие люди!

Иван Савельевич сердито потрянул серебряным витым чубом.

- Да ведь интересно, папа...

- Э... чепуха! Вот была у меня сейчас Захарова Елена Васильевна, рассказала... Вы что же с парнем сделали, а? Из комсомола исключили, из школы ушел.

- Он работает на заводе и учится там...

- А почему вы его упустили? Ошибся человек, и всё — значит, бей, топи, гони. Что он, такой неисправимый?.. Ну, чего ты молчишь?..

- Его исключили за драку.

Эх вы, товарищи! Воспитывать надо, учить, а вы гоните. Ну, я с секретарем партийной организации поговорю.

- Ленька сам ушел из школы...

- И правильно сделал, нечего ему среди таких друзей, как вы, находиться. Заводские ребята дружнее...

Иван Савельевич ударил по самому больному месту. История с несправедливым исключением Захарова, которое произошло отчасти и по его, Андрея, вине, не давала покоя. Правда, в школе поговаривали, что райком комсомола не утвердил решения школьной организации и ограничился выговором, но и этого наказания Захаров, но совести шпоря, не заслуживал.

«Отец прав, — подумал Андрей, — я поступил мерзко. Надо будет во что бы то ни стало поговорить с Ленькой».

Последний месяц весны. В садах бушует вишневая метель. Ночью земля горяча —отдает набранное за день тепло. Тонкий, только что народившийся серебряный серпик луны прокладывает путь по небу, отражаясь в дегтярной воде пруда.

Ну разве можно в такое время спать? Кто из семнадцатилетних усидит дома?

В эту ночь одноклассники, как всегда, на своем старом излюбленном месте —на берегу пруда. Пылает костер,

выхватывая из темноты радостные лица, хмельные от пьянящего ночного воздуха, напоенного ароматом цветов и отдающего терпким запахом зацветающей сосны. Вспыхивает и угасает пламя, вспыхивает и гаснет разговор. В такую пору неплохо и помолчать, особенно когда рядом с тобой любимая девушка, когда тебя касаются ее локоны, ты слышишь ее дыхание, слышишь торопливые удары двух сердец.

В такую пору не везет рассказчикам. Петя Родин принялся было расхваливать разнообразную фауну пруда (караси, жуки-плавунцы и головастики), но ему коротко посоветовали:

- Заткни фонтан!

Даже Кузя, отчаянный выдумщик, сегодня не в почете.

К берегу подходит милиционер. Его знает все население поселка. Грозный страж порядка неодобрительно смотрит на костер: «Запрещено!»

Ребята упорствуют. Милиционер говорит задумчиво:

- Пожалуй, он только красоту портит... Заря плывет...

... Дымит затоптанный костер, дымится земля, белесые полосы тумана колышутся над сонной водой.

Милиционер, охватив руками колени, смотрит вдаль, туда, где разливается вишневый сок зари.

Слышен стук каблучков на ветхом мостике. Негромкий девичий смех. Звук поцелуя. Кузя повторяет его, чмокая на всю округу. На мостике движение — дробь каблучков. Кузя режет предрассветный сумрак двухпалым свистом. От мостика плывет искорка — яркий глазок огня. Пыхая папироской, подходит высокий молодой человек. Это Мишель Сорокин. Он затягивается папиросой, и огонек

на мгновение освещает красивый тонкий профиль, косо подрубленные бачки.

- Я, кажется, спугнул твою девушку, — виновато замечает Кузя. — Прости, Мишель.

- Наоборот, ты меня выручил — надоела.

Смех. Лара бросает, не оборачиваясь:

- Это подлость!

- Да, да, да! — вторят Надя и Нина. — Не нравится - не ходи.

- Пожалуй, — охотно соглашается Мишель. — Но мир держится на подлости. Я по сравнению с другими — комашка.

Странный человек Мишель Сорокин. Он молод, недурен собой, неплохо зарабатывает, но для него нет ничего святого. Он охотно вступает с ребятами в споры, но отвечает снисходительно, хотя немногим старше их.

Вот и сейчас Мишель Сорокин не смог отказать себе в удовольствии задеть ребят.

- Мир стоит на подлости?—удивленно говорят Надя и Нина, поглядывая на Лару.

- Смотря какой мир. Горький об Америке что писал ?

- Он и о России кое-что писал... У нас и сейчас прохвостов и негодяев немало...

- Ну, сел Мишель на своего конька! — бросает Бобров.— Начинается демагогия — развешивайте уши.

Не буду вам мешать. — Сорокин поднялся. - Наслаждайтесь природой, цыплята, пока живете на родительский шее, а слезете с нее — жизнь вас не помилует. Не думайте, что все кругом в ажуре...

- Не пугай, не пугай! Живы будем — не помрем, перебил его Кузя, — а помрем, так спляшем!

Сорокин ушел.

Ника проводил его недобрым взглядом:

- Вот человек, который смотрит на окружающее через черные очки. Пессимист. А вокруг столько красивого леса, например, или пруд. А тайга? Это же дивная сила! Мощная, самобытная, необъятная.

- Твоя тайга—что. Заводы наши — вот это действительно грандиозно, — перебил его Бобров. — Техника лежит теперь в основе нашей жизни, все остальное — третьестепенное.

- Не забудьте и об искусстве, — заметила Лара. — Оно помогает людям, учит их. Инженеры, техники и рабочие тоже ходят в театр и любят его.

- Я, собственно, не то хотел сказать, — смешался Бобров.— Я понимаю...

- Чувствую, Валя. Человеку дано ошибаться.

«Какая она умная! — восторженно думает Андрей. — Замечательная девушка!»

Рассвело. Ребята разошлись по домам.

Двадцать первого июня Андрей возвратился домой за полночь. Наскоро поужинав на террасе, он принялся не спеша собирать вещи. Утром должно было осуществиться наконец то, о чем старшеклассники мечтали весь учебный год,— экскурсия по Волге.

К этой поездке ребята готовились целую зиму. Копили деньги, натачивали рыболовные крючки, закупаали блесны и лески. Андрей и Валька Бобров бродили по

лесу, пристреливая ружья, набивали легкие картонные гильзы тяжелой дробью.

Глава экспедиции, Иван Григорьевич, учитель русского языка, списался со знакомым бакенщиком и заказал две лодки. Маршрут выработывали всем классом. Иван Григорьевич, объездивший и исходивший весь Союз, пригласил консультанта из Московского клуба туристов. Консультант одобрил маршрут и рассказал о предстоящем путешествии столько интересного, что собрание затянулось до поздней ночи.

Андрей достал из кладовой рюкзак, вынул записную книжку и стал укладывать вещи по составленному ранее списку. Старые ботинки, компас. .. Кассеты и пленка.. . Кружка, особая ложка-вилка, которую отец привез еще с гражданской войны, котелок, топорик... Крохотная подушка, которую бабушка называла подушкой. Список был длинный, и, покуда Андрей собрался, совсем рассвело.

Уложив вещи в рюкзак, Андрей решил залить воском патроны, чтобы предохранить их от сырости. Едва он успел накапать расплавленный воск свечи на доньшко патрона, послышался условный свист.

«Ника!» — обрадовался Андрей и выбежал в сад.

Утро народилось чудесное. Из-за леса всходило солнце. Косые лучи, пробиваясь сквозь многометровую изгородь сосен, мягко ощупывали землю.

Почивать изволите, уважаемый? — широко улыбнулся Ника. — Нехорошо!

Ты-то когда встал?

Полчаса назад.

А я и не ложился.

Молодец, Андрейка! Давай по этому случаю разо-мнемся!— заорал Ника и обхватил приятеля сильными руками.

Тише, ты! Разбудишь моих. Спят еще...

Ребята проверили содержание мешков. Ника спешно подшил треснувшую лямку рюкзака.

Пора, — прошептал он. — Иди прощайся с родичами.

У школы собралось уже много народу. Ждали Ивана Григорьевича. Друзей встретил одетый по-походному Валя Бобров.

Привет, ребята! Теперь все в сборе. Иван-Гриша что-то запаздывает...

На него не похоже — человек педантичный.

Да, — серьезно заметил Ника, — мне замечания в дневник записывал очень аккуратно, ни одной недели не пропустил: педант.

Валька Бобров уничтожающе посмотрел на Нику:

- Звонарь!

Андрей поглядывал на скамеечку, где в окружении подруг сидела Лара.

- А что это Панова не видно?

- Раздумал ехать. Этому бахвалу с нами неинтересно.

Солнце поднялось высоко. Ребятам надоело ждать, и они побежали к волейбольной площадке.

Едва успели сыграть партию, как услышали издалека голос Игоря Копалкина:

- Ребята, скорей сюда!

- Иван Григорьевич пришел! — заторопился Бобров.—
Бежим, ребята!

У скамейки сгрудилась возбужденная молодежь. Запыхавшийся Андрей прибежал последним, протискался вперед.

Бледный Иван Григорьевич, как-то странно улыбаясь, молча смотрел на своих учеников.

- Что такое? — перевел дух Андрей.

- Дорогие мои ребяташки, — ласково заговорил Деревянщиков,— рухнула наша затея.

Ребята замерли. Больше всего их поразили необычный тон учителя. Грубоватый, шумный, он никогда так не разговаривал.

Иван Григорьевич пошел к зданию школы, и ребята безмолвно потянулись за ним.

Деревянщиков попросил сторожа отпереть учительскую и включил радио. Четкий голос диктора передавал правительственное сообщение.

Учитель молча стоял у стены, не сводя глаз с ребят, напряженно ловивших каждое слово. Неуловимые тени блуждали по их лицам. Девять лет он знал эти лица. Девять лет смотрел в их глаза. Он изучил характер каждого — его способности, качества, склонности, слабости. Он мог часами говорить о каждом из них, настолько хорошо, обстоятельно он знал их. Но теперь перед Иваном Григорьевичем, казалось, стояли другие ребята. Нахмуренный, серьезный Валя Бобров, мгновенно повзрослевший, разминал пальцами папироску. Не улыбался Черных — лицо его, лишенное белозубой улыбки, выглядело необычно суровым. Хмурила

красивые брови Лара. Красный от волнения Андрей сжимал двустволку. Кругленькая Надя и маленький Игорь Копалкин слушали, открыв рот. Нина Шишкова сушила платочком слезы. Кузя, озорной, отчаянный Кузя, приносивший столько хлопот школе и родителям, неподвижно стоял у приемника и задумчиво крутил пуговицу на старенькой куртке.

Радио смолкло.

- Ну, друзья, — проговорил Иван Григорьевич, — ступайте по домам и подумайте, как помочь родине в трудный час.

Через час на станционной платформе Андрей поджидал товарищей. Дома он застал только бабушку — веселую, говорливую старуху. Отец уехал в райком партии, мать пошла на рынок.

- Значит, не едешь, Андрюшенька? — бабушка жевала беззубым ртом, довольно улыбалась. — Ну и слава тебе, господи, как говорится...

Старушка ничего толком не поняла: Андрей так и не решился сказать ей правду.

Нетерпеливо он ходил взад и вперед по дощатой платформе.

Первым прибежал Кузя с тем самым потертым чемоданчиком, в котором таскал в школу учебники, тетради и завернутый в старую газету завтрак. По определенным дням оттуда извлекалась блестящая никелем труба: Кузя ходил на сыгровку прямо с занятий.

- Ты и инструмент свой захватил?

- Чудак! Собрал кое-что по мелочи. Мыло, зубную щетку и подобное.

Пришел Ника Черных, немного погодя появились Родин и Копалкин. Не хватало одного Валентина.

Наконец прибежал и он, весь мокрый от пота.

- Чего запаздываешь? — накинулись на него.

- Отцепитесь! Я уже первый бой выдержал. Батя так вопил, наверное в Москве слышно.

Мягко скользя по рельсам, подкатила электричка.

- Садись, ребята!

- Погодите, а билеты?

- Какие там билеты, время военное! — уверенно бросил Бобров.

... Площадь перед районным военным комиссариатом чернела морем голов. Несмотря на сильную жару, жители Подмосковья, любящие надеть летом легкую безрукавку с широким вырезом ворота, с апреля до ноября ходившие без головного убора, сегодня надели плотные пиджаки, до бровей натянули круглые, с пуговкой кепки. Многие поверх пиджаков надели ремни, и это придавало штатским людям подтянутый, молодцеватый вид.

Увидев столько народа, ребята слегка оробели.

- Неужели придется стоять в очереди? — встревожился Родин.

Бобров уверенно сказал:

- Не придется. А ну, построиться!

Построив ребят парами, он скомандовал:

- За мной!

- Вы куда, пацаны? — остановил их у ворот дежурный с красной повязкой.

- К районному военкому, комсомольцы! — по-военному отрапортовал Бобров и грозно нахмурил брови. — Чего стали? Проходи быстрее!

- Проходите, — сорванным голосом просипел дежурный, — вторая дверь направо.

В помещении военкомата не протолкнешься. Повсюду сидели и стояли люди различных профессий и возрастов. Из комнаты в комнату сновали военные с малиновыми петлицами.

Андрей остановил командира с двумя кубиками. Рассеянно выслушав ребят, он устало махнул рукой:

- Идите вон туда, к столам. Там и запишут.

Ребята стали в очередь. Им выдали небольшие анкеты, листки бумаги для заявления.

- Заявление пишете на имя райвоенкома полковника Горохова, — сказал работник военкомата.

- Андрей, а Андрей! — зашептал Игорь Копалкин. — А «военный» через два эн пишется?

Заполнив анкету и написав заявление, Андрей подошел к столу. Плечистый, рослый дядя с усталым, бледным лицом поднял красные веки.

- Больно уж молод ты, парень.

- Мне семнадцать исполнилось...

- Когда?

- Двенадцатого июня.

- Десять дней назад? Юнец совсем!

- Ведь семнадцатилетних берут. Правда?

- Берут, — раздраженно проговорил работник

военкомата.— Скорей бы пропустить всех вас и самому пойти. Давай паспорт...

Андрей достал новенький паспорт. Сотрудник внимательно проглядел документ. Проверил прописку и бросил паспорт в ящик, стоящий около стола. Андрей заметил, что ящик набит доверху паспортами. Новенький паспорт Андрея затерялся среди множества других.

На улице ребят зачислили в роту, и все они попали в первый взвод, а Кузе коварная судьба уготовила второй. Никакие просьбы и уговоры не помогли. Начальство, рябой, белесый старший лейтенант Быков, отказал наотрез. Командир батальона, щеголеватый, затянутый ремнями капитан Гарин, в ответ на настойчивую просьбу гаркнул:

- Кругом! Шагом марш!

На Кузю было жалко смотреть. Он вздыхал, кляня Быкова на чем свет стоит.

В полдень всех повели в столовую. Обед Андрею не понравился, особенно борщ. Капусту Андрей не любил с детства. Кроме того, старшина все время торопил — приходилось обжигаться.

Маленький Игорь Копалкин робко попросил добавки, его поддержал Бобров.

- Теперь и воевать можно! — благодушно бурчал Валька, уписав две порции.

После обеда рота Быкова отправилась на ночевку. Молодцеватый краснощекий старшина-сверхсрочник критически оглядел отряд.

- А ну, воинство, выше голову! Запевай! — И старшина первый затянул старую солдатскую песню времен

гражданской войны:

***Слушай, товарищ,
Война началась!
Бросай свое дело,
В поход собирайся.***

Добровольцы дружно подхватили припев. Песню знали все. Одни — из тех, кто старше, — сами певали ее в отрядах Чапаева, Щорса, Буденного, Котовского, другие слышали ее от отцов, по радио.

***Смело мы в бой пойдём
За власть Советов
И как один умрём
В борьбе за это.***

Боевая песня гремела на тихих улочках районного центра, лилась широкой рекой — в ней чувствовались сила, смелость, упорство, неукротимая воля к победе. Тверже, четче стал шаг, свежее лица бойцов. Все приободрились, подтянулись.

На ночлег ребятам отвели школу-десятилетку. Красное кирпичное четырехэтажное здание было сплошь забито людьми. Наспех сколачивались двухэтажные нары.

Командир взвода Бельский, черноусый моложавый запасник, подозвал Андрея:

- Курганов!

- Я!

- Бери народ, ступай во двор набивать матрацы.

- Есть!

- Поворачиваться не умеешь! — рассердился Вельский.— Наряд получить захотел?

- Товарищ командир, нас еще не обучали.

- Вот как? Ну, не робей — научим.

Во дворе, набивая матрац отходами ваты — целая гора ее громоздилась у ворот, — Андрей сказал Родину:

- Не нравится мне наш командир, грубый какой-то.

- Это усатый-то? Ничего, обтерпимся, привыкнем.

Втащив наверх матрацы, ребята улеглись на нары. Лежали молча.

«Что-то сейчас дома?» — подумал Андрей. К сердцу подкатила волна грусти.

Очевидно, такое же чувство испытывали все. Бобров курил, Петя Родин лежал с закрытыми глазами и потемневшими, подмокшими ресницами. Игорь Копалкин читал засаленный пухлый журнал. Андрей присмотрелся; взгляд Игоря был устремлен поверх страниц, куда-то вдаль.

Дома, подумал Андрей, сейчас только и разговоров, что о нем. Он ясно представил заплаканные глаза матери, ее прерывистый всхлипывающий голос. Вспомнилось, как она всякий раз беспокоилась, когда отправляла его в пионерский лагерь, как волновалась однажды, когда Андрей, не предупредив родителей, поехал к товарищу и Москву. Да, мама, вероятно, плачет. Нехорошо он сделал, что не подождал ее. А вдруг больше не придется свидеться? Эта мысль обожгла душу. Андрей приподнялся с матраца и явственно услышал чей-то приглушенный плач.

Андрей осторожно слез с нар и прошел к уткнувшемуся в матрац человеку. Кузя, отчаянный Кузя, лихая сорви-головушка, Кузя, гроза всех окрестных садов, плакал!

- Кузя! Что с тобой?

Смущенный тем, что товарищ увидел его слабость, Кузя оторвал от подушки взлохмаченную голову.

- Со мной? Ничего, а что?

- Ты плакал...

- Я?! Да ты что, опух, что ли? Я один случай смешной вспомнил. Со смеху чуть не лопнул. Знаешь, я раз завязал нашему коту глаза...

- Разговорчики! Не положено! — раздался сердитый голос.— Отдыхать надо, а не кошкам глаза завязывать!

— Командир идет, —шепнул Андрей, —А ты, Кузя, все- таки слезы вытри. Разве можно так смеяться — до слез?

Кузя посмотрел на товарища долгим грустным взглядом и, заикаясь, сказал:

- Уж очень мамку жаль. Старая она у меня, больная. Васька на Дальнем Востоке служит... одна она осталась...

Андрей попытался неуклюже обнять товарища, но тот обрел уже прежний тон:

- Ладно, ладно! Нежности телячьи... Иди спать и мне не мешай! Тоже герой — на войну идет, а рассопливился!

Усмехнувшись, Андрей взъерошил Кузины жесткие, как пакля, кудри и направился к своему месту.

Утром после завтрака строем направились в лагерь. Солнце ярко светило, в траве сновали кузнечики, ползали муравьи, шуршали ящерицы, гудели пчелы и шмели.

Ребята повеселели. От вчерашней хандры не осталось и следа.

Рота, бодро отбивая шаг, вошла в белевший стройными рядами палаток лагерь.

Здесь, на полянке, окруженные толпой добровольцев, трудились парикмахеры. Они необыкновенно быстро орудовали никелированными машинками, обстригая наголо головы клиентов.

Ребята попятились.

- А что, стричься обязательно? — спросил Андрей старшину.

- А ты думал как? Вот гляди — седьмой год служу. — И старшина провел ладонью по гладко выбритому сизому затылку.

- Не дам! — решительно сказал Бобров.

Его поддержал маленький Копалкин:

- Мы не за этим сюда шли!

- Эх, юнцы! — снисходительно пробасил старшина. — Знаете, что такое воинская дисциплина? А ну, шагом марш стричься!

- Не пойду! — упорствовал Бобров.

- Оставь, Валька! Раз надо — пойдём.

Андрей первым уселся в широкое кресло.

- Ай, какие волосы! — с татарским акцентом запел парикмахер, приглаживая волнистый чуб Андрея. — Даже жалко стричь!

Машинка, расчищая себе дорогу, заметалась по голове.

Каштановый витой чуб беспомощно свалился ил землю — чужой, ненужный. Парикмахер толкнул ногой груды черных, каштановых, русых волос и весело крикнул:

- Готов! Следующий, пожалуйста!

Ребята собрались у палатки, посмотрели друг на друга и захохотали.

- Валька, ты на дыню похож, голова вся в шишках!

- Ты на себя посмотри, черт лопоухий!

Андрей, держись бодрей, девчатам не показывайся: в обморок упадут!

Особенно смешным стал маленький Игорь. Спасаясь от града насмешек, он выскочил из палатки и едва не сбил с ног низкорослого паренька.

- Ты чего летишь сломя голову?

- А ты не вертись под ногами, мелкота! — заворчал паренек и вдруг воскликнул: — Игорь!

- Кузя! Ну и разделали тебя!

Кузя вошел в палатку и огляделся.

- Вот это да! Вас, ребята, узнать нельзя!

- А ты кто такой? — нахмурился Бобров. — Мы тебя не знаем, проваливай!

Посмеявшись, присели на скамейку.

- А ведь я к вам по делу, — заторопился Кузя. — Сейчас, слышал, набирают людей в отдельную разведывательную роту. На особые задания... Пошли, а?

Ребята переглянулись.

Бобров и Андрей вскочили. Родин подтянул ремень, он носил его поверх пиджака.

- Пошли быстрее, — сказал Бобров, — а то мест не хватит.

Глава четвертая

ПЕРЕХОД

Ветер дул с юга. Добровольцы выстроились на утоптанной спортивной площадке. Вдоль шеренги ходил широкогрудый, плотный подполковник. Он внимательно, оценивающе приглядывался к людям, подолгу разговаривал с некоторыми, задавал вопросы. Кое-кому подполковник приказывал отойти в сторону—это, как выяснилось позже, были будущие разведчики. С чувством явного превосходства поглядывали они на оставшихся в строю товарищей.

Подполковник подошел к Боброву. Не говори ни слова, он указал Боброву группу будущих разведчиков. Обрадованный, Валентин, печатая шаг, вышел из строя и едва не бегом бросился к тем, кто стоял в стороне.

- Вы какого года рождения? — обратился подполковник к Родину.

- Тысяча девятьсот двадцать третьего! — четко ответил Петя. — Мы все из одного класса, просим не отказать.

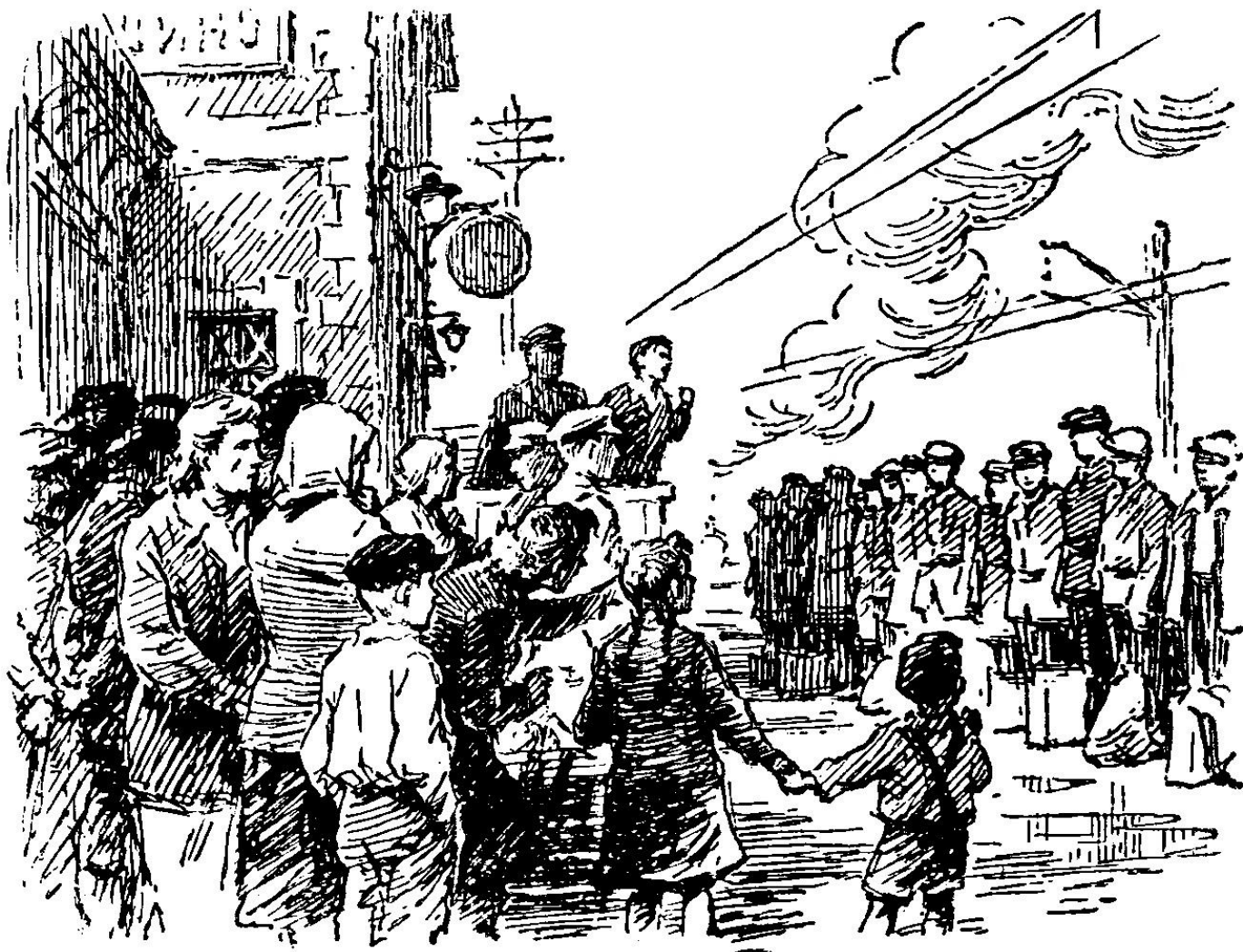
«Молодец! — подумал Андрей. — Здорово придумал. Он ведь дважды оставался на второй год, самый старший в классе, теперь подполковник подумает, что и мы...»

- Ну, ступай, — мягко проговорил командир, — и ты тоже.

Родин и Курганов подбежали к Боброву. Он стиснул их в объятиях:

- Живем, ребятки!

Андрей посмотрел на шеренгу. Подполковник о чем-то

говорил с Кузнецовым, видимо отказывал ему. Кузя отчаянно жестикулировал. Донесся смех, подполковник махнул рукой, и взволнованный Кузнецов очутился среди друзей.

- Ф-фу... напугал! — задыхаясь от бега и волнения, сказал он. — Насилу уговорил... А Копалка, бедняга, погорел — ростом не вышел.

Отбор подходил к концу, когда к ребятам-разведчикам наконец присоединился Копалкин.

- Игорь, друг, какими судьбами?

- Обманул я его, — радостно улыбнулся Копалкин: — снова зашел вперед и стал на фланге, а у парня одного кепку попросил, для маскировки, значит. Он и не узнал.

- Ловко!

Вскоре к отобранным разведчикам подошел старшина:

- Рота, равняйся! Смирно!! Направо, шагом марш!

К вечеру следующего дня подразделение прибыло на вокзал. Гремел оркестр. Добровольцы выстроились на перроне. Возник короткий митинг. Говорил секретарь райкома партии, говорил командир отряда.

Неожиданно Андрей увидел на дощатой трибуне Панова. Вовка выступал с речью.

- Панов ораторствует, внимание!

- Новоявленный Цицерон!

- Мы все как один пойдем защищать родину! — уверенно бросал Панов. — Все как один преградим путь

фашизму!

Вовке долго аплодировали. Ополченцы стали прощаться с провожающими.

- А нас, ребята, и проводить некому,— тихо сказал Игорь.

- Да... — Валя Бобров опустил голову, — не отпустили домой проститься...

- Давайте хоть напишем всем своим, — предложил Андрей.

Его грызла тоска. Кругом он видел поцелуи, рукопожатия, тихие слезы. Женщины заглядывали в родные лица, словно стараясь насмотреться на мужей, братьев, сыновей. Дети напряженно смотрели снизу вверх на отцов, и только малолетние несмышленыши весело бегали по платформе.

Неожиданно Андрей увидел свою бабушку. Старушка бежала к нему задыхаясь. Мгновенно Андрей бросился к ней, обнял, прижался головой к ее груди.

- Успела, слава тебе, господи! Андрюшенька, как же это?.. Ну, да что говорить! Вот мама тебе собрала посылочку... Ларочка, дай-ка!

Только теперь Андрей увидел Лару. Розовая от смущения, она протянула ему небольшой сверток.

- Ты? Как же вы узнали? Как нашли?

- Ларочка, Лара узнала... Если бы не она, не повидались бы...

- Пиши мне, Андрюша, обязательно, слышишь? — Лара крепко стиснула руку Андрея.

Подошла электричка, началась погрузка в вагоны.

Кто-то на платформе взхлеб заплакал. Рядом горько рыдала пожилая женщина, обнимая высокого растерянного парня.

- Ничего, голубушка, — сказала бабушка, — вернется. Побьет врагов и вернется.

Женщина заплакала еще сильнее, а старушка обняла внука и скороговоркой зашептала:

- Только ты, Андрюша, поберегись... там пули — они резвые, вмиг пронизут, голову зря не подставляй... — И громко добавила: — Смотрите, ребятки, не позорьте нашу Ильинку, воюйте честно!

Андрей попрощался с бабушкой и держал Лару за руку до тех пор, пока поезд не тронулся. В последний момент Лара быстро обняла его.

Электропоезд шел без остановок. За окном мелькали перелески, угадывались во мраке очертания домов и причудливых подмосковных дачек, иногда светлячком вспыхивал голубой маскировочный огонек на будке стрелочника, и снова все тонуло в ночи.

- Ребята, Ильинка!

Добровольцы бросились к окнам. Мимо проплыл переезд, базарные постройки, ларьки, быстро пронеслась продолговатая платформа. Людей на станции почти не было.

- Вот и всё! — глухо произнес Бобров. Попрощались с родной сторонкой.

- Мне все казалось, мать придет нас встретить, вздохнул Копалкин.

«Придет, придет»! Откуда ей знать, когда мы едем?

Военная тайна!

Последние домики Ильинского остались позади, а Андрей все стоял у окна, всматриваясь вдаль, прижимаясь к холодному стеклу пылающей щекой. К горлу подкатывал комок, глаза увлажнились.

Через час электропоезд остановился. Москва! Добровольцы вышли из вагона, построились.

Огромный город тонул во мраке. Откуда-то из-за высокого прямоугольника здания Наркомзема выплывала луна, проливая потоки голубоватого света. Москва выглядела по-новому, необычно. События истекших суток уже в корне изменили ее жизнь. Улицы, еще вчера ярко освещенные, вспыхивающие разноцветными огнями реклам, погрузились в темноту. Это было необычно, ново, таинственно. Казалось, город спал, но это только казалось. На мостовой, у подъездов, на бульварах толпились люди. Все покинули свои дома и вышли на улицы, собирались группами, возбужденно переговаривались. Людям было страшно сидеть в своих уютных квартирах, и они старались не оставаться в одиночестве.

Добровольцы, построившись в колонну, шли по городу. Они шли всю ночь, и всю ночь город не спал. Несколько раз они останавливались, отдыхали. У подъездов женщины ставили на табуретки ведра воды и поили бойцов. Некоторые женщины предлагали молоко, совали хлеб, яйца, консервы.

Москва провожала на фронт своих сынов и, как заботливая мать, не спала всю ночь, стараясь помочь им, чем было возможно.

Рота остановилась на Гоголевском бульваре. Быков объявил, что привал будет коротким, не больше десяти минут. Добровольцы разбрелись по бульвару, валились на скамейки, рассаживались на бровке тротуара, а то и прямо на земле.

- А вы, ребята, заходите прямо на газончик, на травку, — приглашал горбатенький сухой старичок, — травка чистенькая, каждый день поливал да подстригал.

- А вы, дедушка, кто? — спросил Родин.

- Садовник.

Родин покрутил головой и сказал Андрею:

- Еще вчера небось охранял свои газоны, а сегодня — мни траву сколько хочешь.

- Эх, сынок, вчера мирная жизнь была, а сегодня вы солдаты, вам и отдых потребен.

Солдаты! Это слово было знакомо Андрею только по книгам. Сейчас оно приобретало новый смысл.

«Солдаты! Мы — солдаты!»

Утро застало колонну на западной окраине Москвы. Ночной марш измотал людей. Многие несли с собой чемоданчики, рюкзаки, плащи, пальто. Кое-кто отстал. Шагавший рядом с Андреем парень вполголоса бормотал ругательства, сгибаясь под тяжестью огромного рюкзака. К полудню прошли еще километров тридцать. Колонна основательно растянулась, командир то и дело кричал:

- Подтянись, шире шаг!

У Андрея ныли плечи, натертые лямками рюкзаки. Родин сильно натер ногу. Потертости, очевидно, появились и у других. В нескольких шагах от Андрея

неровной походкой плелся седой рабочий. Андрею казалось, что старик ступает по горячему железу.

- Что с вами? — спросил он.

Старик подозрительно покосился на Андрея.

- Ничего! — ответил он неожиданно звонко, весело. — Разве не видишь — походка такая.

На привале Андрей заметил, как старик, закусив губу, отдирает присохшие к стертым местам окровавленные портянки.

- Ничего, ничего, — перехватив сострадательный взгляд юноши, кряхтел старик, — ты, главное, молчок!

Старика звали Иван Иванович, и фамилия его была Иванов. О себе он говорил неохотно, вскользь. Андрей узнал только, что он кадровый рабочий, коммунист и что ему уже приходилось «хлебнуть» солдатской жизни еще в ту войну.

Колонна шла под палящим солнцем. С непривычки люди невероятно устали. Многие побросали лишние вещи. В кюветы полетели деревянные чемоданы. Родин вытащил из рюкзака огромную подушку и швырнул ее на обочину.

- Эт-то что! — рассердился командир роты Быков. — Немедленно подобрать!

- Вот черт! — заворчал Родин, подбирая подушку. — Что он о моих вещах заботится?

Едва командир роты прошел вперед, Родин снова закинул подушку в кювет; она упала невдалеке. Тогда Родин выскочил из строя и ударом ноги с каким-то остервенением отправил ее в кусты.

- Ну как, забил гол? — шутливо спросил его политрук роты Светильников.

- Мимо, товарищ лейтенант! Давно не тренировался.

По рядам пробежал смешок. Хозяйственный старшина Марченко неодобрительно качал головой.

Добровольцы выбивались из сил. Некоторые падали на траву. Отдохнув, они поднимались и шли за колонной, но догнать ее не могли. Лица их, обожженные солнцем, напоминали кирпич, на губах запеклась черная корка, пот, стекая струйками, смешивался с дорожной пылью, тело гудело и ныло, но они упрямо шли вперед.

Солнце палило нещадно, болела грудь, ныли плечи,

гудели растертые ноги. Ополченцы шли, не глядя по сторонам, двигались как автоматы. Разговоры давно прекратились, усталость сразила самых говорливых.

Политрук Светильников шел вместе с ильинцами. Он так долго расспрашивал их о школе, учебе, успехах, что наконец вышедший из себя Кузя вызывающе заметил:

- Мы ведь анкеты заполняли, товарищ лейтенант, а вы всё нашими личными делами интересуетесь.

- Правильно! — поддержал Родин. — Мы еще мало прожили, наши личные дела тонюсенькие!

- А вот он, — продолжал Кузя, показывая на отупевшего от усталости Копалкина, — скрыл кое-что о себе: он по специальности холост, по профессии не женат!

Все засмеялись. Бобров на ходу отпустил Кузе щелчок.

Лейтенант Светильников, полный большерукий великан с гривой непокорных волос, щуря в усмешке синие, как небо, глаза, серьезно сказал:

- О, это уже серьезное нарушение...

Он решительно подошел к Копалкину, изнемогавшему под тяжестью набитого рюкзака, отобрал у юноши мешок и легко вскинул его себе на широкую спину.

= Это в наказание! Чтоб ничего не скрывал. Как же ты, братец, а?

Уже на привале он шепотом признался Кузе:

- Вы не сердитесь, что я вас расспрашивал. Это я так — в разговорах и идти легче и об усталости забываешь.

... Поздней ночью колонна остановилась в роще, недалеко от станции Пионерская.

Глава пятая

БОЙЦЫ

Иван Иванович Иванов принял решение не сразу.

Выйдя из цеха, он за обеденный перерыв обошел весь завод.

Заводик был невелик, но Иванов проработал на нем двадцать восемь лет и за это время настолько сроднился с ним, что порой не знал, куда его больше тянет: то ли домой, к белоголовому внуку Саше, то ли к ребятам своего цеха — озорным, бойким хлопцам.

Иван Иванович совершал свой последний обход заводской территории, еще не сознавая этого.

Он прошел по цехам, оглядывая станки и склонившихся над ними рабочих, оборудование, горы заготовок, готовые изделия. Он словно по-новому увидел весь сложный заводской организм.

Постояв у кабинета директора, Иванов покрутился в завкоме, а под конец почему-то зашел в библиотеку.

- Ты чего слезу роняешь? — спросил он у миловидной библиотекарши Кати. — Мыши книги попортили?

- Отец сегодня уходит и Алешка мой...

- Вон что! — серьезно отозвался Иванов. — Это да... Вот и я тоже иду... Да, да, тоже!

Ему показалось, что эти слова произнес не он, а кто-то другой. И он даже удивился, но тотчас же решил, что этот другой высказал вполне правильную мысль.

- И вы, дядя Ваня? Вы же старенький, куда нам!

Иванов тронул седой, пожелтевший от курева ус и

обидчиво ответил:

- Ну, ты еще мала в мужском возрасте разбираться! Ишь ты...

...Провожали его торжественно, с музыкой. На сборном пункте он повстречал многих рабочих со своего завода. Был здесь знакомый бригадир Лагутин, слесари Токин и Гудимов, токарь-скоростник Гвоздев, из месяца в месяц перевыполнявший норму.

Уже на марше Иванов услышал неторопливую, окающую речь, перебиваемую резкой, как дробь автомата, скороговоркой.

- Э, да здесь, никак, два Григория!

И он увидел шагающих впереди друзей — неразлучников Тютина и Каневского. Худощавый, гибкий, как ивовый прут, Григорий Каневский, коренной москвич с Большой Ордынки, работал на заводе электросварщиком. Быстрый, подвижный, он ужом сновал по территории завода, и повсюду, где он останавливался, вспыхивал веселый, ослепительный свет электросварки.хлопотливая должность электросварщика не мешала Каневскому активно заниматься комсомольской работой. Он уже несколько лет был комсоргом цеха.

Григорий Тютин был совсем не похож на своего друга. Здоровенный, необыкновенно сильный физически, коренастый, он поражал медлительностью и упрямством. Тютин приехал в Москву с Волги и, как многие волгари, в разговоре налегал на «о». Работал грузчиком. Любил плотно поесть, поспать. Свободное время отдавал тяжелой атлетике.

Оба друга ходили на тренировку в спортивный клуб.

Раздевались в одной раздевалке. Щуплый Каневский совершенно пропадал на фоне громадной, проросшей бугроватыми мускулами фигуры друга. Каневский чувствовал это и спешил уйти к своему пинг-понгу, а Тютин еще долго расхаживал по раздевалке, делая разминочку, от которой дрожали стены в зале. Потом он с грохотом ворочал многопудовые гири и штанги.

На привале Иванов подошел к друзьям. Каневский навзничь лежал на траве. Тютин, распотрошив гигантский рюкзак, неторопливо жевал разрезанный пополам батон, прикладывая к губам флягу в суконной рубашке.

- Добрый вечер, дядя Ваня! — устало простонал Каневский.

- Ивану... Ивановичу... почтение, — неторопливо жуя, прогудел Тютин. — Есть... хочешь?.. Нет?.. Хорошо, нам больше останется.

- И куда в тебя, парень, столько пищи входит?

- Это разве много? Ты бы посмотрел, как на Волге грузчики едят... Дядя Ваня, значит, и вы с нами?

- Это как сказать! На мою думку — вы со мной. — И, закури́в, Иванов добавил: — Я уж второй раз с германцем встречусь, а вы первый.

Послышалась команда: «Становись!» — и все пошли строиться.

К полудню остановились за селом, в прохладной зеленой роще на берегу узкой, извилистой речушки.

Слава тебе господи, — выдохнул Каневский, — привал!..

- Нет, не привал.— Старший лейтенант Быков махнул

рукой, как бы разрубая рощу наискось: — Будем строить Шалаши.

- Вот это да! — ахнули ребята, — А когда же фронт?

- Успеете! Приказание слышали?

Через несколько дней привезли обмундирование. Это событие взбудоражило. Толстощекий старшина Марченко приехал на полуторке, кузов которой был завален бельем, ботинками, портянками, пилотками, грудями гимнастеров и брюк защитного цвета. Началась веселая суматоха. Добровольцы, оживленно переговариваясь, один за другим подходили к старшине и, довольные, нагруженные ворохом вещей, шли к себе в «домики».

Хитрый Кузя, потолковав со старшиной, птицей взлетел в кузов и принялся усердно помогать раздатчику. Через несколько минут он сам превратился в раздатчика и быстро отпустил обмундирование Вальке Боброву, Родину, Нике Черных. Когда наступила очередь маленького Копалкина, Кузя стал в тупик. Оказалось, что Игорь носит обувь тридцать восьмого размера.

— Набрали дитэй! — Старшина сердито и жалостливо посмотрел на Копалкина. — Почекай, хлопчик! Потим пидэм до интендантив.

Копалкин отошел в сторону, а старшина, тупая взглядом худые лопатки паренька, покрутил бритой головой:

— Мабуть и во всей армии такого размера нэма.

— Андрей, подходи! О чем задумался?

Кузя быстро передал Курганову гимнастерку, брюки, пилотку, звездочку, защитные петлицы, выкинул из

кузова ботинки и в заключение сунул большой кусок байки и два черных, перетянутых нитками мотка.

— А это что?

— Обмотки. Неотъемлемая часть солдатского обмундирования. Носили при царе Горохе, в тысяча восемьсот лохматом году!

Андрей отошел переодеваться к кустам. Снял светлый спортивный пиджак, брюки, сандалии, носки. Стянул через голову рубашку. Очень не хотелось расставаться с трусами, однако пришлось заменить их необъятными кальсонами с завязочками вместо пуговиц. Он долго возился с портянками, пока наконец сосед, седоусый рабочий, которого многие называли «дядя Ваня», не помог ему с ними справиться. Старик заодно научил его наматывать длиннющие обмотки и так их закреплять, чтобы они не спадали во время бега.

Поблагодарив старика, Андрей занялся пришиванием петлиц. Шить он не умел и справился с этой задачей, когда все уже были одеты. Надев гимнастерку, он увидел, что петлицы пришиты вкось и вкривь. Чуть не плача от досады, он отодрал их и стал пришивать снова.

Перед сном роту построили на вечернюю поверку. В новой военной форме добровольцы выглядели подтянуто, молодецкато.

Началась перекличка, затем переформирование взводов.

Молодой, щеголеватый лейтенант зачитывал фамилии по списку. Названные выходили вперед и строились в шеренгу.

— Артамонов, Букин, Бобров, Захаров! —

отрывисто произносил лейтенант, и строй таял. — Иванов!

Из строя вышел седоусый сосед Андрея.

— Каневский, Копалкин, Кузнецов, Курганов!..

— Живем, Андрик! — обрадованно шепнул Кузя. — Вместе воевать будем!

— Родин, Черных... — продолжал выкрикивать командир и, близоруко сузив глаза, неуверенно прочел: — Тятин, что ли?

— Тютин, — отозвался здоровяк в сбитой на макушку пилотке.

— Хорош! — ощупывая взглядом великана, улыбнулся лейтенант. — Килограммов сто?

— Малость побольше, — смущенно прогудел Тютин.

— Сто двадцать пять, товарищ лейтенант! — звонко выкрикнул Каневский.

— А вас я не спрашивал. Разговаривать в строю не положено, — нахмурился лейтенант. — Теперь разрешите представиться: Бельский, командир первого взвода.

Впоследствии выяснилось, что «не положено» — любимое выражение нового командира. Эти слова с одинаково нудной интонацией он повторял по малейшему поводу. Прилизанный, затянутый в рюмочку, с полукруглыми подбритыми бровями над холодными серыми глазами, Бельский принадлежал к типу людей, любящих вечно поучать других, хотя порой сами знают меньше, чем те, к кому обращены их поучения.

Обнаружив у Родина несвежий подворотничок,

лейтенант пилил несчастного больше получаса. Обалдевший от внушения Петька, хотя и сознавал, что командир прав, смотрел на шевелящиеся, оттененные неровной ниточкой усов губы лейтенанта с явной злостью.

К командиру роты Быкову отношение было иное.

Ширококостный, нескладный, рябой, с длинными, вылезавшими из рукавов гимнастерки руками, он был простым человеком, хорошим товарищем, готовым всегда помочь, объяснить, посоветовать.

Вечерами Быков заходил в зеленые шалашики и запросто беседовал с бойцами, интересовался их домашними делами. Это особенно нравилось пожилым. Посасывая короткую трубку, командир роты подолгу разговаривал с Муриным и Чулковым, бывшими подмосковными колхозниками, расспрашивал их о посевах, о количестве собранного с гектара зерна, об уборке картофеля. Как-то раз он даже принес с собою затрепанную тетрадь с чертежом и советовался насчет конструкции картофелекопалки, над созданием которой работал, будучи еще бригадиром колхоза «Большевик» Раменского района.

Как-то раз Андрей плохо вымыл котелок. В нем остались крупинки каши и застывшие ручейки сала.

Лейтенант Бельский поставил Курганова в положение «смирно» и забубнил свое: «Не положено». Проходивший мимо Быков отпустил лейтенанта, взял котелок и сказал Андрею:

- Пойдем со мной!

Быков привел Андрея к себе в палатку, вымыл котелок

и, отдавая его красному от стыда Курганову, сказал почти ласково:

- Раньше за тебя отец-мать работали, теперь нужно самому. Кто же моет посуду холодной водой? Нагрей на костре водички и мой. И протри до блеска. Слышал поговорку солдатскую; «Блестит, как медный котелок»? То-то. Ты, Курганов, присматривайся больше к старикам, они научат.

Вечером в шалаше Андрей рассказывал ребятам, как проучил его командир.

Леня Захаров, до сих пор сердитый на Андрея за малодушие на комсомольском собрании, буркнул:

- Все хорошие, когда спят! Посмотрим, как в боях себя проявит.

- Молчал бы уж! Сам небось из окопа носа не высунешь!

- Засохни, трус! Если ты Вовки Панова испугался, то от немцев умрешь со страху.

- Р-разговорчики после отбоя? А ну, замолчать! Не положено.

Когда шаги лейтенанта затихли, Леня зашептал:

- Ребята, а я и забыл! Потрясающая новость!

- Что еще? — сонно пробурчал Родио.

- Помните, Вовка Панов речь держал, когда нас провожали?

- Ну, и что?

- Так вот, после этой речи он с родителями эвакуировался в Ташкент.

- Не может быть!

- Врешь!

- Точно. В санчасти одна женщина из Ильинки работает, она рассказывала. Они с Вовкой в одном доме живут.

- Здорово! — захохотал Кузя. — Нас призывал родину защищать, а сам — лататы в кусты!

- Гад Вовка, я давно говорил, — забасил Бобров, — к тому ползучий...

- Хватит, ребята, болтать! — поднял голову дядя Ваня. — Удрал ваш Вовка, и хрен с ним. Раз трус, так из него боец, как из дерьма пуля. Спать давайте...

- Вот это сказал, дедок! — Правильно бухнул.

Теплый летний день. Синее безоблачное небо. Сочная зелень листвы напоена солнечными лучами. В прогретом чистом, прозрачном воздухе плывут тончайшие белые нити летающих паучков. Лес полон жизни. Стрекохот в высокой траве кузнечики, торопливо снуют муравьи, отстраивая свое хвойное жилище, крупные жуки, сверкая металлическим отливом, хлопчот около мертвого крота, выполняя древнюю, как Вселенная, обязанность могильщиков. В пышных кронах деревьев свист, гомон, чириканье, треск крыльев, отчаянный писк вечно голодных птенцов, которым пернатые родители без устали поставляют пропитание. Лесной работяга дятел методически долбит вековуху сосну крепким, как долото, клювом.

Услыхав глухой шум, дятел приостановил свою работу и скосил круглую бирюзинку глаза вниз, на людей. Люди

застыли.

Командир батальона обходит роты. Он лично вручает оружие.

- Бобров! — вызывает командир.

Взволнованный Валька выходит из строя и возвращается, прижимая к себе новенькую трехлинейку.

- Родин, Захаров, Копалкин! — вызывает командир.— Каневский! Тютин!

Бойцы подходят по очереди. Теперь они вправе называться бойцами. Это люди с оружием. Его вложила им в руки родина, и они будут защищать ее до последнего дыхания.

- Курганов!

Не чувствуя под собой ног, ничего не замечая, идет Андрей к командиру. Он приходит в себя только в строю: в руке зажата тяжелая винтовка.

В этот же день происходила торжественная церемония присяги. Андрей с винтовкой в руке читал текст и удивлялся, как присяга коротка. Разве можно словами передать те чувства, которые он испытывает в этот незабываемый момент! Он готов отдать родине все, что у него есть, даже самое ценное — жизнь, которая так хороша и которую он еще фактически не видел.

Андрей смотрит на товарищей и чувствует: они думают то же, у них те же стремления и желания. Присяга окончена. Андрей Курганов стал красноармейцем, солдатом великой армии — армии коммунизма.

В середине лета дивизию перебросили за Можайск. Рота старшего лейтенанта Быкова спешно обучалась

военному делу. Занятия тянулись до глубокой ночи.

Особенный интерес добровольцы проявляли к стрелковому делу. Здесь неожиданно для многих показал свое умение Андрей. Из боевой винтовки он никогда не стрелял, но зато из мелкокалиберной разил без промаха любую цель.

В сущности, Андрей слегка побаивался стрельбы из боевой винтовки — об отдаче в плечо ходили разные слухи. Глуповатый боец Силантьев рассказывал всем, как, стреляя из положения «с колена», он неплотно прижал приклад к плечу и был опрокинут на спину.

Андрей, затаив дыхание, тронул спусковой крючок и почти не почувствовал отдачи. Повеселев, он выпустил всю обойму.

- Молодец!— прокричал наблюдатель Кузя.— Три десятки, две девятки... А ну еще!

Андрей выпустил обойму и, поднявшись, побежал к мишени.

Прослышав об успехах Курганова, на стрельбище пришел Быков. Он похвалил бойцов за хорошие показатели, хлопнул по плечу Андрея.

Лейтенант Бельский, присутствовавший при этом, небрежно вытащил из кобуры вороненый наган:

- А ну-ка я попробую!

Бельскому очень хотелось, чтобы командир роты похвалил и его.

Прогремело семь выстрелов.

- Хорошо, — сообщил наблюдатель. — Две десятки, остальные восьмерки.

Бельский обрадовался, посмотрел на Быкова. Командир сказал:

- Товарищ лейтенант, дайте Курганову попробовать.

- Что вы? — изумился Вельский. — Рядовому не положено...

- Ничего!.. Ты когда-нибудь стрелял из личного оружия?

- Нет, товарищ старший лейтенант.

- Тогда смотри.— Быков подробно объяснил Андрею принципы стрельбы из нагана.

Защелкали выстрелы. С каждой выпущенной пулей из ствола вылетал снопик огня, а сам револьвер подпрыгивал, словно живой.

- Вот это да!

Бойцы ахали, рассматривая мишени.

- Ты теперь не Курганов, ты «Король нагана»,— засмеялся Быков. — Молодец!

Бельский, нетерпеливо покусывая губу, скривил смоляную нитку усов..

- Может быть, и вы покажете свое искусство?

- Куда мне! — замахал руками Быков.

Но все так к нему пристали, что он вынужден был согласиться.

Выстрелы у Быкова следовали почти без интервалов. Отстрелявшись, он торопливо ушел.

Смотрите, как разбросаны пули! — протянул Родин.— А еще кадровый командир...

- Дайте-ка мне карандаш! — произнес кто-то звучным

ГОЛОСОМ.

У мишени стоял подтянутый, стройный, как юноша, командир батальона Гарин.

- Смирно! — подал запоздавшую команду Бельский.

- Вольно, вольно! Так у кого есть карандаш?

Гарин отметил пробоины Быкова и провел на иссеченной пулями мишени несколько прямых линий.

- Что получается, товарищи?

- Звезда, — растерянно проговорил Тютин. — Вот это класс!

Глава шестая **ДЕВУШКИ**

Вечером большая группа комсомольцев Московской области прибыла в Москву, чтобы принять участие в оборонных работах. Для ночлега им выделили Клуб железнодорожников на Комсомольской площади.

Ильинские девушки решили побродить по городу — спать не хотелось. Надя, Лара и Нина, отделившись от остальных, медленно пошли по Орликову переулку и Кировской улице к Чистым прудам. Несмотря на темноту, было много прохожих, все скамейки на бульварах заняты парочками, всюду слышен разговор, смех.

Лара уже несколько месяцев не приезжала в город. Военная Москва поразила ее. Столица, погруженная во мрак, выглядела необычно. В кромешной тьме, еле различимые, светились синие огоньки у ворот домов, на

остановках трамваев, у станции метро. Окна домов были косо перечеркнуты бумажными полосами. У подъездов и на лестничных клетках были видны мешки с песком и ящики с противопожарными средствами.

Каждый дом имел на вооружении грубо обработанные (их выпускали сотнями тысяч) клещи для захвата зажигательных бомб, ломы, лопаты, кирки, тяжелые огнетушители.

Дома тоже выглядели по-новому. На многих стенах и крышах, по фантазии художников, возникли диковинные сады, буйная зелень. Всюду можно было различить маскировочные пятна и полосы. Крыши домов оцетинились длинноствольными зенитками, одиночными и счетверенными пулеметами. Крыши и чердаки стали обитаемыми: дежурные местной противовоздушной обороны — пионеры, молодежь, служащие, рабочие, старички и домохозяйки — бдительно охраняли свои жилища; настороженно вглядывались они в бездонное ночное небо.

... Девушки шли по улицам Москвы. На Кировской, недалеко от метро, дорогу им преградили красноармейцы, тянувшие что-то огромное, серебристо поблескивавшее в темноте.

Аэростат воздушного заграждения, — пояснила всезнающая Нина Шишкова. — Их множество над Москвой висит.

Похожий на колоссального бегемота аэростат покорно двигался за ведущими его бойцами. Своим толстым брюхом он касался нагретого за день асфальта.

Пронзительно завывали сирены, и в черное небо

вонзились сотни голубых мечей. Загрохотали зенитки, небо запестрело разрывами снарядов.

- Воздушная тревога! — хрипло донеслось из радиорупоров. — Граждане! Укройтесь в бомбоубежища.

- Учебная, — проговорил седенький старичок, — можно в убежище не идти.

Девушки прислушались — сверху доносилось комариное надрывное гудение одиночных самолетов.

- Вот он! — Старичок ткнул пальцем в небо, и где-то далеко-далеко в вышине в голубой струе двух прожекторов можно было различить крошечную серебряную птицу.

- Тревога! С улиц долой!

Дежурные старались перекричать грохот стрельбы.

Родился новый звук. Он шел издалека, с самого неба, но приближался с диковинной быстротой. Рассекая черный воздух, на землю летели бомбы. Глухой удар потряс окрестности. Багровая вспышка пламени выхватила из мрака силуэты зданий. Распарывая воздух, над головой проныли осколки.

Второй взрыв, еще более мощный, бросил девушек на асфальт. Со звоном посыпались осколки зенитных снарядов. Чьи-то руки грубо подхватили подруг и втиснули их в подвал. В убежище было немного людей. Горели синие лампочки, в углу стояли ведра с водой.

- Вот тебе и учебная, — растерянно бормотал старичок, протирая засоренную лысину; на его морщинистом лице застыл испуг. — Вот это ахнуло!

- Пошли, — решительно сказала Лара. Надя и Нина

послушно вышли за ней.

По улицам бежали взволнованные люди. Промчалась пожарная машина, за ней другая.

Обратно пришлось возвращаться другим путем. Горящий дом оцепила милиция, маленькие фигурки пожарных сновали у пылающих развалин.

Недалеко от Ленинградского вокзала девушки остановились пораженные. Бомба расколола трехэтажный дом, половина его рухнула на мостовую и рассыпалась грудями битого кирпича, штукатурки, щебня. Другая половина уцелела. Жутко выглядело разбитое, развороченное нутро жилища. Уцелевшие жители, оцепенев от ужаса, кучкой жались к стене соседнего дома. Красноармейцы и милиционеры выносили из развалин убитых.

- А-а-а-а!— диким голосом закричала какая-то женщина.— Они здесь, здесь!.. — И она с плачем кинулась разбрасывать кирпичи.

Уставшие, перепачканные девушки возвратились в Клуб железнодорожников. Там никто не спал. Над Москвой вставал рассвет.

Утром девушки получили назначение. Их направили на строительство оборонительных сооружений на дальние подступы к Москве. Посадка на грузовики происходила здесь же, на Комсомольской площади.

С рассветом к вокзалам потянулись сотни людей с чемоданами, узлами, ящиками.

- Уезжают, — грустно сказала Надя. — Тяжело теперь в Москве.

Машины катились по шоссе Москва—Минск.

Просторная автострада позволяла развить большую скорость. Водители пользовались этим и выжимали из видавших виды полуторок и трехтонок все возможное и невозможное: придирчивых московских милиционеров здесь не было, и это радовало шоферские души.

Все же на редких КПП водители послушно подчинялись регулировщицам движения — какой-нибудь курносой девчухе в пилотке. Никто не нарушал порядка: время военное, простым штрафом не отделаешься.

Машины весело неслись по дороге, обгоняя тяжелые зеленые грузовики, нагруженные боеприпасами, продовольствием, снаряжением.

Девушки пели. Знакомая всему миру, звучала песня о великой столице:

***Кипучая, могучая,
Никем непобедимая,
Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая!***

Простые, задушевные слова приобретали теперь новый смысл, и сама песня звучала по-новому, она больше походила на военный марш.

По обе стороны шоссе тянулись широкие колхозные поля, желтела неубранная рожь, никли к земле тяжелые колосья пшеницы, зеленела сочная ботва картофеля. Проплывали рощи, перелески, мелькали потемневшие от дождя одноэтажные домики с резными наличниками и веселыми деревянными петушками на флюгерах и воротах. Синели неглубокие реки и пруды, отражая безоблачную высь.

У моста колонна остановилась. Шофер схватил брезентовое ведро и побежал к озеру.

Разомнитесь, девчата, мотор перегрелся.

Девушки соскочили на землю.

На шоссе показались санитарные машины. Дойдя до грузовиков, они тоже остановились.

- Девочки, смотрите, раненых везут!

Девчата окружили машину с красным крестом на борту.

Обросшие, бледные от потери крови, раненые производили тяжелое впечатление.

- Сверни-ка, дочка, покурить, руки не владеют. — Бородатый младший командир с загипсованной грудью и тяжелыми куклами спеленатых рук слабо улыбнулся.

Надя неловко свернула толстенную самокрутку:

- Послюните, пожалуйста!

- Ты уж сама, доченька, я не побрезгаю.

- Он даже рад будет, — прошелестел лежащий навзничь моряк с громадным гипсовым сапогом на раздробленной ноге.

- Молчи, черт дохлый! Не смущай! — шутливо накинулись на моряка соседи.

Покраснев, как пион, Надя вставила самокрутку в потрескавшиеся губы сержанта и зажгла спичку.

Рядом молчаливо лежал красноармеец с красным от жара лицом. Нина намочила платок и положила на лоб красноармейцу.

- Спасибо, сестрица, — проговорил боец, не открывая глаз.

- Ну, как там на фронте? — спросила Лара.

- Прет немец, туды его в душу... вы уж простите, девчата!

Раненые помрачнели.

- Авиация долбает — головы не поднимать.

- Мы ему тоже даем жизни, будь здоров, не кашляй! — подмигнул моряк.

- Воздух! — отчаянно закричали издалека. — Рассредотачивайтесь!

Из-за леса вынырнула шестерка «Мессершмиттов». Пулеметные очереди рубанули по машинам. Надя скатилась в кювет, многие девушки побежали к лесу.

- Ложись! — прокричал начальник колонны. — Не бегать!

Лара осталась у машины с ранеными. Беспомощные красноармейцы смотрели в небо.

Две санитарные машины укрылись в лесу.

- Водитель! Где водитель? — Лара бросилась к кабине.

Кабина была пуста.

Рванув дверцу, Лара вскочила в кабину, нажала эбонитовую кнопку. Перекрывая стрекотание пулеметов, надрывно загудел сигнал.

- Ты что делаешь? — вынырнул откуда-то перепуганный шофер. — Спасайся! Убьет!

- Гони машину в лес, подлец, понимаешь?!

- Что ты? Убьют! Тикай отсюда, командирша!

Лара кинулась к кузову. Моряк протянул ей пистолет:

- Стреляй эту дешевку с одной пули!

Схватив тяжелую рубчатую рукоятку, Лариса, замирая от страха, ткнула стволом в трясущегося водителя:

- Садись за руль!

Опасливо косясь на закопченное дуло, шофер вцепился в баранку.

Машина помчалась к лесу. Лара юркнула в кювет.

Неожиданно крупнокалиберные пули перестали щелкать по асфальту. Из-за облака выскочили два юрких красноразвездных самолета. В воздухе закипел бой. Со страшной скоростью самолеты гонялись друг за другом.

Девушки, прикрыв глаза от солнца, следили за ожесточенной схваткой. Один «Мессершмитт» задымил и вспыхнул, как факел, остальные обратились в бегство. Падающей звездой пронесся по небу подбитый стервятник, оставляя за собой багрово-черный шлейф дыма и огня. Из-за леса послышался глухой взрыв.

- Ура! — закричали девушки. — Сбили, сбили!

Низко над шоссе пронесся советский истребитель и, спланировав, сел невдалеке от автоколонны.

- Наш!

Не обращая внимания на призыв начальника колонны, девушки бросились к самолету. Возле него стоял летчик в унтах и кожаном шлеме. Он был еще весь в азарте боя и, не обращая внимания на бегущих к нему со всех сторон людей, с руганью грозил кулаком небу, где одиноко кружил его товарищ.

Подбежавшей Нине он огорченно сказал:

- Подбили-таки окаянные, будь они трижды через нитку прокляты!

Девушка хотела сказать летчику, что он молодец, настоящий герой, она готова была обнять его, но струйка крови на его лице остановила ее порыв.

- Ой, у вас кровь...

Нина платком перевязала летчику лоб. Поблескивая озорными синими глазами, он рассказал ей о бое.

- Ничего, авось получу новую. Спасибо, Витька Тала-лихин помог, а то...

- Это он летает?

- Он самый! Охраняет нас. Парень гвоздь. Москвич, между прочим.

- И мы москвичи.

Летчик опомнился. Покрутил забинтованной головой.

- Батюшки, девчат-то сколько, прямо цветник! А это командир ваш, с пистолетом?

- Что вы! — смутилась Лара, заметив, что сжимает в руке пистолет. — Это не мой... сейчас отдам.

- По машинам! — прокричали издали.

- Спасибо, землячка! Тебя как зовут?

- Нина Шишкова.

- Анатолий Павлов. Кировская, дом два, квартира двадцать четыре! Заходи после войны!

Девушки побежали к машинам.

Нина подняла голову, глянула в глубокие синие глаза и, став на носки, поцеловала летчика в окровавленную щеку и бросилась за подругами.

Слегка оторопев, летчик долго смотрел ей вслед.

Колонна скрылась за поворотом.

Летчик вздохнул и, помахав барражирующему в синеве товарищу, пошел к самолету.

Глава седьмая **ПЕРЕД БУРЕЙ**

Фашистские самолеты стали летать на Москву каждый вечер. С немецкой аккуратностью появлялись они над столицей ровно в половине одиннадцатого. По ним можно было проверять часы. И, когда кто-либо из бойцов спрашивал, скоро ли можно ложиться спать, Кузя отвечал:

- Не скоро, еще фрицы не пролетали. Вот как пролетят, останется ровно полчаса.

Зато обратно самолеты улетали всегда в разное время. Иные вынуждены были поворачивать назад у самой Москвы, не рискуя проникнуть за огненный зенитный пояс столицы. Обозленно жужжа, они кружили в вышине, выискивали подходящую цель и в конце концов сбрасывали бомбы куда попало.

В середине августа ополченскую дивизию перебросили за Вязьму. Теперь фронт был совсем недалеко. Иногда ветром доносило глухой гул, грохот грандиозного сражения. Фашистские армии упрямо рвались к Москве.

На рассвете 17 августа часовые заметили на окраине лесного массива подозрительное движение и подняли тревогу.

- В ружье! — хриплым спросонок голосом закричал Бельский.

Красноармейцы с винтовками выскакивали из палаток.

Быков повел роту к лесу.

Оттуда ударили плотными залпами, кто-то в цепи громко застонал.

- Огонь! — скомандовал Быков. — Перебежкой вперед!

Над головой посвистывали пули. Пригибаясь, припадая к земле, бойцы продвигались к опушке. Среди стволов замелькали фигурки гитлеровцев. С флангов размеренно строчили пулеметы.

Красноармейцы спустились в овраг, накапливаясь перед атакой.

- Товарищ командир, откуда они взялись? Неужели фронт прорвали?

- Десант! — коротко объяснил запыхавшийся Быков. — Бельский! Иди прямо! Второй взвод — левее, третий — по опушке! Красная ракета — сигнал атаки!

Перестрелка стихла, противник затаился в лесу. Немцы не предполагали, что им в обход послан целый батальон.

Добровольцы залегли, маскируясь в кустах, за пнями деревьев. Взволнованный Андрей осторожно осмотрелся — рядом лежали Захаров и Черных, поодаль — Тютин, Бобров, Каневский. Неподалеку, за пнем, тяжело дышал Иванов. Он не торопясь надевал на гранату оборонительную рубашку.

Послышался шорох. Ужом подполз Кузя. Он приблизился к командиру взвода, подмигнул Андрею круглым черным птичьим глазом.

Где-то далеко в глубине леса вспыхнула яростная перестрелка. Постепенно выстрелы стали приближаться и становились все громче и громче.

- Фашисты в кольце! Наши их гонят... — шепнул Бельский. — Приготовиться!

Внезапно невдалеке, как из-под земли, выросли три солдата в черных мундирах. Командир взвода от неожиданности даже попятился, приник к земле.

Андрей спокойно поймал в прорезь прицела грудь приближающегося фашиста. Немцы остановились. Маленький длинноволосый солдат с нашивками ефрейтора, в железных очках и лихо сбитой пилотке, тихо свистнул. В кустах зачернели мундиры с блестящими пуговицами.

- Огонь! — гаркнул Иванов и метнул гранату.

Андрей тронул спусковой крючок. Затрещали выстрелы.

- Батальон, вперед! Бей фашистов!

Непередаваемое чувство подняло Андрея с земли. Он бросился вперед. Его обгоняли другие.

Заработал ручной пулемет. Здоровяк Тютин, уперев приклад в живот, водил пулеметом, словно брандспойтом поливая улицу.

Иванов одним прыжком догнал удиравшего немца и сходу ударил его штыком.

Бой перешел в рукопашную. К Андрею по траве подкатился какой-то клубок. Обезумевший гитлеровец душил бойца. Андрей не понимал, не знал, что делать: стрелять или колоть, он боялся — можно было задеть своего.

- Чего смотришь? — прокричали рядом. — Их вот как надо!

Юркий Кузя выбрал момент, хватил врага стальной каской. Наш боец, хрипя, сплевывая кровь, поднялся с земли:

- Спасибо, ребята! Отвели от смерти... — Схватив автомат, он тут же отбежал куда-то.

К вечеру бой окончился. Уцелевшие десантники понуро зашагали к штабу в сопровождении конвоя.

Роту Быкова благодарил сам командир полка. Красноармейцы, стоя навтыяжку, розовели от гордости.

За ужином, у костра, размешивая складной ложкой густую кашу-размазню, Иванов говорил:

- Благодарность дело хорошее, но...

- Вот именно,— перебил его Андрей.— Вот если бы орден или медаль...

Бойцы засмеялись. Петя Родин поддержал товарища:

- Ведь бой мы выиграли, а? Иван Иванович, как считаешь?

- Я думаю, нам и благодарность зря объявили.

- Как так?

- А очень просто. Разве это бой? Так себе, стычка, и всё тут. В настоящем бою нам бы досталось на орехи.

- Внимание! — провозгласил сияющий Кузя. — Сейчас наш батя, Иван Иванович, откроет вечер воспоминаний на тему: «Первая мировая война и героические действия солдата Иванова И. И.».

- Балабон, и все! — беззлобно буркнул Иванов. — Я к тому говорю, что плохо мы сегодня действовали.

- Это почему же?

К костру подошел Бельский. Старик смутился и, склонившись над котелком, невнятно заметил:

- Так. В общем, как бы нерешительно действовали...

Бельский понял, о чем разговор, и недружелюбно посмотрел на Иванова:

- Не заметил. Впрочем... Ну ладно... После отбоя, в общем, не положено...

Андрей проводил глазами перехваченную ремнями бравую фигуру командира.

- Он виноват, да? Иван Иванович?

- Он от тебя далеко не ушел. Все вы немца в первый раз видите, отсюда и нерешительность. Привыкнем!

Ночью Андрей лежал на спине. Сквозь решетчатую крышу шалаша поблескивали искорки звезд, где-то высоко назойливым комаром нудно гудел фашистский самолет.

Андрей вспоминал убитого им врага. После боя странное, незнакомое доселе чувство заставило его взглянуть на труп. Фашистский офицер лежал, подогнув колени к покрытому рыжеватой порослью острому подбородку. На петлицах мундира белели две буквы: «СС».

Чувство омерзения и страха перед мертвым заставило Андрея поспешно уйти.

«Будет теперь сниться мне всю ночь!» — подумал он.

Но, пощупав плечо спавшего рядом Боброва, Андрей повернулся на бок и заснул тяжелым, крепким сном. Офицер ему не приснился.

Последняя декада сентября. Прозрачное далекое небо.

Тончайшие на лужицах ледяные закраины исчезают при первых же лучах желтого солнца. Вокруг багряный бушующий океан лесов, падающие листья. На лесных озерах — кряканье подростшего молодняка. Чувствуется холодное дыхание осени.

Под напором рвущихся вперед немецко-фашистских войск наши части отходили и закреплялись у старинного русского города. Снежными горами белели храмы с золочеными куполами. Видны были вытянувшиеся линии деревянных домиков с резными наличниками и каменные торговые ряды, хранившие память о ганзейских связях древнерусского купечества.

Рота Быкова разместилась на западном окраине Вязьмы. Бойцы, отвыкшие за время лесной жизни от домашних удобств, чувствовали себя здесь прекрасно. Правда, до сих пор ополченская дивизия в серьезных боях не участвовала, все дело ограничивалось операциями против десантников и диверсантов, и бойцы были явно недовольны таким поворотом событий.

Утром, когда красноармейцы чистили оружие у самодельного станка, к ним подошел какой-то старичок, видимо из здешних. Сухонький, с остро выпирающим горбом и длинной, пожелтевшей от времени бородой, он долго молча буравил глазками белорубашечную шеренгу бойцов, а потом, словно ни к кому не обращаясь, сказал:

- Вот и дошла армия до нашего краю! Видать, и анти-христовы войска вскорости придут. Эвон музыка гремит...

Такое начало ребятам не понравилось. Последнее время слишком часто местные жители поглядывают на них с горечью и даже с жалостью. В глазах женщин, глядевших

на отступающих, копился невыплаканный упрек.

Бобров хмуро посмотрел на горбуна. Родин со вздохом отвернулся, а маленький Копалкин, поймав щупающий насмешливый взгляд незнакомца, ответил петушиным баском:

- Ты чего, дедка, на меня уставился? Или не видал таких?

- Правильно. Таких малых солдат отродясь видать не приходилось. Бывало, у царя Николашки... богатыри! А тебе годков пятнадцать, поди?

Игорь побледнел от обиды. Задетый за живое, Бельский заступился за своего красноармейца:

— Ты, дед, отсюда ступай! Здесь воинская часть, гражданским находиться не положено.

Иванов, раньше всех окончивший чистку винтовки, подошел к старику и указал на Тютин:

- Ну, дедушка, скажи, чем не гвардеец наш Гришка?

- Н-да-с, — крякнул старик. — Этот действительно. При всей форме. Экая лешевая дубина!

Тютин, беззлобно рассмеявшись, схватил деда на руки и несколько раз высоко подбросил в воздух. Старик испуганно тарачил глазки и разевал рот, как пойманная на крючок рыба.

Иванов взял старика под руку и отвел к крыльцу покосившегося домика, на ходу доставая кисет.

- Благодарствую, — перевел дыхание дед. — Ух, ну и медведище! А этот... командир-то ваш с ангельским ликом, со двора гонит. А я здесь родился и семь десятков прожил... Это как же так?

- Не волнуйся, отец! Молод он еще, не объезжен. Давай-ка закурим вместе.

В полдень старшина привез обед. Двуколка с кухней остановилась за оградой у церкви. Перегоняя друг друга, туда устремились бойцы с котелками. Из соседнего домика вышел командир роты с биноклем и посмотрел на небо. Где-то в синеве черным комариком гудел фашистский разведчик. Укрытые в городском парке, захлопали зенитки, но на их выстрелы никто не обратил внимания.

«Привыкли бойцы», — подумал Быков.

День прошел спокойно. Стрельба на западной стороне прекратилась.

- Утих фронт, — задумчиво проговорил Быков, глядя на Бельского. — Не нравится, знаешь, мне эта тишина.

Как и всякий фронтовик, он боялся тишины и не доверял ее обманчивой безмятежности.

- Подтягивают резервы. — Бельский поправил портупею.

К ним подошла группа бойцов. Бобров попросил:

- Разрешите отлучиться, товарищ командир? Хотим посмотреть город.

- Нечего, нечего города рассматривать! — нахмурился Бельский.

- Не пускает, — Бобров отошел к товарищам.

- Формалист! — Андрей с сожалением посмотрел на улицу.

Пришлось погулять по ближайшей улице, в пределах расположения роты. На улице Ника Черных толкнул

Андрея локтем:

- Смотри!

Две девушки в пилотках и гимнастерках с зелеными петличками медленно шли им навстречу. Через несколько минут состоялось знакомство, и все вместе стали прогуливаться вдоль улицы.

- Какая чудесная церковь! — проговорила черноглазая бойкая девушка. — Изумительно красивое строение!

- Хотите подойти поближе?

Вторая девушка, пышная, курносенькая, вопросительно взглянула на подругу:

- Маша, пойдём?

- Решено, товарищи медики! — Расторопный Бобров и Черных пошли с девушками вперед, Андрей с Копалкиным плелись позади.

У самой церкви на паперти сгрудились бойцы — отделение Иванова. Сам Иванов, надевший недавно два треугольничка младшего сержанта, хозяйственно оглядывал своих немногочисленных подчиненных. В центре на ступеньке сидел знакомый старичок и что-то рассказывал.

- Садитесь, — шепнул ребятам Каневский, — интересно.

Скрипучий старческий голос неторопливо, прерывисто журчал:

...городишко наш известный. Иоанн Третий его, значит, присоединил к Москве, сделал крепостью. Жгли его враги, рушили. Литовский гетман Кошка жег. Потом отстроили. Боярин Телепень-Овчина пановал. Целая

банда у него была. Ох, и многострадальная наша Вязьма! Грозный-царь был, Годунов был, поляки, литовцы, французы. Платов-атаман здесь воевал. Да... А теперь Гитлер подходит...

Старик обвел глазами красноармейцев и дрогнувшим, надтреснутым голосом тихо спросил:

- Удержите ли, выдюжите ли?

Красноармейцы молчали. Старик ударил в самое болезненное, в нерубцующуюся открытую рану. Горькая правда отступления мучила бойцов. Они видели толпы беженцев, растерянные лица отступающих, горячечный бред обмотанных бинтами раненых.

- Народ жаль. Мне что? Я свое оттопал, да и звание мое — церковный сторож — невелико. А вот бабы, детишечки... — Старик по-детски утирал слезы сморщенным кулачком.

- Дедушка, дедушка, успокойтесь! — Черноглазая девушка обняла старичка.

Красноармейцы, потупившись, молчали, поглядывая на Иванова. К нему прислушивались. Его слова ждали.

- Выдержим. Нужно выдержать, папаша! — Иванов не спеша закуривал и поделился табаком со стариком.

Откуда-то принесли гармонь, и обрадованный Каневский широко распахнул мехи.

- Ты, паря, «Шумел-горел пожар московский» знаешь играть?

Каневский покачал головой. Он знает популярную песню «Шумел камыш, деревья гнулись», — вмешался Кузя.

- Хорошая песня, — серьезно одобрил дед, — но под сухую не идет.

Девушки затаили «Стеньку Разина». Кузя хлопнул Каневского по плечу:

- Брось ты эту канитель, давай русского!

Весело заиграла гармошка, в круг выскочила черноглазая.

- Маша, покажи класс!

- А ну, наддай!

Подтянутый Бобров пошел впрыскаю. Кузя по-разбойничьи свистнул, Черных, Захаров и Родин ринулись за Бобровым. Игорь Копалкин, выхватив из-за обмотки ложку, лихо пощелкивал в такт танцующим:

- Наддай, москвичи!

Тонкие пальцы Каневского порхали по перламутровым пуговкам, Пляска разгоралась. Дробно пощелкивали девичьи сапожки с маленькими металлическими подковками.

- На паперти, на паперти... ох, грех!

Старичок покрутил головой, секунду смотрел на мечущихся в пляске бойцов и хлопнул в ладоши.

- Пляши, ребята, господь простит!

- Сторонись! — грозно крикнул никем не замеченный Быков и прошелся так ловко, что все остановились, глядя на командира.

- Вот дает! — восторженно сказал Копалкин, усиленно треща ложкой. — Как в ансамбле...

- Вы что ж думаете, ежели командир, так ему и сплясать

нельзя? — шутливо проговорил Быков, переводя дух, и, встретившись с неодобрительным взглядом лейтенанта Бельского, крикнул: — Вот так и в Берлине плясать будем! Пляши, ребята, смелее!

Тысячей взрывов лопнула тишина. Грохот орудий слился в мощный гул. Вздогнув, замерли бойцы, не доиграла гармонь. Прохладный ветер принес дыхание близкого сражения.

Командир роты Быков, лейтенант Бельский, Иванов, сопровождаемые сторожем, поднялись на колокольню. Отсюда хорошо просматривалась местность. Линия фронта была опоясана огнем. Далеко впереди ползла извилистая золотая змея, в темноте расцветали багровые вспышки разрывов. С вражеской стороны началась артподготовка.

Быков крепко потер лоб.

- Немцы перешли в наступление, — прерывающимся от волнения голосом прошептал Вельский, — до нас меньше двадцати километров.

- Ползет-таки фашист! — вздохнул Иванов. — Надо готовиться к встрече.

Старик сторож попросил у Быкова бинокль:

- Огонь сверкает. Германцы — народ упорный, на Москву рвутся.

- Пошли!

Спускаясь, Быков приказал Бельскому быть наготове, а сам быстрым шагом направился в штаб батальона.

Иванов приказал бойцам ложиться спать, а сам еще долго возился в избе, проверяя оружие и боеприпасы.

Глава восьмая

БОЙ

На рассвете вместе с первыми лучами солнца появились немецкие самолеты. Самолеты шли со стороны солнца, используя его как прикрытие.

Зенитчики разгадали маневр врага, и через мгновение бледное небо запестрело шапками разрывов.

Медлительные бомбардировщики с ревом обрушились на город. Юркие тонкотелые истребители стремительно скользили над крышами домов, поливая опустевшие улицы и площади пулеметным огнем. Город содрогнулся от тяжелых ударов бомб. Зенитный огонь вскоре ослабел: фашистам удалось подавить батареи.

Иванов приказал бойцам бить по самолетам. Бобров выбрался на крышу и, примостившись за кирпичной трубой, стал посылать навстречу пикирующим «Мессершмиттам» пулю за пулей.

Захаров и Черных били вверх из распахнутого окна, Каневский, выскочивший во двор с ручным пулеметом, заметался в поисках подходящей опоры.

— Григорий! — ухватил его за рукав Тютин. — Я нагнусь, дуй с меня!

Тютин упер руки в колени, Каневский положил пулемет на его широкое плечо.

Новая волна самолетов зашла в пике. Черный «Мессершмитт» косо прошелся над крышей, прошив ее

очередью зажигательных пуль. Дом церковного сторожа вспыхнул, как свечка. Бронебойная пуля ударила в трубу. Брызнули осколки кирпича, один из них рассек Боброву висок.

Взобравшись на крышу, Андрей перетянул платком рану товарища и залег за трубой.

Штурмовка и бомбежка продолжались минут тридцать. Наконец самолеты улетели.

Город горел. Густой черный дым сплошной пеленой повис над центром. По улице бежали люди. Старушка, задыхаясь, несла в руке фикус. Молодая женщина в купальном халатике и резиновых ботах тянула за руку девочку. Девочка тащила белого котенка. Невдалеке гнали испуганно блеющих коз, тащили на веревке упирающуюся визжащую свинью. На носилках несли полного старика с такими выбеленными от времени волосами, что их нельзя было отличить от бледной кожи лица. Из желтой костистой его ноги сочилась кровь. Второй ноги у него не было, вместо нее — лужа черной крови на носилках.

Бойцы помогали населению. Домик сторожа удалось потушить, но пожары вокруг не прекращались. Ветер гнал по улице тучи пыли, пепла, едкого дыма.

В полдень дороги опустели, население покинуло город.

Вернувшись от командира роты, Бельский рассказал, что покуда никаких приказов о передислокации нет, хотя немцы ночью перешли в наступление по всему фронту.

- Шел по городу, как по пустыне, гражданских никого не осталось.

- Страшное дело — город без людей! — сказал Иванов. Высокий цыганистый боец Чуриков из соседнего взвода, нагло вато улыбаясь, дополнил:

- Квартиры настезь, барахло покидали, входи в любую— бери что хочешь!

Иванов пристально посмотрел на Чурикова:

- Только попробуй!

- Так ведь все равно пропадет!

Тютин поднес к носу Чурикова громадный кулачище:

- Чем пахнет?

- Смертью, — нарочито сонным голосом отозвался Кузя. Все, в том числе Чуриков, смеялись. Иванов спокойно, но веско проговорил:

- Замечу — пулю слопаешь! Чуриков испуганно отошел.

Вскоре по дороге через город потянулись раненые. Их везли на машинах и на лошадях. Многие шли пешком, бледные, обросшие, перевязанные кровавыми, грязными от пыли бинтами.

Двое раненых остановились напиться. Повар Федотыч принес им две банки консервов, пачку печенья и бутылку молока. Старшина протянул флягу с водкой, отвинтил алюминиевый стаканчик.

- Благодарствуем, ребята! — Рыжебородый боец, не поворачивая простреленной шеи, скосил красные, в прожилках глаза. — Товарищу подсобите...

Второй раненый, прижимая к груди гипсовые коробочки рук, попросил свернуть самокрутку. От водки, к удивлению старшины, оба отказались. Младший

промолчал, а рыжебородый нехотя ответил:

- Не к настроению, ребята! Он-то валом валит. Огнеметные танки в ход пустил — от них земля горит. Пулеметчиков наших накрыл. Довелось потом мимо их окопчика идти — сидят как живые, обугленные, одни глаза белые видны. А руки у первого номера так к затылку пулемета и прикипели.

- Гитлер-то приказ дал начать генеральное наступление на Москву. Вот оно как...

Боец с перебитыми руками выплюнул папироску и с ожесточением затоптал ее в грязь.

- Он, гад, и нас так же норовит в землю втолочь, — заметил рыжебородый.

К вечеру рота получила приказ приготовиться к бою. Еще засветло через город проехало множество штабных машин, артиллерия. Ночь прошла спокойно.

Утром Иванов побрился, аккуратно протер бритву, сложил ее в подбитую бархатом коробочку, подшил воротничок, стянул брезентовым ремешком гимнастерку. Утреннюю проверку проводил особенно тщательно. Высокому Каневскому приказал перейти на правый фланг, Родину сделал замечание за расстегнутый ворот, Копалкина заставил вычистить винтовку.

- Ты, батя, стал настоящим бюрократам,— обидчиво сказал ему Тютин: — пуговицу заставляешь пришивать! Сейчас фрицы пойдут — полетят пуговицы вместе с потрохами.

- А ты воинский вид иметь должен, потому как ты потомственный рабочий и русский солдат! А фашисты пойдут — бей их в кровину, в сердце!

Смешливый Кузя и тут не утерпел:

- В желудок их, в печенки, селезенки, а самое милое дело — в пупок. Фашисты этого не выдерживают — в момент погибаются!

Под смех бойцов Иванов ласково потрепал Кузю по плечу:

- Эх, сынок!

- Разговорчики в строю! — рассердился Бельский. — Не положено! Смирно! — крикнул он, завидев подходившего командира роты.

- Вольно, вольно! Бельский, сейчас артиллерия подойдет. Надо выбрать позиции.

За церковью красноармейцы катили маленькие зенитные пушчонки. Чернявый лейтенант-артиллерист подошел к Быкову:

- Лейтенант Хаштария, командир батареи.

Быков крепко пожал ему руку. Бельский поморщился:

- «Сорокпятки»! Ну, теперь пропало все!

- Ничего, дорогой! — Артиллерист хлопнул пушку-сорокапятимиллиметровку по щиту. — Ты еще ей спасибо скажешь.

Немцы пошли в полдень. На западе со стороны леса показалась бронированная колонна и, поблескивая под лучами солнца, окутанная тучей пыли, поползла к замершему городу.

- Идут! — крикнул наблюдатель с колокольни. — Товарищ старший лейтенант, немцы!

Тяжелый снаряд, ударив на метр ниже того места, где был наблюдатель, пробил толстую стену и разорвался

внутри. Восьмиконечный крест, поблескивая истертой позолотой, рухнул вниз, придавив к земле распростертое тело наблюдателя.

- К бою! — закричал Быков и бросился к командному пункту.

Бельский, пригнувшись, спустился в траншею. Лейтенант-артиллерист, забыв обо всем, припал к биноклю.

Танки с ходу открыли огонь по окраинам. Не видя замаскировавшихся красноармейцев, но чувствуя, что город не будет оставлен без боя, гитлеровцы обрушили лавину огня на предполагаемые районы засад и обороны.

- Приготовиться! — крикнул Бельский.

Танки приближались, вслед за ними цепями бежала пехота.

Андрей щелкнул затвором, вогнал патрон в казенник. Тютин и Каневский возились с пулеметом. Иванов быстро втыкал запалы в тяжелые рубчатые тела гранат.

Курганов боязливо поглядывал на Иванова: попадет пуля — костей не соберешь. Сам еще не научился как следует бросать гранаты и относился к этому оружию с опаской.

Город молчал. Немцы осмелели, Танки, не переставая стрелять, выползли на шоссе и бешено рванулись вперед.

- Выкатывай на прямую! — гаркнул лейтенант-артиллерист.

Не обращая внимания на осколки рвущихся снарядов, артиллеристы вытащили орудия на прямую наводку.

Загремели выстрелы. Головной танк лязгнул сбитой

гусеницей, завертелся на месте.

- Ура! — заорали артиллеристы.

Тотчас же их пушчонки закрылись букетами разрывов, бронебойный снаряд, сбив щиту одной из них, разметал прислугу. Легкий танк вырвался вперед, и не успел Андрей ахнуть, как танк, вздыбившись, накрыл орудие вместе с расчетом и, дернув кормой, помчался правее, на траншею соседней роты.

Андрей пришел в себя, заметив, что расстрелял все патроны и отчаянно жмет на спусковой крючок. Трясущимися руками он вогнал новую обойму.

Впереди мелькали зеленые фигурки немецких солдат, справа пылал танк. Кто его поджег, Андрей не знал. Пулеметная очередь веером прошла над землей, у Андрея слетела пилотка. Он пригнулся, и в тот же момент грохочущее чудовище, перевалив через траншею, загородило небо. Андрей увидел над собой черное брюхо танка, одна гусеница его, блестя отполированными траками, вертелась с огромной скоростью, вторая медленно, словно нехотя, сокращалась.

Танк ерзал на траншее.

«Засыпать хочет! — мелькнуло у Андрея. — Заваливает». В ужасе он выпустил винтовку. Кто-то пробежал по нему, больно наступив сапогом на живот.

Внезапно снова засинело небо — танк, сорвавшись с места, заметался, пытаясь сбить пышный шлейф пламени, тянувшийся за ним. И вдруг - тишина! Кто-то монотонно стонал. Андрей выглянул из траншеи: пылающий танк остановился метрах в тридцати от него. Из люка выпрыгнули немцы-танкисты.

- Бей, чего смотришь?

Окровавленный Валька Бобров дал длинную очередь из автомата. Черные фигурки припали к земле.

- Отбили, — спокойно проговорил Иванов. — Три танка горят.

- Первое боевое крещение. — Захаров вытер платком грязное, закопченное лицо.

Бледный Родин ожесточенно тряс головой, вертел пальцем в ухе:

- Заложило, ничего не слышу... Что это, батя?

Иванов успокоительно махнул рукой:

- Держись, сынки, сейчас в атаку пойдут!

И действительно, гитлеровцы с воплями бросились в атаку. По своей численности они в десятки раз превосходили советские части. Сопротивление красноармейцев их ожесточало.

Снова завязалась перестрелка. Дробно стучал «максим», с левого фланга его поддерживали ручные пулеметы.

- Огонь! — крикнул Бельский и застрочил из автомата.

Иванов бросил одну за другой несколько гранат, а последнюю сунул Андрею:

- Швыряй!

Андрей что есть силы метнул гранату, словно голыш на Москве-реке.

- Дурак! Кольцо!

Граната без разрыва шлепнулась в землю.

Иванов припал к винтовке. Андрей снова расстрелял

обойму и с открытым ртом глядел на приближающуюся смерть.

Рослые гитлеровцы с засученными рукавами мундиров, в стальных шлемах, уперев в животы автоматы, быстро приближались.

- Ребята! — отчаянно закричал Каневский. — Вылазь! Бей гитлеров, сволочь эту!

- В штыки! — скомандовал Иванов, выпрыгивая на бруствер.

Бельский с пистолетом побежал вперед, за ним хлынули бойцы, справа и слева их поддерживали соседи. Рота Быкова перешла в штыковую контратаку.

Андрей бежал вместе со всеми, выставив тонкое жало штыка. Его обогнал Иванов и с разбегу всадил штык в грудь громадного гитлеровца в распахнутом мундире. Второго немца заколол Бобров. Тютин, схватив дегтяревский пулемет за пламегаситель, обрушил приклад на каску ближайшего фашиста.

К полудню бой прекратился. Нависшую тишину нарушали одиночные выстрелы где-то на левом фланге. Красноармейцы роты Быкова, воспользовавшись затишьем, курили, пили холодную, до ломоты в зубах, колодезную воду, чуть отдававшую полынной горечью. Бойцы вылезли из укрытий, разминались. Командир отделения Иванов аккуратно зашивал гимнастерку. К нему подошли красноармейцы. Бобров тотчас же внимательно осмотрел собственное обмундирование — он вообще старался во всем подражать командирам, и даже в разговоре с товарищами у него порой звучали начальственные нотки. Ребята посмеивались над

Валькой, но к замечаниям его все же прислушивались.

Вдоль обороны неторопливо прошел командир роты, на ходу давая указания лейтенанту Вельскому. Когда оба свернули за угол, Родин сказал Андрею:

- Знаешь что? Давай зайдём в этот двор.

- Зачем?

- Там есть кое-что интересное.

Андрей согласился. Вместе с ним пошли Игорь Копалкин, Ника Черных и Кузя. В полуразрушенном доме, очевидно, помещалась городская пионерская организация. Во дворе на клумбе стоял гипсовый мальчик с горном в вытянутой руке. Тут же валялась зеленая вывеска с красными неровными буквами.

«Дворец пионеров», — прочитал Кузя. — Ничего себе дворец! Ты, Петька, хоть и старше нас всех на год, а, видно, еще не вырос из пионерского возраста.

- Долдон!

- Нет, серьезно? — спросил Андрей. — Ты что здесь нашел интересного?

- Идите сюда.

Родин провел ребят к бассейну. Там на песчаном дне, среди густых водорослей мелькали золотистые огоньки.

- Рыбки... — выдохнул Родин. — Вы только посмотрите, какая красота! Вон те, покрупнее, — золотые, а вот у самой поверхности рыбка с длинным хвостом.

- Хвост, как шлейф, развевается...

Правильно, Игорек. Эта рыбка так и называется — вуалехвост. Очень красивая, редкая рыбка.

- Как ты сказал — прохвост? — не удержался Кузя.

- Прохвост это ты... Посмотрите, вон маленькие рыбки плавают — это живородящие, так называемые бойцовые рыбки.

- Почему их так называют? — спросил Ника.

- Потому что они очень воинственны и нападают порой на больших рыб. Бесстрашные рыбки.

- Боец должен быть бесстрашным...

Внимание, — замахал руками Кузя. — Сейчас наш Игорек приведет подходящий пример из приключенческой литературы.

- А что, Буссенара «Капитан Сорвиголова» читали? Эх, вы!..

- Не читали, — буркнул Ника. — А как называется вон та, черная рыбка — тоже вуалехвостка?

- Нет. Это рыбка-телескоп.

Родин долго и нудно рассказывал о нравах различных рыб и основательно всем надоел, только один Игорь слушал внимательно. Кузе наскучил ихтиологический экскурс, он встал с цементной стенки бассейна и подмигнул ребятам:

- Ах, до чего же я люблю рыб!..

- И я тоже, — поддакнул Ника.

- В сметане, в масле, фаршированных, маринованных и особенно уху!

- И я тоже... — повторил Ника.

Родин обиделся. Замолчал. Потом достал из вещевого мешка кусок хлеба.

- Покормлю их. Кто теперь о них позаботится?

Родин бросал в воду крошки. Рыбки стайкой бросались к хлебу, хватали его и, плеснув хвостом, стремглав уходили в глубину. И так тихо было кругом, что ребятам казалось, что войны никакой нет, что все недавнее прошлое — тяжелый кошмарный сон, который никогда не повторится. Перестрелка прекратилась, только где-то вдали в бледном вечернем небе звенел жаворонок.

Родился новый звук. Он возник в бледнеющем вечернем окаймленном багровой полоской заката небе. Он приближался, рос, настойчиво лез в уши.

- Ложись!

Андрей толкнул Кузю, пригнул к земле Копалкина и вместе с ним плашмя распластался на траве у самой цементной стенки бассейна. Через какую-то долю секунды одиночная мина, провыв над головами, с треском плюхнулась в бассейн.

Взметнулся к небу фонтан зеленой воды, завыли, раздирая воздух, осколки. Когда взрыв отгремел, ребята стали подниматься, отряхивались и смущенно поглядывали на Боброва. Валька не ложился, он продолжал стоять на том же месте, где и стоял, с самым независимым видом и курил папиросу. Андрей даже подивился спокойствию товарища. Если б он знал, сколько это стоило Валентину! Еще больше восхитился поступком Боброва Игорь Копалкин.

«Он хладнокровен, как индеец из племени могикан», — думал Игорь, восторженно оглядывая Валентина.

Бобров действительно немного смахивал на индейца. Смуглый, черноглазый, прямой нос с горбинкой,

атлетическая, тонкая в талии фигура — Игорю на самом деле казалось, что перед ним ожившая иллюстрация к роману Фенимора Купера.

- Смотрите, смотрите! — Андрей указал на бассейн.

Мина уничтожила маленький грот, разметала водоросли, повредила стенки бассейна, обнажила кирпичную кладку. Десятки рыбок, растерзанных осколками, оглушенных взрывом, перевернувшись вверх брюшками, плавали на поверхности. Красивая золотая рыбка-вуалехвост, пробитая осколком, сочилась кровью.

Ребята хмуро смотрели на уничтоженный бассейн.

- Пойдем, — негромко сказал Бобров и сбросил с плеча пук водорослей. — Война продолжается.

Ночью никто не спал. Противник не подавал признаков жизни, но полковые разведчики, вернувшись из поиска, сообщили, что гитлеровцы накапливаются за лесом. Рота укрепляла позиции, рыла траншеи, соединяя их ходами сообщения. Быков понимал, что удержаться здесь можно будет недолго — слишком слаба оборона, нет почти противотанковых средств, зато танкоопасных направлений вполне достаточно для того, чтобы выбить обороняющихся.

Андрей прилег на дно окопа, положив под голову вещевой мешок. В нем находились котелок и пара белья — лежать было неудобно. Андрей смял белье комком и положил на котелок. Земля была теплая, песчаная. В темном небе мерцали крупные звезды. Андрей вспомнил о матери, о родных и знакомых, вспомнил Лару.

Наверху зашуршало, послышались шаркающие шаги, в

окоп скатились комочки земли — подошел связной красноармеец.

- Подымайтесь, братки!

- Немцы? — встревожился Родин, выскакивая из соседнего окопчика.

- Какие немцы! На собрание шагом марш!

Комсомольцы собрались в городском сквере. Возле зарослей акации поставили стол, принесли садовые скамейки. Многие сидели прямо на траве. Собрание открыл Бобров. Его избрали комсоргом еще под Можайском, когда рота гордо именовалась самокатной. Валентин был честен, прям и смел. Комсомольцы его уважали. На повестке дня стояло несколько вопросов. Первый вопрос — прием. Приняли двух пулеметчиков. Узкий лучик карманного фонарика скользнул по третьему листку.

- Копалкин, — негромко вызвал Бобров, — подойди сюда.

Игорь, волнуясь, вышел вперед и замер.

- Расскажи биографию, — попросили из темноты.

- Слушаюсь. Родился в 1924 году, отец — рабочий, мать — домохозяйка, окончил девять классов Ильинской средней школы. Ну вот... вот и вся .. автобиография.

- Устав знаешь?

- Да, мне Валя объяснял.

- Какой еще Валя? — насмешливо спросил Каневский.

- Товарищ Бобров, комсорг...

- Основная обязанность комсомольца в чем заключается?

- Защищать родину, бить фашистов.

— Что ж, — заметил политрук Светильников, — правильно.

- Вопросов больше нет?

Ребята молчали. Конечно, в мирной обстановке, в школе, вопросы несомненно нашлись бы, но здесь, на фронте, о чем спрашивать?

- Как проявил себя в бою?

- Пока ничего. Не теряется, — ответил за Игоря Бобров.

А Светильников заметил, как бы про себя:

- Еще и боев настоящих не было.

- Есть предложение принять Игоря Копалкина в комсомол. Ставлю на голосование: кто за это предложение, прошу поднять руку... Тьфу, забыл, что ночь на дворе... Кто против, назовите свои фамилии.

Грянули взрывы, ахнув, расколосось небо — фашисты начали артподготовку. Мины летели сериями, рвались с треском, расцветивая темноту вспышками пламени. Когда огонь утих, комсомольцы поднялись с земли.

- Голосую! — громко крикнул Бобров. — Кто против?

В кустах стонали раненые, кто-то явственно произнес сдавленным от муки голосом:

- Горыть. . . пэче. . . Ой, не могу. ..

- Вызвать санитаров, — приказал Светильников. — перевязать раненых — и в тыл.

- Против нет? — крикнул Бобров. — Воздержавшихся нет? Поздравляю, Игорь. Собрание окончено — по местам!

Но гитлеровцы этой ночью в атаку не пошли. Они предпочли дожидаться рассвета. И всю ночь обстреливали передний край, держа красноармейцев в непрерывном напряжении. Отделение Иванова вело редкий огонь по противнику. Андрей вместе с Никой Черных и Захаровым забрались на крышу ближайшего дома — оттуда была хорошо видна позиция фашистов. Гитлеровцы стреляли трассирующими пулями — светящиеся пунктиры тянулись от опушки леса к городу, вонзались в его тело.

- Следи, откуда стреляют, — сказал Андрей. — Бей по вспышкам.

- Ладно, — отозвался шепотом Ника.

Захаров сердито дернул плечом:

- Не учи, сами знаем!

Андрей обернулся к нему:

- Ленька, неужели ты до сих пор злишься на меня?

- А ты как думал? Такую подлость не сразу забудешь.

- Что? — хрипло произнес Андрей. — Да за эти слова я тебе знаешь, что сделаю!

- Плевать мне на тебя, трус!

Осторожно положив винтовку, Андрей бросился на Захарова — они покатались по крыше, гремя черепицей.

- Сбесились! — гаркнул Ника, разнимая их. — Ленька, перестань! Андрей, оставь его!

Фашистский крупнокалиберный пулемет дал длинную очередь. Тяжелые бронебойные и зажигательные пули хлестнули по крыше, и дом вспыхнул, как свечка.

- Ребята, вниз! — крикнул Ника и первым спрыгнул с трехметровой высоты.

Андрей и Ленька Захаров поспешили за ним. Дом пылал и, по-видимому, служил неплохим ориентиром — гитлеровцы усилили огонь, засвистели пули.

- Бежим в траншею!

- Стой! — спохватился Андрей. — Я винтовку забыл на крыше! — и бросился к дому прихрамывая (он спрыгнул с крыши неудачно и подвернул ногу).

«Не успею, — лихорадочно стучало в висках. — Сгорит оружие. Позор!»

Ника и Ленька, не сговариваясь, подбежали к дому. Захаров ловко полез вверх по водосточной трубе, едва удержался и через мгновение очутился на пылающей крыше. Темный силуэт на фоне яркого пламени был заметен издалека и несколько пуль просвистели над его головой, но Захаров уже разыскал винтовку товарища, швырнул ее Нике и скатился вниз.

- Возьми свое оружие, герой, — буркнул Захаров, не глядя на Андрея, — и больше не бросай — дураков нет за тобой ухаживать.

- Спасибо...

- Плевал я на твое спасибо!

- Будет вам грызться, — вмешался Ника. — Ишь, какие антагонисты! Пошли к окопам, покуда нас не подстрелили.

В траншее их встретил спокойный, как обычно, Иванов.

- Целы? Не спалил вас Гитлер?

- Куда ему!

- Так. А это что за украшение? — Иванов ткнул пальцем в Андрея.

У того под глазом расплывался солидный синяк. В рассветном сумраке синяк выглядел особенно неприглядно.

- Упал, — потупился Андрей. — Ушибся.

- Понятно. Упал. А когда падал, на чей кулак наткнулся? Драку сочинили?

- Лейтенант идет! — шепнул Черных, стараясь отвлечь Иванова.

Бельский рассеянно оглядел притихших бойцов и негромко сказал:

- Приготовьтесь. Сейчас пойдём.

Рассветало. Из-за зеленой кромки леса показалось солнце. Дрожащие косые лучи осторожно скользили по земле, точно ощупывали ее. С земли поднимались полосы тумана — плыли, колыхались, таяли. Рота Быкова застыла в обороне. Сам командир находился вместе с бойцами Бельского.

Быков подошел к позиции пулеметчиков. Здоровенный Григорий Тютин, по обыкновению, что-то жевал, а нервный, порывистый Каневский курил папиросы одну за другой.

Здесь и застала старшего лейтенанта вражеская арт-подготовка. Быков пригнулся в окопчике. Оспины на его лице обозначились резче — отлила кровь. Каневский уткнулся головой в песок, и только Тютин неторопливо спрятал в карман хлеб и, продолжая жевать, медленно спустился в окопчик.

Когда артиллерийский огонь стих, Бельский скомандовал тонким голосом:

- Приготовиться к отражению атаки!

Бойцы поспешно отряхивались, протирали оружие. Подполз Лаптев, степенный, конопатый, круглоглазый, и шепотом доложил:

- Накрыло двоих в моем отделении. Прямое попадание.

- Идите к своим. Сейчас начнется!

- Есть!

Налетевший ветер донес обрывок вражеской команды:

- Эрсте компани, шнеллер!

Застрекотали немецкие автоматы, рассыпая веера пуль. Бойцы сидели в окопах—над головами посвистывало. И вдруг земля задрожала от крика, топота сотен ног вражеских солдат. Бельский выглянул из траншеи, выхватил пистолет. Андрей во все глаза глядел на лейтенанта — Бельский сердито посмотрел на бойцов, призывно махнул рукой и выскочил из окопа.

- За мной! Вперед!

- Бей фашистов! — крикнул Иванов и вместе с бойцами побежал навстречу фигуркам в серо-зеленых мундирах.

Андрей бежал рядом с ребятами, вытянув винтовку. Его обогнал Бобров. Андрей увидел впереди распахнутый чужой мундир, красное лицо, залитое потом, и выстрелил, не целясь. Фашист упал.

- Танки! — заорал Родин. — Наши танки! Ура-а!

По полю мчались советские танки. Они врезались во вражеские позиции, раздавили длинноствольную пушку, обратили в бегство немецкую пехоту и сами остались на поле боя, превратившись в пылающие костры.

Но дело было сделано — фашистская атака

захлебнулась.

К вечеру гитлеровцы отошли. Перед концом атаки автоматная пуля прохватила Андрею руку ниже локтя. Ему показалось, что по руке ударили палкой. Рука онемела. Андрей продолжал стрелять. Прямо перед ним с воем упала мина. Всплеск огня, упругий толчок, тишина...

Глава девятая **НА РЫТЬЕ РВА**

Сеял мелкий дождь. Резкий ветер, налетавший порывами, бросал в разгоряченные от тяжелой работы девичьи лица пригоршни холодной воды. Дождь шел третий день. Одежда облепляла тело, стесняла движения. Быстрые струйки проникали за ворот, текли по спине, по груди. Грунт вязкими пудовыми комками прилипал к лопатам; землю трудно было поддеть и стряхнуть. На нежных подушечках рук пухли, багровели мозоли. Хлюпающие туфельки расползались по швам. Одежда не просыхала неделями. Было невероятно тяжело, но девушки и женщины не прекращали работы.

Огромная извивающаяся змея противотанкового рва бурым суглинистым поясом охватила столицу.

Портнихи, врачи, учительницы, продавщицы, телефонистки, секретари, машинистки, домашние работницы, домохозяйки, школьницы и киноактрисы самоотверженно работали на строительстве оборонительных сооружений.

Милые, родные москвички, наши добрые морщинистые

матери, верные подруги, светлоглазые бойкие сестренки, прекрасные возлюбленные! В этот грозный час вы отдали родине все, что могли. Вы хотели быть поближе к нам, поближе к фронту, и свое слово сдержали.

Своими нежными руками вы вынимали сотни тысяч кубометров мерзлого грунта, возводили баррикады и доты, вбивали в закаменевшую землю тяжелые надолбы и рельсы, протягивали колючую проволоку, устанавливали ежи...

Неоценим ваш вклад в дело победы. И за это спасибо вам, наши верные спутницы в труде и в бою!..

- Перерыв! — громко крикнул руководитель работ инженер-майор Горовой.

Вытерев мокрое лицо, Лара с силой воткнула лопату в рыхлый песок. К ней подошли Надя и Нина.

- Как самочувствие, девчонки? — спросила Лара.

Полная, круглолицая Нина пожала плечами.

- Пустячная работа, — заметила Надя.

- Как дела, неразлучные подружки? — пошутил мимоходом Горовой. — Вы прямо попугай-неразлучники, всегда вместе, только попугай вдвоем, а вы — втроем.

- Так всю жизнь и будем!

- А когда замуж выйдете?

Маленькая Надя смутилась, а Нина бойко отшутилась:

- Кто нас возьмет, кому мы нужны?

Лара, улыбаясь своим мыслям, едва заметно щурила ореховые глаза. Она как-то сразу выделилась из общей массы. Начальство назначило ее старшей, и многие

полунасмешливо, полусерьезно называли ее командиром.

К подругам подошла Райка Бирюкова, хитрая, болтливая бабенка, не упускавшая случая пококетничать с каким-нибудь тыловым начальником. О своих мимолетных увлечениях Бирюкова рассказывала подробно, не торопясь, подолгу смакуя детали знакомства. Девушки сторонились ее, старались поменьше с ней общаться, а она, напротив, пыталась навязаться Ларе в подруги.

- Ох, девочки! И когда эта работа кончится? Прямо осточертела...

Поправив лакированным коготком тонкую, как лезвие бритвы, крутую бровь, Бирюкова скользнула по Ларе завистливым взглядом.

- Эх, была бы я такая, никогда бы на окопах не работала! Окрутила бы самого большого начальничка, и он бы пригрел меня... И чего ты, Ларка, теряешься?

Бирюкова рассмеялась и сделала глазки проходившему мимо Горовому. Озабоченный инженер, ничего не заметив, пошел дальше. Бирюкова пожала узкими плечами.

- Подумаешь, птица! Что с него возьмешь? Банку консервов, буханку черняшки? Нет, солдатики, лейтенантики — пустышки, у них, кроме пары запасных портянок, ничего нет. Голодранцы! Теперь в цене снабженцы, интенданты, это я понимаю! Достанут что угодно, оденут как куколку.

Надя брезгливо отодвинулась, Нина посмотрела на Бирюкову с нескрываемой злобой.

Высокая костистая старуха Иванова, жена ушедшего на

фронт рабочего, обрушилась на бесстыдницу:

- Цыц, сатана! Народ смертный бой ведет, а ей хаханьки! Чтоб духу твоего поганого здесь не было!

- Испуга-ала! — лениво протянула Райка и, увидев в руках у проходившего саперного капитана папиросу, подскочила к нему:

- Товарищ командир! Умоляю, позвольте сигарету!

Девушки снова взялись за лопаты — замелькали комья глины. Тяжелое дыхание работающих вырывалось из их открытых ртов облачками пара.

Вечером, перед концом работы, к девушкам подошел взволнованный, осунувшийся Горовой.

- Девчата, товарищи женщины! Родные мои! Надо остаться продолжить работу.

Смертельно уставшие женщины неподвижными глазами уставились в кривящееся, как от боли, лицо инженера.

- Отступают наши, фронт подходит. Нужно закончить ров. Не закончим — танки прорвутся к городу.

Встревоженным ульем загудела толпа:

- Опять отступают!

- Опять потеснили...

- Царица небесная, спаси и сохрани!

Молодая женщина истерично, с надрывом зарыдала, и тотчас десятки голосов обрушились на нее:

- Замолчи!

- Брось слезу проливать!

- Тоже мне москвичка! Раскисла!

Лара шагнула вперед:

- Девчонки, давайте работать, выроем могилу фашистам!

- Бабы! — грозно крикнула старуха Иванова. — А ну, берись за лопаты!

- Не хочу! — завопила Бирюкова, тряся копной соломенных, вытравленных перекисью волос. — У меня кровавые мозоли, не буду!

Лара, перехватив лопату, молча подошла к ней:

- Не пойдешь?!

Зазубренное лезвие лопаты взлетело над головой Бирюковой.

Иванова вырвала лопату из Лариных рук.

- Не стоит того. Ну, ты, марш работать!

Рассвет застал женщин на дне глубокого рва. Работали как автоматы: согнулась — выпрямилась, согнулась — выпрямилась. К брустверу летела желто-бурая суглинистая земля, перемешанная с песком.

Неимоверно грузным казался лом, шероховатые ручки носилок грозили вот-вот вырваться из натруженных, вспухших ладоней. Чтобы не выронить груз, девушки так сжимали руки, что ногти впивались в кожу. Металл жег ладони, саднили прорванные бугорки мозолей, но москвички работали. Работали, не зная отдыха. Тысячи женщин, склонившись над мокрой землей, копали противотанковый ров.

И только одна Райка Бирюкова еле шевелила лопатой, плакалась, жаловалась на свою судьбу.

Утром из-за леса выплыл фашистский самолет. Громоздкий, неуклюжий, похожий на черную птицу, он долго кружил над землей, высматривая добычу.

- Сейчас бомбы начнет кидать! — крикнул кто-то.

Строители шарахнулись к лесу. Но немец не бомбил. Почувствовав себя в безопасности, он снизился до самых макушек деревьев и пролетел вдоль линии оборонительных сооружений. От самолета что-то отделилось, в воздухе зашелестели десятки тысяч листовок. Снежными хлопьями опускались они на стылую землю.

***Московские дамочки,
Не копайте ямочки.
Приедут наши таночки —
Заруют ваши ямочки! —***

- звонко прочитала Нина и тут же с силой втоптала листовку в грязь.

- Вот-вот! — заголосила Бирюкова.— Видите, что пишут? Честно предупреждают. Много помогут наши ямки! У немцев техника, понимать надо, не то что наши окопчики...

- Ты с ума сошла! — побагровела Надя. — Ты что говоришь?

- Все погибнем здесь без толку, как собаки! Уже вся Москва бежит, эвакуируется!

- Гадина!

- Мразь поганая!

Бирюкову обступили со всех сторон.

В эту минуту из-за леса выскочили два «Мессершмитта». Короткая пулеметная очередь вспорола воздух и тотчас же медленно, словно нехотя, Надя опустилась на мокрую землю.

- Убили! — простонала Иванова, подняв к хмурому осеннему небу сухой морщинистый кулак. — Убили, ироды!

Откуда-то прибежали саперы, появился Горовой с врачом.

Лара опустилась на колени, расстегнула знакомое с детства заячье пальтишко: на груди у Нади расплывалось темное, с тарелку пятно.

- В сердце, — проговорил врач, — сразу.

Иванова осторожно закрыла потускневшие глаза убитой...

Хоронили Надю вечером.

Маленький холмик обложили хвоей, у изголовья поставили деревянный, наспех сколоченный обелиск с маленькой пятиконечной звездочкой, вырезанной из толстой листовой фанеры.

Ночью почти не спали — едва забрезжил рассвет, вышли на работу.

После обеда к Ларе подошла Бирюкова:

- Знаешь что, Ларка, давай смотаемся отсюда, а?

Лара продолжала копать, Нина ненавидяще посмотрела на Бирюкову.

- Дура ты, Ларка! Себя гробишь. Кому это нужно? Хочешь загубить себя, как эта дуреха Надька? Нина, хоть ты ее уговори.

Бирюкова повернулась к Нине и не видела, как Лара медленно достала из внутреннего кармана телогрейки тяжелый черный предмет.

- Немец-то все равно в Москву придет...

- Обернись, мерзавка! — крикнула Лара таким голосом, что на них оглянулись десятки людей. — Получай по заслугам! — и выстрелила прямо в подбритую тонкую бровь.

Глава десятая

РАНЕН

Андрей очнулся от холода. Лошади недружно натягивали постромки, от толчков сползла шинель, и порывы ветра леденили мокрую от дождя одежду. Он видел тусклую серую пелену низко нависшего неба. Андрей приподнял голову и заметил справа густой частокол хвойника. Остроконечные иглистые макушки деревьев четким зубчатым силуэтом выделялись на сером полотнище неба. Слева густел мрак.

Андрей тронул рукой лицо, скрытое повязкой. Бинт чалмой охватывал голову, проходил через левый глаз. Он вздрогнул. «Самое драгоценное у человека глаза, — говорила когда-то бабушка, — ими он видит красоту природы...»

Андрей потешно ощупал себя: левая рука была туго прибинтована к груди.

«Ранен, — вспомнил он. — Но почему же ничего не болит?»

Повозка остановилась. Андрей осторожно слез,

стараясь не задеть лежащих без движения раненых.

- Ты чего? — бросилась к нему девушка с санитарной сумкой поверх шинели. — По нужде захотел? Ступай за кустик, далеко не ходи. Прямо. Сам дойдешь или проводить?

Андрей покраснел:

- Машенька, это вы?

- Ты меня знаешь?

- А помните, в Вязьме на улице гуляли с нами?

- Да, да! — поспешно согласилась Маша. — Но вас не узнать — лицо завязано. Рука болит?

- Нет. Отойдите, пожалуйста.

- Да ты не смущайся.

Андрей снова зарумянился и обозлился. С ближайшей подводы кто-то невидимый в темноте восхищенно сказал:

- Вот это девка! С такой всю жизнь проживешь — не соскучишься!

- Молчи! — простонал другой. — Без ног лежит, а всю дорогу хаханьки да ухаживания! Спокою нет. ..

К Андрею подошел возница, пожилой боец с винтовкой за спиной:

- Слышишь, парень, спички есть?

- Некурящий.

Солдат утонул в темноте, и вскоре там вспыхнула искорка огня.

Девушка снова приблизилась к Андрею и доверительно шепнула:

- Понимаешь, сбились с пути. Карты у меня нет, уж дав-

но должна Ивановка быть — там полевой госпиталь стоит, а ее все нет и нет.

Андрей осмотрелся. Кругом шумел вековой лес.

- Как бы к фрицу не угодить... — шептала Маша.

Посоветовавшись, решили осторожно двигаться дальше.

Андрей не сел на подводу, а пошел пешком, держась за борт.

Дорогу размыло дождем, лошади скользили по грязи. На ухабе телега подпрыгнула, глухо вскрикнул пришедший в себя раненый.

- Молчи, молчи, дорогой! — ласково успокаивала девушка. — Сейчас приедем в госпиталь.

Светало. Показалась одинокая избушка. Оба ездовых, сняв винтовки, осторожно подошли к домику.

Маша тихо постучала в окошко. Скрипнула дверь. На пороге показалась маленькая, высохшая старушка.

- Бабушка, нельзя ли у вас немного передохнуть? Раненым обогреться надо, да и коняшки притомились.

- Господи! Отчего же нельзя? — всплеснула руками старушка.— Заезжайте во двор. Петюша, ступай, внучек, расхлебни ворота!

Белоголовый мальчик лет четырнадцати вышел во двор. Трое раненых, охая и кряхтя, вскарабкались на крыльцо, троих снесли на руках в горницу. Старушка раскрыла сундук и быстро достала рушники и простыни.

- Бери, девонька! Стели свежее на постель. Ну что вы их, бедняг, на пол положили, как собак, прости господи!..

Старуха постлала широкую кровать.

- Ну-тка, солдаты, ложите вон тех...

Старики ездвые помогали хозяйке. Здоровенный черноусый командир в кубанке отклонил предложение старушки лечь на постель.

- Извините, мамаша, как бы не натрясти вам гитлеровских союзников... Месяц не мылись, всё в лесу да в лесу...

- А ты не бойся, сынок! Мы их утюжком каленым!

Мальчик принес охапку еловых лап, сноп соломы. В углу разместили остальных. Старушка затопила печь, вкусно запахла булькающая в чугушке картошка. Легко раненные поснимали шинели, умылись.

- И куда вы путь держите, на Можайск?

- В Ивановку, бабушка.

Жестяная кружка выпала из рук старухи.

- Господь с тобой, девонька, ведь там еще со вчерашней ночи иродово войско!..

В доме повисла тишина.

- И в Шмелёнках, и в Ярцеве, и в Осеченках, люди проходили, сказывали.

Молодцеватый кавалерист спокойно проговорил:

- Колечко.

Он встал с постели, натянул на здоровую ногу сапог и, опираясь на костыль, подошел к окну.

- Ничего, ребятки, — неестественно бодрым тоном сказала Маша. — Отдохнем и будем к своим пробираться.

Все замолчали. Андрей взглянул на девушку. В сумраке ее лицо показалось ему прекрасным.

- Ложитесь, ребятки, а я подежурю.

Девушка вышла на крыльцо.

- Сама еле на ногах стоит, — сокрушенно вздохнула старушка. — Ох, война, война, что наделала!..

Раненые притихли. Кавалерист, примостившись на табуретке, склонился на подоконник и задремал. Андрею спать не хотелось. Он вышел вслед за санинструктором. Девушка сидела на крылечке и горько плакала.

- Машенька, ты чего?

Андрей опустился рядом на ступеньки и осторожно обнял девушку здоровой рукой. Маша прижалась к его плечу, глотая слезы:

- Жаль мне вас, пропадете, а ведь молодые все, жизни не видели...

- Ничего, — грубовато сказал Андрей, — выдержим, к своим прорвемся.

Почувствовав в его голосе извечное превосходство сильного мужчины над слабой женщиной, Маша улыбнулась сквозь слезы:

- Успокаиваешь, а сам еще ребенок ребенком...

- Но, но! — слегка обиделся Андрей. — Ты скажешь еще!

- И скажу. Наверное, еще ни разу девушку не целовал?

Маша, единственная дочь известного профессора, сама не испытала еще ни любви, ни увлечения. Теперь она старалась показать себя в глазах этого симпатичного юноши зрелым, пожившим, выдавшим виды человеком.

- Хочешь, поцелую? — Не дожидаясь ответа, девушка припала теплыми губами к его потрескавшимся губам.

Андрей сразу вспотел, у него загорелись уши, запылали щеки. Отчаянно колотилось сердце. Если бы он был проныцательнее или старше, то заметил бы, что и с девушкой творится то же.

Но Андрей ничего не успел заметить. Грянул выстрел, и Маша покатилась с высокого крыльца прямо под ноги вбежавшим во двор немецким солдатам.

Андрей вскочил. Страшный удар в голову швырнул его на землю.

Гитлеровцы ворвались в дом, обезоружили полусонных ездových. Трое солдат бросились на кавалериста. Ударом ногой в живот он сбил ближайшего немца. Остальные автоматной очередью в упор пригвоздили его к стене. Трое раненых, лежавших на полу, были тут же убиты. Несколько офицеров вошло в дом, вслед за ними солдаты втащили Андрея.

Молодой офицер-фашист подошел к кровати и оттолкнул трясущуюся старушку, рванул за ворот раненого в живот красноармейца:

- Встать!

Раненый застонал, но глаз не открыл.

- Выбросить эту шваль!

Двое солдат сбросили на пол раненых.

Господин унтер-штурмфюрер, один уже сдох.

- Туда и дорога! Отправьте в рай и второго.

Долговязый немец, рыжий и золотозубый, с хохотом схватил за ноги умирающего бойца.

- Рус Иван, поехали нах Москау!

Окровавленная голова красноармейца глухо застучала

по полу.

- Гинце! — повелительно крикнул только что вошедший старший офицер.

- Слушаю вас, господин гауптман!

- Вы мне нужны. Отправьте донесение оберсту.

- Слушаюсь. Разрешите только прикончить эту скотину?

- Ступайте, Гинце, — холодно процедил офицер.

Ординарец исчез.

Эсэсовец подскочил к красноармейцу и выстрелил в него из парабеллума.

- Правильно! — одобрил другой. — Остался еще один. Вон там, у печки.

- Поднять его!

Дюжие солдаты подняли Андрея. Он оказался им по плечо. Эсэсовский офицер не торопясь разбинтовал Андрею голову и с силой дернул присохший к ране бинт. Острая боль привела Андрея в чувство. Он стер хлынувшую с лица кровь.

- Э-э-э, да это совсем мальчишка — коммунистический щенок!

Отворилась дверь, в комнату, запыхавшись, вошел толстый немец.

- Хайль Гитлер! Загадочная картинка, или друзья забавляются. Хорошее дело. А вот девчонку, что на крылечке валяется, прикончили зря — пригодилась бы. — Толстяк мерзко усмехнулся.

- Плюнь на девчонку! Смотри на этого воина

героической Красной Армии.

- Да ведь это сопляк, ему еще штанишки до колен носить нужно.

Андрей плохо знал немецкий язык, но последнюю фразу понял.

Плевков попал толстому прямо в переносицу. Гауптман захохотал.

- Отлично! — просипел, наливаясь кровью, толстяк. — Сейчас мы с тобой, детка, поговорим по душам.

Толстяк раскалил на огне острый штык и приказал поставить на ноги пленного. Он поднес раскаленный добела металл к правому глазу Андрея, левый глаз покрывала корка запекшейся крови.

- Отвечай, малыш, — крикнул толстый по-русски, — комсомолец?

- Да.

- Откуда?

- Из Москвы.

- Кричи «Хайль Гитлер».

Блестящее, искрящееся, пышущее жаром лезвие замаячило у самого глаза.

- Кричи «Хайль Гитлер», ублюдок! Считаю до трех... Раз, два...

- Да здравствует родина! Смерть фашизму!

- Получай!

Андрей зажмурился, но удара не последовало, послышался шум. Андрей приоткрыл глаз. Высокий офицер оттаскивал от него эсэсовца.

- Вы с ума сошли, гауптман?

- Прекратите, Вилли!

- Я убью этого щенка!

- Нет, не убьете, он мне нужен.

- Но зачем же?

- Хотя вы служите у господина Гимmlера, я не обязан давать вам отчет.

- Как вы смеете? — заорал Вилли.

- Смирно! Приказываю покинуть дом. За неисполнение приказа расстреляю на месте!

Вилли успокоился. Уходя, он нагло прищурился.

- Вы проявляете подозрительное рвение, защищая коммунистов. Я это вам припомню, господин гауптман.

Гауптман положил руку на кобуру парабеллума. Эсэсовцы ушли.

Андрей ничего не понял. Зачем он понадобился этому офицеру?

Капитан позвал ординарца и приказал накормить пленного. Конопатая физиономия солдата растянулась, как резина.

- Я не ослышался, господин гауптман?

- Исполняйте, — холодно проговорил офицер.

И ординарец заметался по дому, разыскивая щепу на растопку плиты. Открывая специальным ножом консервы, он покосился на красноармейца — а вдруг это сын какого-нибудь крупного большевика, министра, маршала? Ординарец изобразил на подвижном лице угодливую улыбочку и пригласил жестом пленного к

столу:

- Битте, герр офицер!

Андрей угрюмо наблюдал за действиями фашистов. В ответ на приглашение он покачал головой и, мобилизовав все свои познания в немецком языке, ответил;

- Данке!

Гауптман, удивленный отказом, вызвал переводчика и попросил объяснить пленному, что с ним ничего худого не сделают и завтрак его ни к чему не обяжет. Господин офицер хочет только поговорить с ним и ждет откровенных, честных ответов на свои вопросы.

- Он категорически отказывается, — сказал переводчик, побеседовав с Андреем. — Простите, господин гауптман! Переведу дословно: мальчишка заявил, что не может сидеть за одним столом с национал-социалистами.

- Какая неблагодарная свинья! — возмутился ординарец.

- Хорошо. Спросите его, чего он желает.

Курганов понял вопрос и, не задумываясь, ответил:

- Бить фашистов!

Задохнувшись от возмущения, переводчик выполнил свою обязанность.

- Да, — задумчиво проговорил офицер, — русский откровенен, и это заслуживает наказания.

- Вы абсолютно правы, господин гауптман! — не выдержал ординарец. — Позвольте я это сделаю во дворе, здесь мы все забрызгаем.

- Нет. Я застрелю его сам.

- О! Я вас понимаю...

Офицер щелкнул парабеллумом, вгоняя в казенник патрон.

- Рус! Форвертс! Марш!

Бледнея, Андрей сошел с крыльца. Двор был полон немецких солдат. Они сидели под навесом у сарая, шарили в деревянных сундуках с крышками, заклеенными картинками, рылись в куче тряпья, сброшенного с чердака.

Андрей прошел сквозь строй гитлеровцев, вышел за ворота и зашагал по извилистой лесной тропе в сторону от дороги.

«В лесу хочет, — мелькнуло у него в голове. — Хорошо, хоть не буду валяться на дороге».

Лес густел. Андрею вспомнилась родная Ильинка, сосновый бор, багрянец заходящего солнца, женщины с лукошками, набитыми доверху тугими красноголовыми грибами.

- Хальт! — металлическим голосом приказал гитлеровец.

«Ну, все, сейчас выстрелит в спину». Андрей повернулся, глянул в черный провал пистолета.

Офицер, молча смотря на красноармейца, опустил пистолет.

- Уходите и возвращайтесь в свою Москву, славный парень.

Курганов не понимал.

- Нах Москау. Вег, вег, шнель!

Офицер снял огромную фуражку с мрачной эмблемой смерти, и от этого его лицо стало простым, человеческим.

Перехватив парабеллум в левую руку, он протянул Андрею правую.

- Камрад!

Пораженный Андрей, косясь на пистолет, прошел мимо немца с повисшей в воздухе рукой. Андрей боялся обернуться и шел все дальше и дальше, вобрав голову в плечи, ожидая смертоносного удара в спину. Когда он исчез за кустами, гитлеровец вскинул пистолет и два раза выстрелил в хмурое темнеющее небо. Он спрятал парабеллум в черную треугольную кобуру, провел рукой по вспотевшему лбу и, взглянув на место, где только что стоял русский, грустно улыбнулся. Тяжелые ботинки русского солдата выдавили в вязком болотистом грунте две ямки, хлещущий дождь быстро наполнил их

холодной серой влагой.

Ночью в лесу было холодно. Мокрая трава звенела под ногами, как жестяная, обледеневшие сучья деревьев и кустарников больно хлестали по лицу. Андрей устал, заоченел, но шел все вперед и вперед. У него не было компаса, он не умел определяться на местности по звездам, да если бы и умел, то по смог бы этим воспользоваться: белесая хмарь затянула все небо. Единственным ориентиром был далекий гул битвы на востоке, и, по мере того как боец двигался вперед, гул становился слышнее, наползал все ближе и ближе.

Повалил мокрый снег, устилая землю белым покрывалом. Стало светлее, ночь отступала. Ветер швырял в лицо водянистые хлопья, лес под натиском упругих воздушных струй глухо шумел. В сумраке возникали тысячи непонятных звуков: таинственное и необъяснимое рождало страх. Прямо над головой Курганова послышалась какая-то возня, и кто-то страшным голосом крикнул:

- Ух-ху-ху-у!

Страх сжал сердце. Андрей взглянул наверх и облегченно вздохнул — толстый взъерошенный филин, беспокойно мерцая круглыми фонариками глаз, тревожно когтил мохнатыми лапами поломанный сук.

- Черт паршивый! — перевел дух Андрей. — Как напугал!..

В былое время он поймал бы лесного хищника и привез дамой. Андрей очень любил всяческую живность. Дом всегда был полон собак и кошек, постоянно приносящих лающее и мяукающее потомство. По комнате прыгали

ручные белки, и клетках под потолком заливались желтые и зеленые кенари. Чердак был отдан в полновластное владение голубям.

Утробный бас тяжелого орудия рассеял воспоминания. Под утро Андрей выбился из сил и, миновав разбитый, сгоревший танк, тяжело опустился на заснеженный бугор. Склонив голову, он сидел, сгорбившись, уткнувшись лицом в колени.

Холод привел его в чувство. Вставало солнце. Очень хотелось есть. Андрей машинально сунул руку в карман шинели и вдруг вытащил сверток... Бутерброд с маслом и колбасой. Он не верил своим глазам. Откуда это? Не раздумывая, он откусил большой кусок и торопливо стал есть. Несколько крошек упало на снег. Андрей нагнулся, чтобы поднять их, и отшатнулся: из снега к нему тянулась заледеневшая сизая рука.

- Мертвец!..— Андрей, клацнув зубами, вскочил и с ужасом увидел, что сидел рядом с убитым фашистом.

Впрочем, он сейчас же забыл об этом. Одна мысль не давала покоя: откуда хлеб? Неужели немецкий офицер?

...Поздно ночью полковые саперы, минируя передовую, заметили человека, который, извиваясь, медленно полз к линии советской обороны. Когда саперы привели его в землянку, они увидели, что по лицу бойца, смешавшись с грязью и кровью, текут слезы.

Москвы Андрей не видел. Той же ночью его перевезли в закрытой санитарной машине в госпиталь. Всю дорогу он спал, не просыпаясь даже, когда машина подпрыгивала на выбоинах.

Наконец машина остановилась, и Андрея вместе с дру-

гими ранеными отправили в моечную. Пожилой санитар помог ему раздеться, закутал простреленную руку клеенчатым полотенцем, положил защитную непромокаемую повязку на глаз.

- Теперь ступай мыться, сынок!

Невиданное блаженство — теплый молочный пар, горячая вода, нагретые скамьи-лежанки. Андрей в полусне опустился на лавку; чьи-то проворные быстрые руки ловко отмыли фронтную грязь, осторожно вымыли голову, подержали под душем, досуха вытерли вафельным полотенцем. Только в предбаннике Андрей обнаружил, что мыли его две молоденькие женщины. Выхватив у них белье, он стремглав бросился в дальний угол. От стыда был готов залезть под широкий кожаный диван, перекочевавший в госпитальную баню из какого-нибудь профессорского кабинета.

- Не стесняйся, паренек! — смеялись женщины. — Мы ведь медики...

Андрей надел белье и, дожидаясь, пока принесут из пожарки обмундирование, лег на диван. Вскоре санитар разбудил его, помог одеться и повел к врачу. В перевязочной медсестра заполнила историю болезни. Доктор, высоченный, худой как палка, нескладный, посмотрел на Андрея, склонив набок голову. Показалось, что голова у доктора непрочна сидит на тонкой шее и вот-вот отвалится. Это было так смешно, что Андрей не удержался и фыркнул. У доктора углом переломилась черная бровь.

- Ты чего смеешься, чучмек?

- Простите, — покраснел Андрей, — случай вспомнил...

- Тэк-с. А ну, показывай физию. Что с глазом? Осколок? Угу-м... Счастлив ты, чучмек!

- Меня зовут Андрей.

- Счастливый ты, чучмек Андрей! Рассекло тебе веко, а глазное яблоко цело. Зашьем, будешь глядеть в оба. А ну-ка, потерпи, чучмек. Где живешь? Под Москвой? Чудесно, ты почти дома. Жена, дети есть?

- Что вы, мне семнадцать лет! — залился краской Андрей. — Ой, ой...

- Терпи, терпи, ты что, девчонка или красноармеец?

- Больно, доктор.

- Чепуха! Я тут у одного морячка три часа в животе копался, а он мне все время анекдоты травил... Повязку! — буркнул доктор. — Готово твое веко, чучмек. А ты пищал... Нехорошо! Давай теперь твое крылышко посмотрим. Угу-м... Дырочка, дырочка... Тэк-с. Кость цела, чучмек, поздравляю...

Доктор длинными гибкими пальцами осторожно ощупывал руку Андрея.

- Мускуленки у тебя есть, молодец!

Ударила острая боль, Андрей вздрогнул.

- Ага!—обрадованно закричал доктор. — Вот она, голубушка!

- Кто?

- А вот кто! — Доктор сделал неуловимое движение ланцетом и положил на тумбочку звякнувший о стекло кусок металла.

- Из автомата фриц тебя угостил. Возьми на память.

Рука сильно заболела. Перехватив дыхание, Андрей старался сдержать стон. Доктор посмотрел на светло-желтую сукровицу, сочащуюся из ранок, и твердым голосом скомандовал:

- Анна Евгеньевна, Лидуша, приготовьтесь!

- У нас все готово, Григорий Исаевич.

- В таком случае — на стол.

Побледневшего Андрея повели в операционную.

Весь день после операции Андрей спал глубоким сном, лежа на спине, прижав к груди закутанную марлей руку. Ночью боль заставила проснуться. С каждым часом рука ныла все сильнее, наливалась горячей пульсирующей кровью, пылала, охваченная пламенем.

Андрей вышел из палаты, долго мерил длинный узкий, словно кишка, коридор. Тускло горела синим огнем небольшая лампочка. У стола дремала дежурная санитарка, поодаль, у огромного венецианского окна, за портьерой, угадывались очертания двух фигур. Неслышно шлепая войлочными туфлями, Андрей несколько раз прошел мимо них, на мгновение остановился, и ему послышался звук поцелуя. Андрей усмехнулся. Жизнь брала свое даже здесь, в госпитале, среди крови, страданий и смерти...

К рассвету боль утихла, и Андрей заснул. Разбудили его веселые голоса. В палату пришли девушки-санитарки, помогли раненым умыться, одеться. Бойкая девчушка подошла к койке Андрея:

- Умоемся, молодой человек?

- Спасибо, — Андрей слегка порозовел. — Отвернитесь, пожалуйста, я оденусь.

Теплые пухлые ладошки быстро вымыли Андрею здоровую руку, влажным полотенцем вытерли лицо.

- Ох, у вас глазок повредило? — щебетала санитарка.— Ну ничего, заживет.

Окончив умывание, девушки выпорхнули из палаты. Андрей осмотрелся, увидел соседей — толстого артиллерийского бородача-командира, давешнего матроса с осколком, молчаливого пехотного капитана с перевязанной головой... А в дальнем углу на койке неподвижно лежала большая, сплошь обмотанная бинтами, кукла. Бинт скрывал все лицо лежавшего навзничь, открывая только узкую полоску запекшихся губ. Рядом на спинке стула висела старенькая гимнастерка с тремя кубиками на петлицах и свежим снежно-белым подворотничком. Над левым карманом — орден Боевого Красного Знамени.

- Пехотинец! — шепнул Андрею матрос. — Пуля колено пробила, контужен, не говорит. Вдобавок обгорел весь, словом, досталось бедняге, хватил горячего до слез.

- Поправится, — звучно сказал кавалерист и достал ко-
стяную расческу, причесался. — А как тут с питанием, а?

- Ничего, браток! Жить можно, хотя тебе, судя по комплекции, маловато покажется.

- Угадал. В самую точку. Поесть я люблю. До войны после получки, бывало, сотняшку спрячешь от жены под корочку паспорта — и в шашлычную. По-карски, скажем, шашлычок, а? Что вы на это скажете?

- Если добавить сто пятьдесят с прицепом — дело стоящее!

Вот-вот. И пивца холодненького...

- Вы абсолютно правы! — В палату стремительно вошел молодой прилизанный лейтенант с подстриженными бачками, в щегольском обмундировании и в начищенных до блеска сапогах со шпорами. — Позвольте представиться: ваш сожитель, обитатель сей юдоли скорби и печали, Михаил Сорокин. Слабый пол предпочитает называть меня Мишелем. Не возражаю. Так о пиве говорите? Отменная вещь! Я сам обожаю витамин «Ц»...

- Не слышали такого.

- Яй-це, масли-це, вин-це, пив-це... — Лейтенант Сорокин весело засмеялся, показывая великолепные зубы.

Молчаливый капитан сверкнул глазами, матрос улыбнулся, кавалерист вздохнул.

- Мишель!

Сорокин поспешно поднялся с койки, впился взглядом в смуглого бойца. Бинт скрывал лицо раненого, но, всмотревшись, лейтенант узнал Курганова.

- Андрюшка! Боже мой, поистине мир тесен! Дай тебя обниму, родной мой ильинец.

- Земляка встретил? — спросил матрос и, не дожидаясь ответа, рассудительно заметил: — Это бывает. Даже в теперешнее смутное время.

Андрей с интересом приглядывался к Мишелю. Перед самой войной Сорокины продали свой маленький домик и уехали из Ильинского в Гжель. С тех пор Андрей не встречал Мишеля.

Они отошли в угол и долго разговаривали. Мишель расспрашивал о знакомых ребятах. Узнав о том, что Вовка Панов эвакуировался, Сорокин с завистью цокнул

ЯЗЫКОМ:

- Ловкач!

Андрей говорил о других ребятах, Сорокин странно улыбался, думая о чем-то своем. Неожиданно он спросил:

- Слушай, а где Лара?

Вопрос поразил Андрея. Он знал, что Сорокин иронически относился к ребятам и девушкам из их компании, не принимал их всерьез — он был намного их старше.

- Не знаешь? — наморщил лоб Сорокин. — Жаль. Хорошая девчонка. Красивая, умная...

В полдень принесли газеты. Старенький подслеповатый майор, комиссар госпиталя, сугубо штатский человек, только что надевший военную форму, прочитал сводку.

Сорокин, лежа, небрежно пощипывал струны гитары.

«... После ожесточенных боев наши войска под напором превосходящих сил противника...» — медленно, монотонно читал майор, и в такт его старческому, хриповатому голосу печально, как ветер в трубе, гудели струны.

Андрей быстро поправлялся. Веко зарубцевалось, с руки сняли швы.

- Прогрессируешь, чучмек! — покровительственно говорил доктор. — Скоро будешь здоров.

Гомельский частенько заглядывал в палату, подробно расспрашивал артиллериста о его ноге, Андрея — о руке, потом подходил к молчаливому капитану. Андрей заметил, что веселый, грубоватый врач всегда

разговаривал с капитаном почтительно, никогда не называл его непонятным словом «чучмек», хотя это смешное слово доктор пристегивал ко всем, кого только знал, не считаясь ни с возрастом, ни со званием собеседника.

- Григорий Исаевич, дорогуша, у меня сегодня отчаянно болит голова! — томным, расслабленным голосом говорил Сорокин. — Проклятая контузия!

Не обращая внимания на лейтенанта, Гомельский шел к последней койке, садился рядом со сплошь забинтованным раненым, осторожно брал в обе руки его забинтованную кисть и долго, нежно гладил по пожелтевшей, в подтеках марле. Посидев так с полчаса, доктор уходил.

Андрей присматривался к Сорокину. Красивый, нагловатый лейтенант по-прежнему поражал Андрея своим отношением к окружающему. Сорокин обо всем говорил с плохо скрываемым чувством собственного превосходства, с одинаковым равнодушием и презрением отзывался о людях. Как-то вечером, прохаживаясь по коридору, Сорокин говорил:

- Все у нас не то! Взять, к примеру, нашу палату. Ну, мы с тобой не в счет: ты — юнец, я... — Сорокин чуть замялся, — человек европейского склада ума. А остальные? Пушкарь с дворницкой бородкой — какой-нибудь колхозный счетоводишко-агрономишко. Лаптем щи хлебает. Ты слышал, как он храпит? Храп — первый признак неинтеллигентности. Морячок — рвань портовая, до войны, наверно, босяком был или грузчиком... Тот забинтованный герой мне неизвестен. Он не разговаривает, но своими стонами с ума сводит. Не

могут врачи изолировать его — свинство!

- И всех ты, Мишель, охаиваешь! А доктор?

- Гомельский? Хо-хо! Парень с головой! Куда не надо — не лезет. Побыл на передовой, понюхал, чем пахнет, теперь здесь окопался: на чистых простынках спит, что ему?

- Неправда! Он честный человек и прекрасный врач.

Не знаю, не знаю... — презрительно тянул Сорокин. — У нас нет ничего прекрасного.

- А капитан?

- Что — капитан?

- О нем какого ты мнения?

- Понимаешь, не могу раскусить. Хитрая штука...

Послышались глухие хлопки зениток. Андрей подошел к окну, чуть отодвинул маскировочную портьеру. По небу металась голубые лучи прожекторов, доносилось одинокое надрывное гудение самолетов. Вспыхивали и гасли огоньки разрывов.

- Куда им! — презрительно сказал лейтенант. — Техника ни к черту.

Сноп холодного огня вырвал из мрака миниатюрный серебристый самолет и, скрестившись с другим лучом, поймал вражеский бомбардировщик в голубое перекрестье. Тотчас несколько снарядов взорвалось рядом с самолетом. Секунда — и он вспыхнул и, описав дугу, грохнулся где-то за городом.

Торжествующий Андрей обернулся к Сорокину:

- Видал отсталую технику?

- Случайность, редкий случай!
- Нет, брат, ты горазд шипеть...

Андрей пытливо поглядел на лейтенанта и отвернулся.

Глава одиннадцатая **ТРЕВОГА**

Поправка шла быстро. Боли прекратились, даже перевязки, причинявшие столько неприятностей, превратились в обыкновенную процедуру, вроде чистки зубов. Бинт, который раньше отдирали силой, теперь отходил легко, а длинный кривой разрез рубцевался, уменьшаясь в размерах с каждым днем.

Почувствовав себя лучше, Андрей отпросился у начальника госпиталя и, взяв увольнительную, поехал в Ильинское. Военная Москва поразила юношу. С невольной тоской глядел он на темные завалы и баррикады, на подвалы, грозившие стволами пулеметов, на щетинившиеся ржавыми рельсами надолбы улиц.

До Казанского вокзала Андрей доехал на метро. В вагоне пожилая женщина, взглянув на висящую на перевязи руку, уступила ему место. Андрей покраснел, поблагодарил и отказался, зато Мишель Сорокин, увязавшийся за ним, не преминул воспользоваться освободившимся местом.

- Им в тылу ничто не грозит, окопались, могут и постоять! — негромко сказал он.

Курганов посмотрел на землистое лицо женщины, на седую, выбившуюся из-под дешевого платка прядь, на

засаленный, порванный ватник... Должно быть, всю ночь простояла женщина у станка, обтачивая мины, или, склонившись над жужжащей машинкой, строчила солдатские гимнастерки. Сейчас едет домой, по пути забежит в магазин, а дома наколет дров, истопит печь, сварит обед, накормит детишек и прикорнет где-нибудь, чтобы через несколько часов вновь идти на смену.

К удивлению Андрея, электрички не ходили. Их сменили пригородные поезда с допотопными, тяжело дышащими паровозами. Поезда ходили редко, и в вагоне было не протолкнуться.

Всю дорогу Андрей смотрел в окно, с волнением узнавая знакомые места. Сорокин курил, заигрывал с пассажиркой — миловидной колхозницей. Несколько женщин наблюдали за Андреем, и он улавливал их торопливый шепот.

- И какой молоденький? Господи!
- Неужто уж воевал?
- Не видишь — раненый. Геройский паренек!
- Гляди, волнуется. Домой едет, ей-ей!
- Мать-то возрадуется, поди, не чаает.
- И где-то наши мужики? Ох, война, война!

Рядом вился другой разговор. В ответ на вкрадчивый шепот Сорокина молодая женщина игриво поводила бровями:

- По нынешним временам я богатая. Дом, огород, коровка ярославская, два ведра дает, сливки... Курочки у меня, утки. Кого люблю — не обидится. Голодным не будет... — Она лукаво подталкивала лейтенанта

плечом.— Как вы считаете, товарищ командир, возьмет меня кто-нибудь?

- Конечно, душа моя! Что за вопрос?

- Только мне симпатичного нужно, вроде некоторых, не указывая пальцем...

За окном плыли подмосковные сосны, вереницы опустевших дачек, мелькнул шлагбаум переезда. Поезд, замедлив ход, мягко приткнулся к деревянной платформе. Пассажиры устремились к выходу. Андрей и Сорокин зашагали по темным от сырости деревянным ступеням.

- Октябрьский просек, — волнуясь, бормотал Андрей, ускоряя шаг.

Он почти бежал, и Сорокин, недовольно ворча, едва поспевал за ним.

- Вот он!

- Кто?

- Дом! Наш дом! — Андрей побежал к калитке, толкнул ее что было силы.

- Разбухла, это бывает. ..

Удар ногой не дал результатов.

- Что за чертовщина?

- Подожди, Курганов, калитка забита.

Только сейчас Андрей обратил внимание на странный вид дома. Над прокаленной трубой не вился дымок, заклеенные накрест окна были до половины забиты фанерой. Фанерный щит покрывал и дверь. Андрей перелез через забор.

- Лезь и ты!

- Неудобно: я офицер — и вдруг через забор, как мальчишка.

- Постой, — спохватился Андрей, — иди сюда. — Андрей сдвинул планку. — Потайной ход, ночью на пруд купаться бегал.

Сорокин, ворча, пролез в щель. Оба поднялись на крыльцо. Андрей попытался подтянуться и заглянуть в окно. Но ничего не получилось.

- Мишель, миленький, посмотри, что там?

- Ничего особенного. Шкаф с книгами, на полу газеты, какой-то валик от дивана.. .

- Странно! У нас не было дивана... Стой, а может, эта штука имеет кисточки?

- Вроде так.

- Подушка. Мамина подушка. Она сама ее делала, а я этой штукой с Никой Черных дрался. Помню, кисть одну оторвали. Ох, и шуму-грому было!..

Сорокин пожал плечами. Андрей подошел к заколоченной двери, рассеянно осмотрел ее и вдруг просиял:

- Скворечник, скворечник цел!

- Какой скворечник? Где? — Сорокин скользнул равнодушным взглядом по мокрым соснам.

- Почтовый ящик, мы его из скворечника сделали и так назвали. А ключик спрятан здесь.

Андрей отодвинул высохший цветок.

- Вот он!

Задыхаясь, Андрей снял заржавленный замочек и открыл ящик. На дне лежала коротенькая записка. Андрей узнал крупный, скошенный влево почерк матери.

«Дорогие сыночки! Не знаю, кому суждено прочесть это письмо. Вы найдете наш дом опустевшим.

Папа — на казарменном положении, в распоряжении Московского комитета партии. Бабушки нет на свете. Бомба. Похоронили ее на кладбище возле могилы летчиков, где два красных пропеллера. Сама уезжаю сегодня вечером в Рязань в командировку. Когда вернусь — не знаю.

Сыночки! Боренька, Андрюша! Обо мне не беспокойтесь. Берегите себя. Сражайтесь с фашистами, помните — за спиной Москва, наш родной город.

Защитите Москву! Целую вас крепко.

Мама. 4 сентября 1941 года».

- Четвертого сентября, — повторил Андрей. — Как давно!

- Он вспомнил бабушку, жизнелюбивую, сухонькую, с выцветшими глазами. Никогда уже больше не увидит ее...

- Пойдем, что ли! — поежился Сорокин.

Андрей отогнал воспоминания, достал карандаш и размашисто приписал:

«Дорогие! Был дома — никого не застал.

Встретимся после победы.

Я здоров, обо мне не беспокойтесь.

Андрей, 15 октября 1941 года».

Обратно ехали молча. Перед самой Москвой Сорокин достал записную книжку и внимательно прочел свежую

запись.

- Адрес оставила. Говорит — приезжай, все будет!

- Кто?

- Да бабенка эта, с кем утром ехали.

Утром на очередном осмотре седоватый широколицый доктор сказал Сорокину:

- Вот мы вас и починили. Можно выписывать. Соскучились, наверно, по дивизии?

Сорокин начал жаловаться на головные боли, недомогание, просил отправить его на комиссию. Врач скрепя сердце согласился. Закусив губу, Мишель вышел из кабинета. В палате он негромко сказал, ни к кому не обращаясь:

- Скоро на выписку, ребята. Воспользуюсь случаем, навещу родичей. Если не вернусь к отбою...

- Порядок! — невозмутимо откликнулся матрос. — Скажем, задержался. На якоре у невесты стоит.

Чернобородый рассмеялся, Андрей еще не возвращался из перевязочной. Закутанный в марлю командир лежал молча, очевидно спал. Проходя мимо него, Сорокин обратил внимание на его крупные, коричневые от ожогов руки.

«Бинт сняли, — подумал лейтенант. — Поправляется потихоньку, бедняга».

Никто в палате не догадывался о том, насколько был близок к истине матрос, когда сказал о невесте. Лейтенант Сорокин поехал к той самой женщине, которую они с Кургановым встретили в дачном поезде.

В вагоне лейтенант попытался проанализировать свое

душевное состояние. Он ехал к женщине, к которой не питал никаких чувств. Под ее гостеприимным теплым кровом он хотел переждать военный ураган, а потом... Это «потом» тонуло в тумане. Оттуда выплывали страшные слова: «трус», «дезертир». Сорокин со стоном схватился за пылающую голову.

- Ты чего, сынок? — участливо осведомилась старая крестьянка. — Никак, заболел?

- Зубы, — краснея, буркнул Сорокин.

- Это бывает, — откликнулась женщина помоложе. — Теплое приложить надо, не застуживать.

- В таком деле, — вмешался старик в рваной железно-дорожной шинели, — первое средство — шалфей!

С ним не согласились. Разгорелся спор. Сорокин слушал, как люди ворчливо корили друг друга из-за того, что каждый хотел дать лучший совет ему — здоровому, сильному человеку. Стало не по себе, он вышел в тамбур.

- Дяденька! Дяденька военный! — Сорокина тронуло за руку какое-то существо, закутанное в лохмотья. — Дайте кусочек хлебца!

- Ты откуда, пацан?

- Можайские мы. Дом сгорел, мамку немцы...

Лейтенант посмотрел на босые, грязные ноги, на посиневшие от холода кулачки и легко подхватил ребенка на руки.

- Тебя как зовут, пацанок?

- Марийка. Королёва по фамилии.

- Девочка! — улыбнулся Сорокин. — Отлично! А вот и паша станция. Давай слезать.

Сорокин разыскивал незнакомый дом.

- Ничего, сейчас согрешься. Забежим к знакомой тете, она обогреет, молоком угостит. Ты молочко любишь?..

Девочка кивнула.

- А мы надолго сюда?

- Нет, нет, — заторопился лейтенант, — мы быстренько, а потом в Москву поедem.

В дом Сорокин вошел робко, как на прием к генералу. Молодая женщина сразу узнала лейтенанта, и глаза ее вспыхнули так счастливо, что Сорокин вспотел от

волнения.

- Приехал! — выдохнула она, прижимаясь к широкой груди лейтенанта. — А это кто?

Пока девочку мыли, причесывали и кормили, хозяйка не сводила глаз с командира. Откуда-то прихромала ее мать, согнутая годами и болезнью старуха в мужском пиджаке и смазных сапогах. Ее колючие глазки задержались на статной фигуре Сорокина.

- Здрав будь, гостенок! На квартиру, что ли?

- Мама, вы бы шли отдохнуть.

- Эхе-хе! Не такие времена настали, чтобы отдыхать. Супротивник к городу подступил. Слыхали?

Молодая выпроводила мать, подошла к лейтенанту и неожиданно обняла его своими сильными руками:

- Все будет хорошо. И девчущку пристроим. Проживем...

- Дяденька, — жуя, спросила Марийка. — А вы папа и мама?

Мишель рассмеялся, а хозяйка, схватив девчущку в охапку, расцеловала:

- Угадала, девонька, так и есть!

Вечером пришли соседки, хозяйка хлопотала возле убранного стола. Женщины посматривали на лейтенанта, перешептывались.

- Лучшее платье Анька надела, из сундука.

- То-то нафталином пахнет.

- Парень-то видный, из себя красивенький!

- А мне Петька ихний больше нравился...

Сорокин вздохнул, женщины примолкли.

За столом сидели все вместе. Вымытая Марийка с жадностью ела холодец, откусывая от огромной краюхи хлеба. Бабы с жалостью глядели на нее.

- Не торопись, девонька, кушай! На-ка тебе еще стюдию.

Настроение, несмотря на выпитый крепчайший первач-самогон, не поднималось.

- Споем, бабоньки! — предложила хозяйка.

Женщины послушно запели, но грустные, берущие за душу русские песни не веселили. Сорокин встал из-за стола, подошел к девочке, помог ей одеться.

Бледная, поникшая хозяйка молча смотрела на Сорокина, перебирая подол расшитого петухами фартука. Когда он надел шинель и туго стянул пояс, женщина шагнула вперед и прошептала:

- У-хо-дишь?

- Да, — коротко вздохнул Сорокин. — Спасибо тебе, милая Аня, за все.

Страдальчески морщась, хозяйка пошла их проводить. На пороге теплой ладонью тронула она лицо лейтенанта. Щека была гладкая, холодная. Сорокин поцеловал безвольные, податливые губы, стараясь не смотреть в огромные, дрожащие слезами глаза, и, взяв Марийку на руки, зашагал к станции.

Девочка доверчиво прижалась к его плечу и задремала. Оставив позади теплое жилище, лейтенант шел в ночь, встречая грудью холодный, порывистый ветер.

Выйдя из поезда, Сорокин остановился, пораженный:

вся вокзальная площадь была сплошь забита людьми. Люди сидели на чемоданах, на сундучках. Женщины прижимали к груди плачущих детей, старики курили, опасливо поглядывая в темноту.

- Что такое? — пробормотал Сорокин.

- Говорят, где-то немцы прорвались, танки на окраинах. Один гражданин из Химок сам видел...

Сорокин, схватив Марийку за руку, бросился бежать к госпиталю. Поток москвичей едва не захлестнул его. В кромешной темноте Сорокина толкали, пихали, ругали.

Он пробился в переулок, свернул в другой. Здесь было спокойнее...

Вечером волна тревоги докатилась и до госпиталя. Весь день мимо окон плыл поток людей, двигавшихся по направлению к вокзалам. Санитарки, медсестры, легко раненные с волнением выслушивали испуганных, уставших до изнеможения беженцев и разносили тревожные вести по палатам.

Все ждали комиссара госпиталя, уехавшего еще засветло в Московский комитет партии. Легко раненным, по их просьбе, вернули обмундирование, вещи, личное оружие.

Андрей торопливо шагал по палате. Взад-вперед. Бородатый артиллерист, кряхтя, натягивал узкие брюки на раненую ногу. Матрос, чувствовавший себя лучше других, копался в сундучке. Волнение передалось и тяжело раненному командиру. Он ворочался на койке, жевал мундштук папиросы. Крупные, бурые от ожогов руки (единственная незабинтованная часть тела) нервно вздрагивали.

Капитан с перевязанной головой долго смотрел в окно, курил одну папиросу за другой, затем молча собрал вещи и, кивнув остальным, вскинул рюкзак на плечо.

- Уходите, товарищ капитан? — спросил моряк.

- Надо идти. Долечусь в медсанбате.

Капитан исчез. Дверь стремительно отворилась, пропустив молодую черноглазую женщину. Матрос как сидел на сундучке, так и остался сидеть, изумленный неожиданным появлением гостыи. Машинально он продолжал разглядывать добытые из сундучка свежие исподники.

- Ирина! — ахнул Андрей, узнав жену брата. — Ирочка!

- Боже мой, Андрюша! — Женщина обняла юношу и расплакалась. Андрей даже не успел спросить, как Ирина оказалась в госпитале. — Что будет? Наши уходят из города!

- Не может быть! — закричали все.

- Кто тебе сказал?

- На улице только об этом и говорят. Все эвакуируются.

..

- А-а, на улице! — облегченно вздохнул моряк. — Экстренное сообщение агентства «обб» — «одна баба болтнула». — Матрос вскочил с койки и уронил с колен белье, — Пардон, мадам, паруса не успел прибрать...

В эту минуту вошел Сорокин с девочкой на руках.

- Михаил, это что же такое? — изумился бородач. — Откуда ты, прелестное дитя?

После объясню... — Сорокин рывком отворил свою тумбочку и стал поспешно укладывать вещевого мешок.

- Ты чего сидор набиваешь? Эвакуироваться вздумал?

- Вроде того, — рассеянно буркнул Сорокин, — только не в ту сторону...

Моряк внимательно посмотрел на него и понял все:

- Верно, дружище! Наше время настало — пора идти.

- Сашка! — позвал моряка бородатый. — Пойди, достань мне какую ни то клюку. Расстарайся, брат!

- Это я мигом! — Моряк исчез за дверью, едва не столкнувшись с пожилой санитаркой.

- Кто меня здесь звал?

- Я, тетя Поля, — отозвался Сорокин. — Просьба к вам. Свезите посылочку моим старикам в Гжель. Я в часть ухожу...

- Которую такую посылочку?

- А вот стоит.

- Ого! — засмеялась тетя Поля. — Дочку нажил, непутевый!

- Нажил. Вот деньги, адрес. Письмо моим. Очень прошу, не откажите.

- Господи! — вздохнула санитарка. — И что с нами сатана немецкий делает!.. Свезу, свезу, ладно. А сам-то... туда?

- Туда, тетя Поля.

- Оборони тебя пресвятая...

Сорокин махнул рукой, подошел к девочке:

- Ну, прощай, Марийка. Поедешь к деду и бабке. Смотри, слушайся их.

Девочка во все глаза смотрела на лейтенанта, потом

обняла его и крепко поцеловала.

Сорокин почувствовал, что по лицу его течет что-то теплое, соленое. Он поцеловал девочку, резко отвернулся, отошел к окну. Сдавленным, свистящим шепотом сказал:

- Ну ладно, идите.

Девочку увели. Возвратился матрос с палкой. Артиллерист, кряхтя, прохромал к шкафу, достал широченную бурку. Андрей вынул руку с перевязи, сбросил с шеи бинт, достал шинель.

- Когда ж это кончится? — истерически крикнула Ирина. — Будь проклят Гитлер! Будь он проклят, проклят!

Тяжелый стон прокатился по палате. С дальней койки привстал раненый. Опираясь обеими руками о кровать, он сел и медленно повернул забинтованную голову. К его стонам привыкли, никто не обратил на него внимания, только дрожащая, как в лихорадке, Ирина вскрикнула.

Раненый, опираясь на руки, медленно поворачивал голову.

- Прощай, Ирина!—проговорил Андрей, — Я возвращаюсь в часть.

- Но ты еще не выздоровел!

- По дороге заживет. ..

Ирина вытерла слезы и случайно увидела, что молчаливый раненый в углу делает призывное движение рукой.

- Вам что-нибудь нужно? Позвать сестру, воды?

- Он не слышит, — пояснил матрос, — контузия.

Матрос и бородатый артиллерист ушли. Бледный

Сорокин оттолкнулся от подоконника, подошел к Ирине и, сняв фуражку, поцеловал ей руку. Ирина простилась с Андреем, и все трое вышли в коридор.

Когда дежурная сестра вошла в опустевшую палату со шприцем морфия, раненый тяжело рухнул навзничь. Сестра подбежала к нему, приготовилась сделать укол, воткнула иглу под кожу, тронула тугой поршень. Раненый вздрогнул, что-то зашептал. Девушка склонилась над лежащим без движения человеком и услышала тонкий, как комариное жужжание, шепот:

- И-ри-ша, И-ри-ша...

- Бредит, — решила сестра и поспешила к врачу, Но Борис Курганов не бредил.

Глава двенадцатая **ПРОРЫВ**

На рассвете рота Быкова, оказавшаяся в окружении, тронулась в путь. Едва прошли несколько километров, как к старшему лейтенанту подбежал взволнованный Захаров — он шел в голове колонны, дозорным:

- Товарищ командир, впереди хуторок!

- Немцы там есть?

- Не видать, товарищ старший лейтенант!

- Надо разведать!

Через полчаса разведчики сообщили, что противник на хуторке не обнаружен.

Рота вошла в хуторок. Он состоял из двух небольших домишек, рубленых из кругляка. Домики рубились,

видимо, недавно — стены еще не успели потемнеть. Красноармейцы обступили вышедшую на дорогу маленькую, сгорбленную старушку. Она вытирала слезы концом увесистой порванной шали.

- Милые сыночки, возвратились, слава те, господи! Не ждала, не гадала увидеть вас...

- Немцы были? — глухо спросил ее Бельский.

- Были, были, касатик, чтоб их утробе натрое распасться! Ой, и натерпелись мы страху! Ведь это сущие аспиды. У меня лазарет остановился — раненых всех побили, так за сараем и лежат.

- Не всех, бабаня: чернявого парня офицер в лес увел и застрелил там. Я хотел сбегать, да забоялся.

- Товарищ командир, — негромко позвал Иванов, — зайдите за сарай, гляньте...

У дощатой, изъеденной пулями стены сарая вповалку лежали убитые. Их было восемь. Большинство — молодые, лет до тридцати, только у крайнего справа лицо густо поросло белой щетиной. Рядом с ним лицом вниз лежал огромного роста человек, прикрытый окровавленной кавалерийской буркой. На мощной, мускулистой ноге кровянула алая полоса казачьего лампаса.

- Девчонку загубили, гады! — хрипло выругался Каневский. — Стой, да это ведь та самая, что плясала на паперти возле церкви!

- наших раненых нашел, — шепнул Бельский командиру роты. — Немцы доби́ли их. Двое из моего взвода. Точно.

Могилу копало отделение Иванова. Старик работал

вместе со всеми. У бабки нашлось четыре лопаты, и красноармейцы часто сменяли друг друга.

- Что, малыш, приуныл? — Иванов почистил лопату. — Грустно на душе?

- Ага, — мотнул головой Копалкин. — Ни разу в жизни никого не хоронил, а теперь вот могилу рою.

Одноклассники чувствовали себя неважно. Захарова мутило, подташнивало, Родин зажимал брезгливо нос — от трупов шел сладковатый запах. Родин копал, стараясь не глядеть на убитых.

- Хорош! — негромко проговорил Иванов, кряхтя выбираясь из ямы. — Потрамбуйте немного дно и вылезайте.

Ребята затоптались на месте.

- Начнем, пожалуй, — возбужденно сказал Бобров и нахмурился, пытаясь скрыть охватившие его чувства.

- Девушку надо бы отдельно, — нерешительно заметил Захаров. — Неудобно как-то.

- Чего там, они все равны! — буркнул Иванов. — Берите, ребята, крайнего, опускайте.

Одноклассники попятились, побелели.

- Ну, чего стоите? — рассердился Иванов. — Берите...

- Н-не... могу, батя... — клацнул зубами Бобров.

Ребята испуганно отступали от ямы.

- Эх, сынки! Не приходилось таким постылым делом заниматься? Григорий, пойди-ка сюда! Ну-ка, беритесь все. Не к теще на блины приехали. Исполнять приказ немедленно!

Яростный, свистящий шепот Иванова подействовал отрезвляюще. Захаров, Родин, Бобров и даже Копалкин мгновенно подошли к убитым и опустили их в могилу.

- Зарывать их? — спросил Кузя.

- Подожди. Надо лица покрыть. Возьмите бурку.

Яму закидывали молча. Когда она сровнялась с краями, Родин, облегченно вздохнув, отложил лопату.

- Постой, постой, холмик надо насыпать.

- Ну и работка! — скрипнул зубами Кузя. — Ну и работка, будь она трижды через нитку проклята!

- Запоминайте, сынки, ничего не забывайте! Мы еще Гитлеру за этих ребят, что здесь лежат, дадим жару.

...Рота уходила под вечер. У плетня стояла старушка, осеняя бойцов мелкими крестиками.

Лес шумел, глухо гудел мокрый сосняк, роняя редкие иглы. Бойцы подхватывали их на лету. Горьковато-терпкая зелень глушила мучительные приступы голода, наполняла рот клейкой, вязущей слюной.

Игорь Копалкин, щуря добрые глаза, положил маленькую руку на плечо товарища:

- Ты чего такой печальный? Придет время — и мы в наступление перейдем.

- Я не об этом, — тяжело вздохнул Ника. — Андрюшку жаль. Как ни говори — лучший друг.

- Ты считаешь, он погиб? Но его не было среди тех, кого мы похоронили.

Эх, Игорек! Разве ты не слышал, что рассказывала старушка? Немецкий офицер Андриюшку в лес увел и расстрелял.

Мимо них вразвалку прошел Быков. Рябоватое добродушное лицо командира роты было спокойно, только росинки пота, проступившие между бровями, свидетельствовали о непрерывном душевном напряжении Быкова.

- Товарищ старший лейтенант, по вашему приказанию...

- Отставить. У вас карта есть?

- Вот она, — Бельский ловко выхватил из планшета аккуратно подклеенную зеленую карту.

Быков бегло взглянул на нее, недовольно хмыкнул:

- Кончилась. Вышли мы из данной местности.

- Так точно! — бесстрастно согласился Бельский, хотя понимал, что бродить без карты по тылам противника дело весьма рискованное.

- Останови колонну.

- Есть! Товарищ боец, бегом вперед — задержите направляющих.

Копалкин побежал в голову колонны, придерживая болтающуюся на спине винтовку.

Быков взглянул на Бельского и негромко распорядился:

- Пошлите троих в разведку.

- Слушаюсь!

Рядом тотчас очутился Кузя и умоляюще прижал ладони к груди.

- Меня, товарищ командир! И наших ребят. Нику

Черных...

- Не терпится? — улыбнулся Быков.

Он любил этого веселого, неунывающего паренька.

- Вроде этого.

- Идите. Только с ними надо послать опытного вояку. У вас, лейтенант, такой имеется?

- Имеется.

- Кто?

- Я.

Разведчики ушли. В ожидании их возвращения рота расположилась в молодом ельнике. Бойцы повалились на мягкие, прелые хвойные подушки и тотчас заснули.

Трое разведчиков подползли к опушке леса. Небольшое сельцо гнездилось на дне оврага, поросшем блеклой, опаленной осенними ветрами травой. Широкие трещины в овраге разбегались во все стороны.

- Весной по ним ручейки бегут, — мечтательно заметил Ника, — бурлят, наверное, а вода черная-черная, как в нашем ильинском пруду.

- Помолчите! — сухо бросил Вельский. — Не положено.

Ника умолк, пристально рассматривая село сквозь сетку дождя.

- Интересно, есть там немцы или нет? — нетерпеливо ерзал по земле Кузя. — Разрешите я пойду проверю.

- Попробуйте. Подползите к крайней хате. В случае опасности прикроем огнем...

Ловкий, как ящерица, Кузя, извиваясь, пополз по дну оврага. Ника и лейтенант внимательно следили за ним, приготовив оружие.

Кузя полз долго, промок и перемазался в грязи. Это очень разозлило его, и он, чертыхнувшись, встал, пошел во весь рост, не таясь. Ника и Бельский замерли, поражаясь безрассудному поступку товарища, но у Кузи был свой план. Он заметил в одной из трещин стадо овец и пастушонка. Это придало уверенности: значит, немцев в селе нет. Иначе разве оставили бы они овец?

До маленького стада оставалось не более десятка шагов, когда из хаты неожиданно вышел высокий гитлеровец. Кузя так поспешно бросился на землю, что разбил нос. Гитлеровец постоял, закурил сигарету.

- Сейчас я его застрелю... — Ника медленно поднял винтовку.

Но Бельский сделал предостерегающий жест:

- Рано...

Ника искоса взглянул на лейтенанта и удивился: Бельский был по-прежнему спокоен и невозмутим.

«С таким командиром не страшно, — мелькнуло у Ники, — с ним не пропадешь».

Немец покурил, затоптал окурок и пошел по широкой улице к центру села.

Кузя перевел дух, провожая офицера взглядом, и негромко окликнул пастушонка:

- Эй, пацан!

Мальчик, закутанный в рваный бабий платок, вскрикнул от испуга, попятился.

- Цыц! Не шуми. Я свой.

Мальчик приблизился, шмыгая мокрым носиком.

- Ты, дяденька, кто? Красный?

Кузя покрутил головой.

- Ясно, не белый... не немец, то есть. Много их у вас в селе?

- Не очень.

- Сто, двести, пятьсот?

- Что ты, дяденька! Человек сорок, не больше. У сельсовета пулемет стоит, такой высокий, на тонких ножках, как паук.

- Молодец, парень! Ну, прощай. Надеюсь на твою скромность.

- Чего?

- Ну, чтоб языком не молол. Ясно?

Кузя пополз обратно.

Вскоре разведчики вернулись к своим и доложили командиру роты о результатах вылазки.

- Решено, — сказал Быков, — план операции такой...
Лейтенант, — повернулся он к Вельскому, — ваше мнение?

- Дождаться темноты, еще раз тщательно разведать, снять часовых и...

- Неплохо, — перебил командир роты. — Но у нас нет времени, мы атакуем сейчас.

- Как, днем?

- Да, днем. — Узкие зеленоватые глаза Быкова блеснули.

Красноармейцы подползли по оврагу к окраине и по сигналу Быкова ворвались в село. Бой был короткий. Не ожидавшие удара с тыла фашисты частью были перебиты, частью, беспорядочно отстреливаясь, поспешно отступали к лесу.

- Бегут фашисты, бегут! — восторженно кричал Ника.— Вот тебе и непобедимые!

- Чего орешь? Стреляй! — гаркнул Бобров.

Припав на колени, он пускал по убегавшим пулю за пулей.

- Работайте, сынки, работайте, — бормотал седоусый Иванов, вскидывая приклад к плечу.

- Даем, батя!—вопил Каневский, удерживая за сошки рвущийся из рук ручной пулемет. — Норму выполняем!

...Маленький отряд, прочесав село, скрылся в лесу.

Когда стемнело, командир роты на коротком привале негромко сказал:

- Вот и повоевали. Как расцениваете сегодняшний бой?

- Как? — Вельский пожал плечами. — Бой как бой.

- Мы сегодня одержали большую победу.

- Большую?

- А вы, товарищи, как думаете?

- Думаем лупить фашистов без передыху!

- Бить будем, пока не посинеют, — улыбнулся Кузя.

- Правильно! В точку!

Светловолосый большеглазый политрук Светильников

подвел итог, высказал общую мысль: - Люди приободрились, убедились в том, что фашисты могут не только наступать.

Рота прорвала кольцо окружения.

Глава тринадцатая **В ШКОЛЕ**

В начале октября артиллерийскую батарею 45-миллиметровых орудий, которой командовал лейтенант Хаштария, придали пехотному батальону ополченской дивизии. Дивизия только что вышла из боя, понеся значительные потери.

Батальон, которому придали батарею, находился в арьергарде, прикрывая отход наших частей. Люди были измотаны двадцатичасовым боем настолько, что на коротких привалах падали прямо в грязь, в лужи и мгновенно засыпали.

Ночью противник прекратил преследование. Немцы стремились подтянуть свои тылы, дать солдатам отдых, заправить танки и бронетранспортеры горючим.

Батальон занял оборону на окраине большого села и стал поспешно окапываться. В этот момент появился Хаштария со своими пушками и, слегка иронически поглядывая на пехотинцев, роющихся в сырой земле, начал устанавливать орудия на позиции.

Вместе с комсоргом батареи наводчиком сержантом Козловым, неторопливым сибиряком, и командирами орудий лейтенант засек танкоопасные направления, подыскал ориентиры и, проинструктировав своего

заместителя Панюшкина, сказал:

- Пойду навещу соседей, заодно договорюсь насчет питания. Ты тут за меня покомандуй.

- Давай, — согласился Панюшкин. — И насчет кухни поскорее — есть здорово хочется.

Лейтенант прихватил с собой старшину батареи Галиева, широкогрудого, крепко сбитого казанца, и зашагал к видневшимся впереди окопчикам. Тонкий серпик луны освещал окрестность голубоватым холодным светом. Месяц частенько скрывался за быстро бегущими облаками, и тогда все вокруг погружалось в сплошной, непроглядный мрак. В такие минуты Галиев молча брал под руку лейтенанта.

Еще на Украине взрывом снаряда лейтенанту обожгло лицо. Ожог прошел без последствий для внешнего вида лица, за чем, кстати говоря, Хаштария любовно следил, но отразился на зрении. Хаштария стал плохо видеть. Галиев же, в прошлом артиллерийский наблюдатель, видел ночью, как кошка.

Вскоре ветер донес приглушенные голоса, и зоркие глаза Галиева различили в темноте двигающиеся фигуры.

- Стой! — тихо окликнул часовой. — Кто идет?

- Свои. Артиллеристы.

- Пропуск.

- Не знаю, дорогой! Нас двое, зови командира, пожалуйста.

Из сумрака вырос человек в фуражке и прохрипел:

- Я командир!

Лейтенант полез за документами, но командир остано-

вил его:

- Знаю. Мне звонили сверху. Прикрывать нас будете.

- Правильно, дорогой! Вас в обиду не дадим.

- Хорошо. Какой калибр?

- Сорокпятки.

- А, прощай родина! — хохотнул пехотинец.

- Не надо так говорить, дорогой. Мы еще пригодимся!

- Я шучу. Давай знакомиться, земляк. Из Грузии?

- Нет, абхазец. А ты?

- Вологодский.

- Вот так земляки! От меня до тебя два пролета по тысяче километров.

- Слушай, а под Вязьмой это не ты фрицевские танки жег?

Хаштария радостно вскрикнул:

- Быков! Ей-богу, Быков!

- Товарищ старший лейтенант, — зоркие глаза Галиева рассмотрели звание командира роты, — надо бы о питании договориться, кухни у нас нет.

Из мрака вынырнул посыльный:

- Товарищ старший лейтенант, вас вызывает комбат. Немедленно!

- Иду. А что стряслось?

- Да так, ничего особенного. Полковая разведка вернулась. Фрицы вроде атаковать собираются.

- Бельский! — позвал командир роты. — Разберись тут с артиллерией, я к начальству пошел.

- Артиллерия подошла? — довольно улыбнулся Бельский. — Сейчас с питанием уладим. Хоть и не положено стрелковой роте вас содержать...

- Ай, какой скупой! Старым друзьям жалеешь?

Светало. Хаштария, Галиев и Бельский шли по линии обороны. Бойцы стояли по пояс в окопчиках, курили, жевали хлеб. Пожилой, аккуратно заправленный боец заметил приближающееся начальство, негромко скомандовал:

- Внимание!

- Закончили, Иванов? — отрывисто спросил Бельский.

- Кончаем, немного осталось, товарищ лейтенант!

Бельский кивнул, пошел дальше и остановился возле неглубокого окопчика. Сидевший на куче вынудой земли солдат вскочил на ноги, торопливо отряхиваясь.

- Это что? — процедил Бельский.

- Окоп, товарищ лейтенант!

Бельский ловко спрыгнул в окоп. Он доходил ему до пояса.

- По-вашему, товарищ Захаров, это окоп, а по-моему, безобразие. Как вы будете выглядеть, если через наши позиции танки пойдут? Будет, как под Вязьмой, когда вашего дружка ранило.

Захаров молчал, переминаясь с ноги на ногу.

Когда командиры ушли, Ленка Захаров сказал Иванову:

- Под Вязьмой окоп, конечно, был глубже, а толку что? Все равно отступили. Куда ж теперь отступать?

- Да я скорее сдохну, чем фашистов теперь хотя бы на один шаг пропущу! — забасил Бобров, тронув свежий лучистый рубец на обветренной щеке.

- Да, ребята, дошли почти что до дому, — вздохнул Копалкин.

Несмотря на тщедушное сложение, он давно отрыл свой окопчик, замаскировал его желто-зеленым дерном и помогал теперь медлительному Тютину оттащить песок от окопа.

Подошел Иванов и, помахивая самокруткой, сказал:

- Вязьмы нам нечего стыдиться. Воевали там правильно, как надо. А отступили по приказу. Мы ж военные: дисциплина.

У порывистого Каневского заблестели глаза.

- Дальше отступать некуда, за нами Москва, и кто мне такое слово скажет, я штыком!

- Что вы все заладили: отступать, отступать!.. — раздраженно вмешался Кузя. — Хватит, наотступались! Приказ один: стоять насмерть!

Все посмотрели на Кузю. Всегда веселый, озорной, он говорил сейчас необычайно серьезно, товарищи никогда не видели его таким. Кузя смутился, снова стал самим собой и спел веселую песенку, которая заканчивалась словами:

... Гитлер, Геринг, Риббентрон

Всех солдат загонят в гроб!

Перед вечером Иванов пошел сменять часового. Сопровождал его Бобров. Когда подошли к посту, часовой их не окликнул и заметил подошедших только тогда, когда Бобров сердито толкнул его:

- Спишь, что ли, лопух?

Копалкин виновато щурился, краснел.

- Читал! — сердито проговорил Иванов. — Читал на посту! Вот это часовой! Да ты в уме ли, парень?

- Простите, — бормотал Копалкин, — больше не буду!

Бобров вырвал у него книгу, протянул Иванову. «Следопыт. Ку-пер», — отдельно прочел Иванов. — Про охотника, что ли?

- Про индейцев.

- Про индейцев? — протянул пораженный Иванов и покачал головой.

А горячий Бобров погрозил Игорю кулаком:

Вот подкрались бы фрицы, они бы тебе показали индейцев! На комсомольском собрании разберем тебя, шляпа!

Бобров принял пост, а Иванов и смущенный Копалкин двинулись по траншее обратно. Маленький Игорь сунул книгу за борт шинели совсем так, как это делали московские школьники. Всю дорогу он молчал, наконец не выдержал:

- Вы уж простите меня, товарищ командир! Очень люблю приключения. А читать совсем не успеваю, за всю войну только двадцать три странички и прочитал!

- Ладно, — буркнул Иванов, — но ежели ты еще раз...

«Ну настоящие ребяташки! — подумал он. — За такой поступок полагается суток пять отсидки, а с него что возьмешь: несмышленыш еще...»

Быков возвращался из штаба батальона в задумчивости.

Командир батальона, седой, краснолицый майор Гарин, сообщил командирам рот, что ожидается мощное наступление противника.

- Танков у него много, — нервно потирая руки, говорил Гарин, — большинство средних и легких, но есть и тяжелые. Опять же пехоты многовато. Против нас — две дивизии, переброшенные из Франции.

- Свеженькие, — перебил командир второй роты Савченко, дальневосточник, носивший орден Красной Звезды, полученный за Хасан.

- Подожди, бомбить нас, говорят, будут. И крепко будут. Оборону строить как следует. Глубже зарываться в землю! — Комбат помолчал и закончил, глядя куда-то вбок:— Кстати, отхода не будет, иметь это в виду.

«Зачем он это говорит? — досадливо подумал Быков.— Каждому и так ясно».

Худенький командир третьей роты Зорин, аспирант Московского университета, тихий юноша в роговых очках, с темным пушком на верхней губе, протер очки и, прищурившись, посмотрел на Гарина:

- Прошу прощения, товарищ майор! У меня создалось впечатление, что противник будет стремиться прорваться именно через нас.

- Ну, и что же из этого?

- Эрго1, Таким образом (лат.) нам выпала почетная задача задержать врага, и потому...

- Начинаются лекции, приготовьте карандаши и тетради!— Савченко тряхнул выбившимся из-под фуражки чубом и грубо закончил: — Дело надо делать. Не ровен час, полезут! Разрешите идти, товарищ комбат?

Зорин, обидчиво помаргивая, близоруко щурился. Майор примирительно сказал:

- Вячеслав Анатольевич, я выслушаю ваши соображения, но время, батенька...

Савченко откозырял, четко повернулся и сказал Быкову:

- Пошли, чего ждешь?

На околице села Савченко сердито проговорил:

- Потрясающая сверхинтеллигентность! Как это ему удалось военное училище окончить?

- Разве плохой парень?

- Уж больно растяпист. Мямля!

Разговаривая с Савченко, Быков все время думал о другом. Когда оба командира подошли к линии обороны, он повернулся, кивнул Савченко и почти бегом направился в село.

- Ты куда? Забыл что-нибудь?

- Скоро вернусь.

Быков вошел в избу, где расположился штаб батальона. Гарин, расстегнув ворот гимнастерки, торопливо ел суп из зеленого солдатского котелка. Его ординарец разогревал на спиртовке консервы, в углу у окна примостился телефонист.

- Ты чего? — удивился Гарин.

Мыслишка одна пришла, товарищ комбат! — Быков приблизился вплотную к майору и снизил голос до шепота: — А что, если нам ударить, не дожидаясь?

Командир батальона выронил ложку, она со звоном

упала на дно котелка.

- Ты что, сдурел? В своем уме?

- Я думаю, мы сорвем их атаку. Надоело отступать, стукнуть их надо!

Гарин открыл рот и вдруг замолчал. Он молчал долго, но это не было пассивным молчанием: майор мучительно обдумывал предложение. Ротный прав! Атаку необходимо сорвать. Но разрешит ли командир полка? Как он отнесется к этой инициативе? Оборона должна быть активной, а это не исключает контратаки.

Не говоря ни слова, комбат взял трубку, соединился с командиром полка и осторожно начал убеждать его дать разрешение. К его удивлению, полковник не возражал...

Быков возвратился в роту запыхавшийся, торжествующий. Собрав командиров взводов, он объявил о решении командования.

- Готовьтесь к наступлению, друзья!

Бельский застыл в непередаваемой позе, а присутствовавший на «совещании» Хаштария порывисто пожал старшему лейтенанту руку:

- Спасибо, дорогой! От всего сердца спасибо!

В десять часов батальон двинулся вперед. Рота Быкова шла в центре, справа и слева двигались бойцы Савченко и Зорина. Артиллеристы катили пушки и не отставали от пехоты.

Сплошной, непроглядный осенний туман скрывал движение. Прошли около двух километров. Вскоре должна была показаться линия немецкой обороны. Батальонные разведчики, ушедшие вперед, доносили, что

путь свободен. Рота Быкова, выдвинувшись, вступила в котлован пересохшего пруда — неглубокий четырехугольник, окаймленный столетними, в три обхвата, дубами. Здесь Быкова встретил один из разведчиков и попросил обождать с продвижением вперед — разведгруппа прошла дальше, и вестей от нее нет.

- Здесь село недалеко, метров восемьсот, — доложил разведчик. — Ребята посмотрят, что и как, и вернутся.

Быкова позвали к телефону. Говорил Гарин:

- Доложи обстановку. Немцев видишь?

Быков ответил. Майор задал еще несколько коротких вопросов и в заключение сказал:

- Следи за связью. Перервется — осуществляй посылным. И вообще смотри!

- Есть! — тихо ответил Быков, почувствовав в этом «смотри» всю ответственность, возложенную на него.

Небо светлело. Сквозь слой перистых облаков пробивалось солнце, его скупые лучи пронизывали туман, рассекая белесую завесу.

Отделение Иванова расположилось за двумя кряжистыми дубками. Красноармейцы возбужденно переговаривались. Тютин неторопливо устанавливал ручной пулемет, переставлял сошки, прицеливался, выбирал сектор обстрела. Толстые корни, выползшие из размытого берега, переплетались, как клубок встревоженных змей, совершенно скрывая воронку пламегасителя.

- Неплохо замаскировались, — сказал Каневский, укладывая запасные диски. — Пусть теперь полезут...

Бобров положил винтовку на пень, как на бруствер. Рядом пристроились Черных и Родин. Захаров вставлял запалы в гранаты, непоседливый Кузя перебегал с места на место, пока его не остановил Иванов.

Неожиданно прямо перед Ивановым выросли три фигуры разведчиков.

- Где старший лейтенант? Скорее!

Подошел Быков.

- Немцы идут, товарищ командир, минут через пять здесь будут!

Быков, на ходу отдавая распоряжения командирам взводов, поспешил к телефону.

- Приготовиться, — негромко сказал Бельский.

Бойцы прижались к земле.

Вскоре туман заколыхался. Из него проступили тени. Их было немного, но они казались огромными. Фашисты приближались. Впереди шагал длинноногий офицер в фуражке и короткой шинели. Рядом ссутулившийся гитлеровец в стальном шлеме с рожками прижимал к груди черный автомат. Дальше маячили черные каски.

Иванов заметил, что у худого гитлеровца необычайно толстые ноги. Приглядевшись, он догадался, что фашист заложил за широкие голенища несколько запасных обойм для автомата.

Гитлеровцы шли медленно, настороженно ощупывая местность. Они были совсем близко, в нескольких метрах, когда Быков одну за другой швырнул две гранаты.

Дробно застрочил пулемет, дружно ударили автоматы.

- Вперед! — крикнул Быков, выскакивая из котлована.

- Вперед! — закричал Бельский и побежал вслед за командиром роты.

Бой продолжался несколько минут. Гитлеровский офицер и десяток солдат были скошены первым же залпом. Уцелевшие фашисты яростно сопротивлялись. Откуда-то из-за ключьев тумана выскочили два солдата. Один из них прижал автомат к животу и дал очередь. Тотчас же Родин ударом штыка опрокинул его на землю. Захаров в упор застрелил другого.

Контратака русских была полнейшей неожиданностью для гитлеровцев. Растерявшись, они не сумели организовать оборону села. Красноармейцы убыстряли бег. Неожиданно из тумана выплыли очертания домов. От крайней хаты застрочил пулемет, и стайка пуль пронеслась над головами атакующих.

- Высоко взял немец! — крикнул Иванов.

Черных вскинул винтовку и выстрелил на бегу. Фашистский пулеметчик рухнул на пулемет, и в то же мгновение перед пулеметом упала граната. Ударил взрыв.

Рота Быкова пробивалась к центру села. Гитлеровцы в беспорядке отступали.

- Товарищ командир! — К Быкову подбежал разведчик. — На западной окраине села танки!

Подтверждая эти слова, раздался орудийный выстрел, и в конце широкой улицы показался крутой лоб тяжелого танка. Пришедшие в себя фашисты ринулись в атаку. Быкова снова вызвали к телефону.

- Ворвался в село, веду бой!

- Быков, Быков! — кричал Гарин. — У тебя фланги открыты! Савченко и Зорин не могут тебя поддержать! Действуй самостоятельно!

Телефон смолк.

- Исправить обрыв! — приказал Быков.

Но наладить связь не удалось. Посланный связист прибежал бледный, окровавленный.

- Там немцы!

- Не может быть!

Точно, товарищ командир! Моего напарника убили... Рота Быкова вынуждена была отойти к школе. Гитлеровцы, сдержав наступающий советский батальон, отсекали от него роту Быкова и охватили ее плотным кольцом. Красноармейцы, укрывшись в четырехэтажной школе, тотчас же завалили партами двери и окна, забаррикадировались.

Ночью никто не спал. Бойцы слонялись по классам, тихо разговаривали, курили. Гитлеровцы несколько раз обстреливали школу из пулеметов, но на штурм не шли. Под утро из-за соседнего дома загредел металлический голос:

- Красноармейцы! Бейте коммунистов и комиссаров, сдавайтесь, переходите к нам. Вас ждут ваши жены и матери — армия фюрера вступает в Москву!

Закопченные, голодные, израненные бойцы слушали свистящую металлическую речь.

- Врешь! — скрипнул зубами Чуриков, цыгановатый, диковинно красивый боец. Он только что сменился с поста и собирался воспользоваться затишьем —

часок-другой вздремнуть.

- Чудесно по-русски говорит... — покачал головой Родин.— Неужели изменника какого-нибудь заставили?

Чуриков молча сбросил шинель, подтянул пояс, сунул в карман тяжелые рубчатые кругляшки.

- Куда, хлопче? — недоверчиво посмотрел на него старшина. — Не вздумай чего-нибудь опять пошукать.

За Чуриковым числился некрасивый поступок — в одной деревне он раздобыл горшок сметаны и невинно заявил старшине, что сметану купил, а вскоре обнаружилась хозяйка горшка—седенькая старушка. Она не кричала, не ругалась, а только смотрела на бойца жалостливым материнским взглядом.

- И на что ж ты, сынок, замок попортил? Я бы тебе ту сметану и так отдала.

Красный от стыда Иванов дал старушке пятьдесят рублей, а когда она, бормоча благодарность, ушла, трясущийся Каневский, не говоря ни слова, плюнул Чурикову в лицо.

С тех пор дурная слава не выветривалась, хотя Чуриков вел себя исправно.

Услышав обидные слова старшины, он досадливо махнул рукой:

- Будет вам, товарищ старшина! Этого больше никогда не позволю!

Чуриков ушел, а Тютин недовольно сказал старшине:

- Не надо обижать парня, он исправился.

- Побачим.

Чуриков прошел на чердак. Здесь его встретил

наблюдатель — незнакомый боец из третьего взвода.

- Смена, что ли?

- Какая смена? Командир на разведку послал.

- А я думал, смена, — разочарованно протянул боец, — хотел напарника будить.

- Так вы вдвоем? А где напарник?

Наблюдатель затянулся сигаркой, бледный огонек вырвал из мрака бесформенную грудку тел.

- Так он что ж, рядом с мертвяками? — воскликнул пораженный Чуриков, усмотрев в отдельно лежащем человеке спокойно похрапывающего бойца. — Вот это герой!

Удивленно покачивая головой, Чуриков проверил гранаты, вставил запалы и кивнул наблюдателю:

- Прощевай, дядя! Смотри не трахни в меня, как в обрат полезу.

На крыше свистел холодный ветер, но разгоряченный боец не чувствовал холода, не чувствовал жгучего металла трубы, по которой осторожно спускался вниз. Сапоги Чуриков предусмотрительно оставил на чердаке.

Пользуясь предутренней сгустившейся темнотой, он осторожно прокрадывался через пришкольный сад к дому, из-за которого орал рупор.

Вдруг он наступил на что-то острое, очевидно, на стекло. Послышался противный хруст, но боль не остановила бойца: он полз вперед.

У самого дома Чуриков чуть не наткнулся на фашистского часового. Немец с автоматом задумчиво смотрел на дорогу. Он не издал ни звука, когда в его

спину по рукоять вошел широкий нож. Чуриков перехватил падающее тело, схватил автомат и замер. Из рупора полилась знакомая с детства мелодия.

«Катюша! Заводят «Катюшу»!» — подумал он. Но слова были чужие, незнакомые.

Чуриков поднялся с земли, не таясь пошел во весь рост, вошел во двор, размахнулся, и в то же мгновение два оглушительных взрыва оборвали знакомую мелодию.

«Вот вам, подлюки, русский язык, вот вам наша «Катюша»!»

Как Чуриков вернулся обратно, он не помнил. Все произошло молниеносно. Только бешено стучало сердце, и горели ободранные о шифер крыши ладони.

Он разыскал свои сапоги и спустился вниз под аккомпанемент жесточайшего фашистского обстрела. Когда поутихло, он как ни в чем не бывало подошел к старшине и отдал свой трофей.

- Откуда автомат? — отрывисто спросил старшина.

- Купил за два взгляда. Пошукал, словом!

Но старшина не любил шуток.

- Говори без брехни!

Около дверидохлый фриц лежит, ну, и взял у него, патронов-то у нас мало.

Старшину это объяснение удовлетворило, а Чуриков, охватив широченную спину Тютина, шепнул, осторожно косясь на старшину цыганским глазом:

- Ты, Гриша, зря патроны не жги, стреляй метче!

Утром гитлеровцы пошли на штурм. Четыре раза наваливались они на изрешеченное школьное здание и

всякий раз откатывались обратно, оставляя десятки трупов. Перед пятой атакой долго бил миномет и, захлебываясь, тараторил тяжелый фашистский пулемет. Мины летели сериями, две из них разворотили крышу, наблюдателя волной выбросило на землю. Второй наблюдатель был убит наповал крупным осколком. Одна мина, влетев в окно, разорвалась в классе, который оборонял взвод Бельского. Взрывом разметало бойцов, осколками сорвало кожу на лбу у лейтенанта Бельского, ранило в мякоть руки Родина, убило бойца, прибывшего с последним пополнением. В класс вошел Быков с перевязанной головой, без фуражки.

- Как дела? Зацепило? Готовьтесь, сейчас пойдут!

Как бы подтверждая его слова, раздалось дикое улюлюкание, свист, замелькали лягушечьи маскировочные накидки — гитлеровцы начали пятую атаку.

- К бойницам! — скомандовал Бельский. —
Одиночными — огонь!

Бобров, Каневский, Захаров стали рядом. Бобров сначала стоял на коленях, скрываясь за выступом, но так стрелять было неудобно, и он вытянулся во весь рост. Стрелял он неплохо: быстро уложил троих. Внизу раздалось несколько взрывов, и наверх хлынули обсыпанные известковой и кирпичной пылью красноармейцы.

Гитлеровцы, взорвав стену, бросились в пролом и захватили первый этаж. Весь взвод, оборонявший этаж, погиб. Гитлеровцы упорно рвались вверх, но ружейно-пулеметный огонь сметал их. Бельский отправил отделение Иванова вниз, на помощь командиру

роты. Первым на третий этаж вбежал Кузя, здесь его задержали: дальше идти было нельзя — немцы. Фашисты держали лестничную клетку под непрерывным огнем. Били трассирующими — огненные стрелы метались по зданию, пули плющились, рикошетили, с воем пронеслись над головами.

— Всё! — крикнул Каневский, показывая пустой пулеметный диск. — Амба!

Тютин перехватил пулемет обеими руками, изготовясь для рукопашной. Быков, Бельский и командир второго взвода выхватили пистолеты. Стрельба прекратилась.

- Накапливаются, — прохрипел Быков. — Эх, выпить бы!

Чуриков протянул ему фляжку. Быков приложил ее к сухим губам, но тотчас, страшно выпучив глаза, отдернул.

- Крепок? — участливо поинтересовался Чуриков. — Жаль, закусить нечем.

- Какая гадость! — Командира роты передернуло. — Я ее в жизни не пил. Водички бы!

Чуриков пожал плечами.

- Товарищ сержант, подсчитайте, что у нас осталось.

- Есть! — отозвался Иванов.

Бельский, бледный, сидел на полу. Его мутило, сильно кружилась голова, из ушей шла кровь. Другой лейтенант был новенький, и Быков к нему еще не привык.

- Товарищ старший лейтенант! В строю двадцать один красноармеец, один младший сержант, старшина, три командира, четырнадцать тяжело раненных, — доложил

Иванов.

- А легких?

- Чего там! — Иванов махнул рукой. — Все легкие! Это не в счет. Гранат три, патронов по обойме.

- Н-да... — озадаченно протянул Быков, просматривая полупустую обойму пистолета.

- У меня еще полдиска! — Чуриков тряхнул трофейным автоматом.

- Н-да... — повторил Быков. — Ситуация!

- Есть еще шанцевый инструмент, — скромно сказал Родин.

Лопатка солдатская? Что ж, в таком деле все сгодится... — И, как бы между прочим, командир роты добавил: — Помни, ребята, в плен не сдаваться!

Никто не ответил ему. То, что сказал командир, разумелось само собой. Только Бельский, постанывая от разламывающей голову боли, прерывисто сказал:

- Нам... в плен... не положено!

И эти избитые слова, которые так не нравились бойцам, были встречены сейчас молчаливым одобрением.

- Товарищ командир! — тревожно крикнул красноармеец. — Танки!

- По местам!

Из забаррикадированных окон бойцы увидели мощный лоб среднего танка, шевелящийся хобот орудия с раструбом дульного тормоза. Блеснул огонек, танк в упор ударил по школе, снаряд пронизал здание насквозь.

«Почему он еще не стреляет? — мучительно думал Бы-

ков, — прицеливается, что ли?»

Но танк, помедлив, ударил еще и еще, разворотив верхний этаж. Вновь раздалась бешеная стрельба, сливавшаяся с многоголосым криком штурмующих. На лестничную клетку вбежали гитлеровцы. Изогнувшись, Кузя метнул в них гранату, Быков бросил вторую.

- Последняя! — крикнул Иванов. — Последняя — нам!

- И эту им!

Последняя граната лопнула вблизи, засыпав красноармейцев щебнем.

В едком дыму угадывались силуэты в касках. У Быкова кончились патроны, он швырнул пистолет в голову ближайшего немца и промахнулся. В эту секунду Бельский бросился навстречу фашистам с пистолетом и уложил пятерых.

Заваленная трупами площадка опустела, на миг наступила тишина, и вдруг внизу загрохотали сотни автоматов и грянуло «ура». В село вливалась русская пехота, взмыленные артиллеристы на рысях выкатили орудия, и черноусый командир батареи заорал на всю передовую:

- По фашистским гадам — ого-онь!

Негромко хлопнул залп, и два огненных копья вонзились в бок танка. Танк вздрогнул, взревел, закрылся густым жирным дымом, загудел костром жаркого пламени.

- За мной! — закричал Быков. — Бей фашистов!

Группа окровавленных, грязных, обросших бойцов ринулась вниз, перепрыгивая через трупы, скользя в

лужах крови.

- Ура! — едва слышно крикнул Бельский, но ему казалось, что от этого крика пухнет и наливается болью голова.

Иванов выбежал вперед и что было силы крикнул:

- За Москву!

Этот крик услышали красноармейцы, бежавшие к школе. Иванова схватил в объятия какой-то боец. Другой обнял Бельского. Громадный Тютин тискал невысокого артиллериста, а рядом с уже успокоившимся Быковым стоял чернявый артиллерийский лейтенант Хаштария и радостно говорил:

- Я знал, что ты не сдашься, дорогой, знал, что выдержишь! Сердце подсказывало, понимаешь, дорогой! Давай, дорогой, поцелуемся!

- Жив-здоров, окруженец?

Быков вытянулся перед командиром батальона.

- Ничего, ничего, раз целуешься, значит, здоров. А за танк благодари товарища Хаштарию, он подбил.

Глава четырнадцатая **СВИДАНИЕ**

Покинув госпиталь, Андрей и Сорокин очутились в густой толпе. Улицы столицы были затоплены народом. Люди бросались к вокзалам и, убедившись, что неорганизованным путем приобрести билеты на поезда невозможно, так как эвакуировались учреждения и заводы, брели к окраинам города пешком. Обывателей подхлестывали панические слухи: сеятели и разносчики

этой паники большей частью числились в архивах гитлеровской разведки как шпионы и провокаторы.

Выбравшись из толпы, Сорокин попрощался с Андреем и ушел разыскивать фронтовой офицерский резерв. Пожимая руку Курганову, он сказал:

- Может, и не увидимся, но на всякий случай... У тебя замечательная родственница. — Сорокин точно не знал, как называют жену брата, не то невестка, не то золовка, — и ты ей передай... Впрочем, ладно! Буду жив, увижу сам. Прощай!

Андрей вздохнул и, отойдя в сторону, стал обдумывать, что делать дальше. Ему, как и всякому фронтовику, хотелось попасть в свою часть, а от бывалых солдат Андрей слышал, что из запасного полка в свою часть, как правило, не попадешь.

Курганов расспросил встречных бойцов, не слышали ли они, где находится ополченская дивизия. Младший командир с перевязанной рукой сказал ему:

- Точно не знаю, друг, но ты подавайся на Можайск. Не в самый город, конечно, там фрицы, а направление на него держи. Где-нибудь встретишь своих ополченцев. Курить есть?

Андрей направился дальше, стремясь попасть на Можайское шоссе. Мимо проносились военные грузовики, но он не пытался «голосовать», не знал еще о такой практике. Навстречу устало шагали подмосковные колхозники, рабочие, служащие, которых фашистское наступление изгнало с родных, обжитых мест.

Невдалеке от шоссе попала группа девушек, возвращавшихся после работы домой. Андрей

равнодушно скользнул по ним взглядом и вдруг ахнул. Среди них в темном ватничке и деревенском платочке шла Лара.

Он поморгал, провел рукой по глазам. Не может быть!.. Показалось!

Он еще раз взглянул на проходившую мимо девушку. Она с кем-то разговаривала и не заметила Андрея. Но он уже понял, что-не ошибся. Голос был ее — спокойный, нежный, мелодичный...

Андрей в два прыжка нагнал работниц и, задыхаясь, окликнул.

Девушки обернулись все разом. В глазах их засветилось любопытство. От неожиданности Лара отступила на шаг. Перед ней стоял худощавый красноармеец, подтянутый, ладный, в сдвинутой на бровь пилотке. Рука бойца висела на перевязи.

- Андрей? — неуверенно прошептала Лара. — Андрюша!

Не стесняясь подруг, девушка порывисто обняла его.

Андрей почувствовал легкое прикосновение теплых губ.

Когда оба оправились от неожиданности и смущения, Лара сказала:

- А я здесь. На заводе теперь работаю. Идем ко мне, я в общежитии...

Девушки деликатно ушли вперед.

В общежитии Лара сказала:

- Тут живут две из нашего цеха, а здесь Нинка Шишкова, она во вторую смену.

— Андрей? — неуверенно прошептала Лара. — Андрюша!

- Наша Нинка? Шишкова?

- Она самая! Ну, а как ты? Где служишь? Воевал уже?

- Немного. Из госпиталя возвращаюсь в часть.

- Так ты ранен? Боже мой, а я думала, что-нибудь вроде ушиба

Андрей усмехнулся:

- Посмотри на меня — изменился?

- Изменился, конечно! Повзрослел! — Лара хотела сказать, что Андрей похорошел, но сдержалась.

А он действительно похорошел, стал похож на своего старшего брата. Лара еще раз пристально взглянула на юношу и, заметив синеватый рубец, взбороздивший веко, и рассеченную шрамом бровь, почувствовала неожиданную слабость.

В комнате, где жила Лара, было сравнительно уютно.

- Садись, Андрюша, раздевайся! Бровь тебе немного... надеюсь, ничего серьезного?

- Пустяки, слегка задело.

Андрею было неприятно, что Лара так спокойно относится к его ранению, не ахает, не ужасается. Обиженный, он не стал просить ее помочь ему снять шинель и, высвободив кисть, осторожно сбросил шинель сам. К своему удивлению, боли он не почувствовал.

«Заживет!..» — подумал Андрей, и к нему вернулось хорошее настроение.

Они проговорили около часа, припоминали школьную жизнь. О себе Андрей ничего не говорил, а Лара больше ни о чем не спрашивала.

Внезапно Лара спохватилась.

- Ах, какая же я дура! Сейчас тебя покормлю.

- Спасибо, я не голоден.

- Знаем, как не голоден. Ты не стесняйся, я рабочий паек получаю.

Лара быстро сварила картошку, нарезала сухой колбасы, луку, открыла банку консервов, почистила селедку.

- Царский ужин! — бормотала она, споласкивая руки.— Говорят, сам Людовик Шестнадцатый так не питался.

- Он ел куропаток и фаршированных зайцев, — уверенно поправил Андрей. — Помнишь, историк рассказывал? Забыла? И еще устриц и трюфеля.

- Чепуха! У нас с тобой преимущество — подмосковная картошка. Он такой наверняка не пробовал. Садись к столу, Людовик, а то остынет...

Разом схлынула напряженность. Оба повеселели, почувствовали себя проще.

- Давай я тебе селедку очищу. Ты что предпочитаешь: голову или хвост?

- Все равно. Давай голову.

- Идеально! Каждый берет то, чего ему не хватает!

Андрей, смеясь, катал по тарелке картофелину, дул на обожженные пальцы.

- Стой, стой! — вспомнила Лара. — Сейчас я тебя вот чем угощу!

Андрей смотрел во все глаза: девушка достала из-под кровати маленькую красноголовую бутылку.

- Не смотри на меня зверем, я не алкоголик! Этот райский напиток теперь те же деньги — на него можно купить что угодно. Налью в чашку — тебя это не шокирует?

- А где же твой хрусталь? — поддержал шутку Андрей.

- Держи крепче, товарищ инвалид! Пьем! — Лара подняла чашку.

- Так не годится, у тебя едва доньшко прикрыто!

- Я женщина, мне не положено.

Андрей усмехнулся, услышав любимое выражение лейтенанта Бельского. «Как они там?.. — уколола мысль. — Может, уже нет никого?»

- Пьем за все хорошее! — Андрей поднял чашку.

- За встречу! — тихо сказала Лара. — За нашу встречу! Глаза их встретились.

Лара! — Андрей осторожно обнял девушку раненой рукой и, не удивляясь отсутствию боли, поцеловал теплые вздрагивающие губы.

Ощущение времени исчезло. Оба сидели не шевелясь, тесно прижавшись друг к другу, и внезапно Андрей почувствовал тоску. Где-то в глубине груди защемило, кольнуло.

«Что со мной? Я так мечтал о встрече с ней. И вот мечты сбылись, сказка стала действительностью, сон — явью, а я не рад, то есть нет, я рад, но не спокоен.. :»

Андрей услышал, что Лара что-то говорит.

- Ты сегодня останешься здесь. Я устрою. Договорюсь с комендантом, с девушками. Они хорошие. Ты должен остаться.

«Почему он молчит? — встревоженно думала Лариса.— Ведь два года вздыхал, а теперь молчит».

- Нет, — спокойно сказал Андрей. — Я через десять минут пойду.

- Куда ты пойдешь на ночь глядя? Оставайся. Решено, и никаких разговоров!

- Нет, — тихо повторил Андрей, — я пойду!

- Но я тебя прошу! — Ореховые глаза заблестели от слез.

- Не надо, Ларочка! Я должен идти. Я и так потерял целый день. А они там, мои товарищи...

- Они подождут. Одна ночь.

- Валька Бобров, Родин, Игорь Копалкин, Кузя, Ника... Вальку дважды ранило, а он остался.

Лара умолкла. Она поняла, что Андрей сейчас уйдет, и она чувствовала нарастающую волну нежности, любви к этому смуглому неласковому юноше. Проснувшееся чувство говорило: «Не отпускай! Держись за свое счастье! Не отпускай! Быть может, никогда его больше не увидишь, его могут растерзать, застрелить, как Надю».

Имя Нади она произнесла вслух.

- Надю? — В глазах Андрея белел страх. — Что с ней?

- Ее... нет... с самолета... пуля...

Побледневший Андрей молча встал. Быстро оделся, стянул пояс на шинели.

Лара автоматически поднялась и, покачиваясь от страшной усталости, двинулась за ним к двери.

- Не ходи! — ласково попросил Андрей. — Там дождь...

Он ушел.

Хлестал дождь, косой, холодный, черный, пополам со снегом. Стена дождя расступилась и поглотила Андрея. Лара стояла у подъезда, вытирая промокшим платком лицо. Слезы, смешиваясь с дождем, текли быстрыми струйками.

Глава пятнадцатая **СНОВА ВМЕСТЕ**

Поздняя осень. Вязкая замерзающая грязь. Пожухлая, гнилая листва под ногами мягка, податлива. Дважды выпадал снег, скрашивая буро-черную, истоптанную тысячами сапог, иссеченную сотнями колес и гусениц землю. Но держался снег недолго — таял, чернел. Рота Быкова зацепилась в наспех отстроенных домах и блиндажах. Всего одну ночь провели здесь солдаты, а землянки уже казались давно обжитыми, в нешироких траншеях курился мирный дымок самокруток.

Взвод Бельского целиком уместился в просторной землянке, видимо, предназначавшейся для полкового командного пункта, но судьба сжалилась над измученными красноармейцами, и они с наслаждением разлеглись на широких тесовых нарах.

Рота ожидала пополнения, и старший лейтенант Быков приказал бойцам привести себя в порядок и отдыхать. В землянке бойко трещала печурка, излучая живительное тепло. Дневальный, Захаров, дремал, не забывая подбрасывать в огонь коротко нарубленные сучья.

Вошел командир взвода, выслушал неторопливый рапорт Иванова, молча отошел к нарам, сел.

- Отдохните, товарищ лейтенант, — предложил Иванов. — В случае чего я разбужу.

- Ничего, — коротко отозвался Бельский и тут же, затянув ремень, прислонился спиной к запотевшей бревенчатой стенке.

Ленька Захаров, растерзанный, в замасленной порванной ватной куртке — шинель он бросил во время отступления, — удивленно покачал головой. Старик Иванов развязал лямки вещмешка, вынул сахар, буханку хлеба.

- Кипят, что ли?

- Нет еще, — отозвался Захаров, поправляя котелки с кипящей водой.

- А заварка есть, батя?

- Немножко осталось.

Старик высыпал из пакетика горсть чаинок, бросил их в кипящую воду.

- Будите народ, сейчас чайком побалуемся.

- Эй, московские водохлебы, — крикнул Кузя, — в ружье!

С дальних нар поднялась лохматая голова и хрипло спросила:

- Есть будем? Сейчас иду.

- Тютин разве откажется! — засмеялся Чуриков. — Он всегда готов, как пионер. Все потребляет.

- А то как же? Все полезно, что в рот полезло. — Тютин затормошил приятеля: — Гришка, вставай.

- Уйди...

- Вставай, соня, зараз порубаем как надо.

Каневский почесал голую грудь, потер глаза.

- До того устал — есть не хочется!

- Да, от такой жизни аппетит вполне может пропасть, — вставил Родин. — Животные от усталости тоже не едят, только пьют..

- ...водку, — подхватил Кузя. — Налетай, ильинцы!

- По очереди, — громыхнул начальственно Бобров, — не толпись. Копалкин, не копайся, не оправдывай свою фамилию.

Иванов приготовил бутерброды, штыком откупорил консервы. Кузя нервно потер сухие руки:

- Начнем торжественный ужин. Позвольте бокал шампанского, то бишь кипятку. Ника, посторонись, не то ошпарю, и человечество лишится великого художника.

- Товарищ лейтенант, — спохватился Иванов, — поешьте с нами, чайк вскипел.

Вельский молчал, слепив ресницы.

- Спит.

- Будить надо — сколько времени горячего не видели.

- Не сплю, — сказал Вельский. Повисло неловкое молчание, нарушенное самим лейтенантом. — Задумался немного... Карту новую дали...

- И что ж из этого? — осторожно спросил Иванов.

- Так... ничего. В Московской области мы еще...

В землянку вошел высокий, плечистый боец в новенькой, отлично сшитой шинели. Щурясь на карбидный фонарик, он быстро огляделся, подскочил к

Быкову.

- Товарищ старший лейтенант! Восемнадцать красноармейцев прибыло в ваше распоряжение.

- Добре. Сейчас разобьем по взводам.

Быков поднялся для отдачи соответствующего распоряжения. Высокий боец щелкнул каблуками хромовых сапог:

- Товарищ командир, небольшая просьба.

- Слушаю.

- Прошу поручать мне самые трудные задания.

Быков удивленно поднял брови, морща лоб.

- Ваша фамилия?

- Сержант Панов.

- Ребята, да ведь это Вовка! — пискнул не своим голосом Копалкин.

- Он самый.

- Вовка, здорово!

Одноклассники, радостные, возбужденные, окружили Панова, хлопали его по плечу, Кузя от избытка чувств даже обнял его.

- Откуда ты взялся, кость тебе в горло?

- Ну чего пристали к человеку? — вмешался Иванов.— Устал небось. Садись, сынок, сейчас чаек спроворим.

К Быкову, который с интересом наблюдал происходящее, подошел Бобров:

- Товарищ командир, это наш одноклассник. Вовка... Панов, то есть, и мы все очень просим, чтобы его зачислили в наш взвод. Правильно я говорю, ребята?

- Точно.

- Конечно, — безапелляционно заметил Захаров, — само собой разумеется.

Панов метнул на него благодарный взгляд.

- Ника, ты что, онемел? — Бобров повернулся к Нике. Черных меланхолично ковырял пол штыком.

- Я не против...

- Значит, будете воевать вместе, всем классом?

- Если ребята так хотят, — подобрался Панов, — и если вы разрешаете...

Когда командир роты ушел, ребята обступили Вовку. Но он первым делом подошел к Захарову:

- Не сердись на меня, Леонид... помнишь... за драку.

- Чего там, — отмахнулся досадливо Захаров, — теперь не до личных счетов.

- Не сердись, спасибо... О, у вас и чайшко есть! Сейчас погоняем, сейчас мы его в кружечку нальем.

Панов открыл кожаную полевую сумку, достал складной стаканчик, сбросил шинель.

- Ты прямо как командир, — залюбовались им ребята: — гимнастерочка шерстяная, сапоги, ремень комсоставский.

- Э, чего там, пустяки. А ремень под шинелью ношу — боюсь отберут.

Панов ловко открыл консервы, взял протянутую Ивановым краюху:

- Благодарю.

Панов прихлебывал чай, шумно втягивая воздух.

- Горячий... Да, между прочим, этот птенец Курганов в наряде, что ли?

Ребята нахмурились, Иванов тяжело вздохнул.

- Почему вы молчите? На губе, что ли, сидит?

- На губе у нас пока никто не сидел, — злобно отрезал Ника, — так что тебе предоставляется полная возможность отдохнуть там, хотя ты и сержант.

Панов перестал есть, отставил стаканчик.

- Где... Андрюшка? — глухо спросил он, и светлые глаза забегали тревожно, оглядывая каждого.

- Кажется, погиб твой друг, — подчеркнув слово «твой», отчеканил Ника. — Впрочем, точно не известно.

И Ника рассказал все, что знал.

Панов, потемнев, угрюмо ковырял мозоль на ладони.

- Говоришь, немецкий офицер в лес повел и выстрел был слышен?

- Да. Но, может, он бежал.

- Он же раненый, — заметил Копалкин.

- Где ж ему убежать? — горестно произнес Панов и по-ник головой. — Он слабенький...

Добровольцы молчали. Копалкин всхлипнул и, застыдившись, усиленно засморкался. Валька Бобров сказал:

- На комсомольский учет у меня станешь... Как там наша Ильинка? Стой, впрочем, ты же... Ты как сюда... Ты же эвакуировался. Как нас разыскал?

- Как видишь, я не в Ташкенте, а здесь. Остальное неважно.

- Так как там, дома?

- Спать я хочу... Куда прилечь разрешите?

Вовка лег на нары, закрыл глаза. Перед ним встало минувшее.

Суматоха, толчея, неразбериха на Казанском вокзале: толпы эвакуированных, занимающих вагоны. Теснота, ругань, слезы. Поезд двигался медленно, подолгу простаивал на полустанках. Жара усиливалась с каждым часом, становилась пыткой. Даже ночь не приносила облегчения. Одежда прилипала к телу, становилась мокрой, скользкой. Ночами Панов выходил в тамбур, закуривал, подставляя голую грудь теплому ветру, вглядывался в темноту, рассматривал крупные звезды.

На восьмые сутки поезд прибыл на станцию Арысь. Панов вышел на станцию: два-три домика вплотную прижались к полотну, теснимые со всех сторон желто-бурым океаном песков. Ни деревца, ни листочка. Пассажиры угрюмо смотрели в бескрайнюю, выжженную степь, разглядывали худого голенастого верблюда с облезлой шеей и глянцевыми плешинами на вздувшихся боках. Верблюд жевал, презрительно кося на людей мутное яблоко глаза.

- Колючки жрет, — заметил пожилой бородач в суконном картузе. — Вот это скотина!

- Доехали до краю земли, жарынь, воды нет, мертвая пустыня.

- Зачем так говоришь! — вмешался бронзоволицый жидкоусый железнодорожник в промасленной спецовке. — Здесь знаешь, какие колхозы есть? Миллионеры. Фрукты, баранина, хлопок — якши. А хочешь купаться,

скидай шурум-бурум — и в арык. — Оскалив сахарные зубы, он указал на микроскопический ручеек.

Последняя ночь до Чимкента показалась Панову бесконечной. На третьей багажной полке в полночь раздался хрип. Панов приподнялся на локте. Прямо в лицо ему хлынул алый поток. Умер бородатый старик, тот самый, что с удивлением рассматривал верблюдов. Уже на перроне Панов видел, как снимали с поезда старушку, сердечницу, — она успела заоченеть, рука не держалась на носилках, чертила по песку ломаные линии.

Панов поступил на завод, сдал документы в вечернюю школу. В первые дни он успокоился, решив, что обрел то, что искал, но потом начались душевные муки. Парня точила тоска. Она подстерегала его повсюду — на заводе только и говорили о фронте, рабочие завидовали бойцам, и каждый день директор в обеденный перерыв убеждал молодежь не осаждать военкоматы, а работать на оборону в тылу,

- Эх, сейчас бы на фронт! — мечтательно говорил то один, то другой.

И Панову казалось, что рабочие как-то странно поглядывают на него.

Разнесся слух, что у Панова плохое зрение, и начальник цеха, седой, широкоскулый казах, заботливо сказал ему:

- Слушай, болят глаза, да? К врачу ступай, очки надо.

- Иди сейчас, я разрешаю.

Панов покраснел и пошел к врачу. Долго топтался у двери кабинета и сдавленным голосом жаловался на резь от пыли. Молоденькая женщина в халате попросила его:

- Вы подождите, товарищ, сейчас раненых из госпиталя

на консультацию привезли. Извините, пожалуйста.

Панов присел на табурет. В кабинет вошли раненые — забинтованные, заросшие, одного вели под руки, следом шел на костылях командир с изуродованным лицом и черной повязкой на глазу.

- Спичек нет, братишка? — обратился одноглазый. Панов торопливо протянул коробок, но врач предупредил его:

- Здесь курить не полагается.

- Виноват, товарищ доктор, это я от волнения. Только что сводку передавали: Киев сдали.

- Что вы говорите? — всплеснула руками женщина. — Боже мой! Папу, наверно, расстреляют и Женечку тоже!

- Откуда родом-то?

- Киевлянка.

Женщина заплакала, раненые завздохали, одноглазый осторожно обнял ее:

- Ничего. Мы еще вернемся.

Врач платочком вытерла слезы и неожиданно попросила:

- Дайте папироску — все равно нехорошо.

Панов ушел, оглушенный увиденным. Он долго ходил по тенистому парку. Жить любой ценой, во что бы то ни стало!

Жить — вот к чему он стремился до сих пор. Страх за жизнь, за самое дорогое, что есть у человека, заставил его не идти с одноклассниками, толкнул на эвакуацию. «Отсижусь, поработаю, а там и разобьют наши врага. Кончится война», — так думал он раньше, в Ильинском.

Но здесь оставаться дольше было мукой...

Дома ждало новое испытание. Хозяйка — Панов снимал крохотную комнатку у вокзала — отворила дверь заплаканная. На немой вопрос жильца бросила на стол белый бумажный квадратик. Замирая от жалости, Панов схватил листок:

«В боях за Советскую родину ваш муж... погиб смертью храбрых...»

Он уронил уведомление, опустил гудящую голову на сильные, мускулистые руки.

Дни текли в томительном ожидании. Панов перешел жить в общежитие и сразу после работы валился на жесткий, набитый отходами хлопчатника матрац. Сна не было, снова и снова вспоминалось прошедшее. Даже предложение самой красивой девушки цеха Гали провести вечер вдвоем не улучшило его настроения.

В субботу утром он спешил на работу и по дороге на улице случайно толкнул незнакомого командира.

- Простите, пожалуйста!

- Ничего, — поморщился тот, потирая висевшую на перевязи руку, — бывает!

Лейтенант, молоденький, чистенький, перекрещенный коричневыми ремнями снаряжения, обнажил великолепные зубы:

- На завод, приятель?

Панов кивнул и неожиданно для себя спросил:

- Скажите, вы кончали военную школу?

- Училище кончил. Точно. А вам зачем?

- А где это училище находится?

Лейтенант лукаво подмигнул:

- На территории Советского Союза. Поступить хочешь? Советую в артиллерийское. Будешь «богом войны»!

- Да где ж оно есть?

Узнаешь в военкомате. Ну, бывай здоров,- не кашляй!

Лейтенант, откозыряв, четко повернулся, зашагал по тротуару, цокая подковками сапог. Панов проводил его взглядом, ощущая острейшую зависть к этому юноше. Встреча оказалась решающей. Панов уволился с завода. Возвратился в Москву и, не заезжая домой — ему не хотелось попадаться на глаза землякам, — проехал в военкомат. Там с большим трудом ему удалось навести справки об одноклассниках, узнать номер дивизии. В тот же день он записался добровольцем. Месяц его продержали в запасном полку, затем, присвоив звание сержанта — расторопный, смысленый, прекрасный спортсмен, Панов обратил на себя внимание командира полка, — направили в маршевую роту для пополнения.

Панов очень обрадовался, когда ему удалось разыскать одноклассников. Но прошло несколько дней, рота втянулась в бои, и Панов жестоко раскаялся в содеянном: страх, липкий, животный страх, терзал его, сковывал движения, леденил кровь, задерживая дыхание. Но он умел владеть собой и внешне оставался спокойным.

Глава шестнадцатая

ОХОТА

Наступила зима. Суровая зима сорок первого года. Земля промерзла больше чем на метр. Отрывать окопы,

траншеи, котлованы для землянок и блиндажей было очень трудно.

Маленькие саперные лопатки, пружиня, отскакивали от земли, вырывались из рук, но дело свое делали. Тяжелые ломы, с силой ударяясь о поверхность, дробили ледяную корку, выворачивали смерзшиеся комья.

Стрелковая ополченская дивизия, отдохнувшая во втором эшелоне, была выдвинута на позиции и спешно занимала оборону.

Рота Быкова окапывалась на высоком берегу реки. В эти дни грязно-серые облака затянули небо хмурой пеленой, и авиация противника, так надоевшая уже за время войны, не появлялась.

Быков, широкий и длиннорукий, шел по участку обороны и неторопливо давал указания командирам взводов и отделений. На участке Бельского он остановился.

Красноармейцы поговаривали, что командир роты неравнодушен к первому взводу и под всякими предлогами задерживается у «бельчат», как называли в шутку бойцов первого взвода. Если бы Быкова кто-либо открыто упрекнул в этом, он возмутился бы, хотя в душе и понимал, что упрек имеет под собой почву. Быкова тянуло к бойцам первого взвода, но именно к бойцам, — самого Бельского командир роты недолюбливал.

«Фасон давит, — думал Быков, — парень с гонором. Одно слово — «поручик». Но в бою этот «поручик» зарекомендовал себя совсем неплохо: хладнокровно ходил в атаку, не терял управления, не боялся вражеской артиллерии и во время артналета никогда не бросался на

землю.

- Ты что, заговоренный? — удивился Быков. — Почему не укрываешься?

Бельский смущался.

- Я командир, мне не положено!

- Ах ты, герой! А я разве не командир?

- А вы тоже, товарищ старший лейтенант, снарядам не кланяетесь!

- Ну, мне можно!

- Конечно, — соглашался Бельский и, обращая все в шутку, добавлял: — что положено орлу, то не положено ослу.

Оба смеялись, и Быков видел своими острыми крестьянскими глазами, что в командире взвода сидит такой же упрямый чертенок, как и в нем самом.

«Пожалуй, это роднит нас», — подумал как-то Быков, но отношения к лейтенанту не изменил.

На участке Бельского работа шла полным ходом. Отделения поспешно окапывались, стремясь поглубже уйти в землю. Бойцы, поругивая звеневшую от мороза землю, размеренно наклонялись, вонзая лопаты в мерзлый грунт. Жилистый, сухощавый Каневский в расстегнутом ватнике, не замечая Быкова, отрывисто говорил, показывая на сломанные лопаты:

- Производство! Я бы им за такое производство прописал лекарство. Не лопаты, а недоразумение!

- А что, гнутся? — спросил Быков.

- Смирно! — крикнул издали Иванов.

- Вольно! Гнутся, говорю, лопаты?

- Гнутся, спасу нет! Производство хреновое!

А если чуть поднажать — ломаются начисто, — вмешался в разговор Тютин. Сжимая тяжеленный лом, голый до пояса, он блестел от пота, словно намазанный жиром.

- Ты нажмешь! — поддел Кузя. — Береги косточки!

- Замерзнешь, зачем разделся? Простудишься!

- Ничего, товарищ старший лейтенант! Ко мне ни одна хворь не пристанет.

Тютин взмахнул ломом и, «хакнув», как дровосек, вонзил его в землю, отколов порядочный кусок замерзшего грунта.

Быков пошел дальше и наткнулся на Бельского. Командир взвода отчитывал Андрея Курганова и Захарова за то, что они отрыли окоп неполного профиля. Быков удержал лейтенанта от обычного рапорта и махнул рукой — продолжай, мол, свое дело.

- Вы, товарищи, знаете, что такое окоп полного профиля?

- Вам это известно?

- Известно, — сдерживая раздражение, отвечал Захаров.

- Прекрасно. А если известно, то почему вы делаете то, что не положено? Погибнуть захотели? А вам, Курганов, и вовсе стыдно! Помните, как летом вас танк утюжил? Помните, что вас спасло? Окоп полного профиля. Помнить надо! Нашли своих, пример показывать надо, как положено. Короче говоря, отрывайте новый окоп, этот слишком широк, осколков нахватаете.

- Новый? — Ленька посмотрел на Вельского с ненавистью.

- Новый, новый, полного профиля, такой, как положено.

Через час приехала кухня. Ее появление встретили восторженно. Чуриков, любивший армейский приварок, стал помогать повару разливать суп по котелкам и угостил его трофейной сигареткой.

Благодарствую! — Толстый повар Федотыч затянулся дымом и сплюнул: — Трофейное не уважаю, трава травой!

- Вы правы, Федот Федотыч! — угодливо согласился Чуриков.— Одно слово — эрзац. — И, хотя ему самому сигареты нравились и он не любил крепкого, забористого самосада и вышибающей слезы махры, он тотчас выкинул пачку в ельник.

- На что ж так-то? — покачал головой повар. — Дал бы кому-нибудь...

- Барахло! А ваше мнение для меня все.

Федотыч покачал головой и сунул в котелок Чурикову разваренный кус мяса.

Боец пробормотал благодарность, а когда Федотыч кончил раздачу, сказал, желая польстить повару:

- Да, работенка у вас! Сложна! Прямо сказать — ответственное дело целую роту накормить, шутка ли!

- Эх, парень! — сокрушенно проговорил Федотыч. — Это разве работа? Что я варю? Щи да каша — пища наша, да пшенный концентрат, что бы им на том свете фрицев кормили! Тоже ассортимент! Тьфу! Ты бы взглянул, как я в мирное время кулинарил. Скажем, принял заказ котлету

«де-воляй» приготовить...

- Как, как? — вытаращил глаза Чуриков.

- Наваляй! — невозмутимо откликнулся Кузя.

- Да, берешь, значит, куриную ножку, жарить в масле и сухарях, косточка, как пистолет, торчит, гарнирчик из свежинки— огурчик, молодая картошечка — объедение! Или свиную отбивную, или мозги «фри».

Кузя, не удержавшись, громко срифмовал последнее блюдо. Все покатались со смеху, Федотыч обиделся, а подошедший Каневский сказал:

- А не мешало бы теперь в «Метрополе» посидеть! Заказал бы сейчас сборную солянку, шашлык, пивца пару бутылочек!

- А для аппетита?

- Особую московскую, сто пятьдесят с прицепом.

- А я бы картошечки с салом поел! — сказал Иванов.— Молока бы выпил.

- Это можно! — оживился Чуриков. — Разрешите в деревню сбегать?

- Я тебе сбегаяю!

- Да вы не думайте, я за деньги куплю, вот они! — Чуриков достал две красные тридцатки.

Иванов не успел ответить. Раздался чудовищной силы взрыв. Все потонуло в облаке инея, слетевшего с деревьев.

- Вот это ахнуло!

- Недалеко где-то фриц бросил!

Взрыв повторился. Высоко в небе слышался свист,

словно там метался, вспарывая воздух, осколок. Красноармейцы оглядывали небо в поисках невидимого врага.

- Не туда смотрите! — проговорил Быков. — Дальнобойная артиллерия крупного калибра.

- Дожили... — помрачнел Каневский, — по Москве из орудий бьют...

- Ну, не по Москве, — возразил Бобров.

Новый снаряд со свистом пролетел над головой и разорвался далеко позади, в маленьком селе.

- Вроде чемоданов, какие летали в ту войну, только, пожалуй, покрепче.

- Ничего себе, батя, утешил! — рассмеялся Каневский. — Такая штучка сильно зашибить может.

- Товарищ старший лейтенант, — подскочил к Быкову Кузя, — разрешите пойти в разведку, я эту чертову пушку взорву.

- Не разрешаю, — сдержал улыбку Быков, — нельзя! Впереди нас пехота — первая линия. Нельзя у них хлеб отбивать.

К вечеру, когда обстрел прекратился, Андрей пошел в наряд. Ему выпало охранять левый фланг роты, упиравшийся в густой лес. Андрей ходил взад-вперед, чтобы не замерзнуть, и постукивал ногой об ногу. Вдруг кусты зашевелились, Андрей мгновенно вспотел, перехватил винтовку.

- Стой! Кто идет?

- Я, — сдавленно слышалось в кустах.

Андрей щелкнул затвором:

- Стреляю!

- Стреляй! Черт с тобой... — Из кустов, широко улыбаясь, вылез Ника Черных.

- Ника! Да я в тебя чуть-чуть не выстрелил!

- Ничего! Чуть-чуть не считается. Кроме того, ты бы со страху не попал. Подумаешь, снайпер!

- Но-но-но! На кого хвост поднимаешь?

- А ты кто такой?

- Я часовой, лицо, облеченное доверием. Пшел!

- Ладно, ладно, «лицо»! Я пришел скрасить тебе скучную армейскую обязанность. Развлечь тебя пришел. Если ты против, уйду!

- Я пошутил! — ухватил друга за рукав Андрей. — Оставайся!

- То-то. Если бы ты знал, Андрей, как хочется тебя головой в сугроб окунуть! Я сейчас попробую.

- Часовой — лицо неприкосновенное.

Черных походил по леску, сломал коленом обледенелую суковатую палку и вдруг крикнул:

- Андрюша! Смотри, нора!

- Врешь?

- Ей-ей! Иди сюда.

У корневища рябины в снегу чернело отверстие.

- Лиса, не иначе как лиса! — радостно бормотал Ника. — Сейчас мы ее добудем! — Он сунул палку в нору. — Если выскочит, стреляй!

- Ты с ума сошел?

- Ах, черт, забыл! Тогда клади винтовку, будем ловить руками.

Андрей повесил винтовку на сучок и присел у норы. Ника попытался разгрести землю. Палка глубоко уходила в отверстие и натыкалась на что-то мягкое.

- В норе, ей-ей, в норе сидит!

Андрей поднялся:

- Слушай, ведь я часовой, винтовку оставлять нельзя!

- Конечно, нельзя, а должен! Эх, кто эту войну выдумал? Поохотиться на зверя не дадут! Вот что, я сейчас за ребятами сбегаю. Лопатки возьмем. Мы эту рыжую мигом вытряхнем.

- А что мы с ней делать будем?

- Приручим, будет с Федотычем на кухне ездить.

- Сказал тоже!

- А что особенного? Я у Киплинга читал: английские офицеры в Индии мангустов держали и еще каких-то зверей.

- Не спорю. А вот ты попробовал бы от Смоленска до Можайска пройти с лисой на цепочке.

Ника весело рассмеялся, вспомнив летнее отступление.

- А я за ребятами все же сбегаю.

Ребята не заставили себя ждать. Пришли Захаров, Родин, Кузя, Игорь Копалкин. Шествие замыкал Бобров, тащивший две лопатки.

- Родин и Захаров будут копать, остальные стойте. Как только появится, накрывайте этим, — Бобров протянул Кузе плащ-палатку.

- Ребята! — крикнул сгоравший от любопытства Андрей. — Мне крикните, когда поймаете!

- Проинформируем, будь спокоен! А сейчас — марш на место! — распорядился Бобров. — Пошли, ребята!

Андрей издали наблюдал, как все склонились над норой, а Захаров и Родин заработали лопатами.

«Совсем как у нас в Ильинке», — подумал Андрей, вспомнив, как ребята ловили весной бурую водяную крысу. Тогда распорядился тоже Бобров. Крысу посадили в новую рубашку Андрея, завязали ворот, рукава, шнурком стянули пояс. Андрей нес крысу на шесте по всему поселку, но зверек перехитрил мальчишку, оставив о себе на память треугольную дыру в рубашке.

«Совсем как тогда! — думал Андрей. — Только мы теперь в военной форме, вот и вся разница!»

Командир ополченской дивизии, седой как лунь генерал-майор, обходил оборону в сопровождении группы командиров. Быков спокойно, не торопясь, по-крестьянски обстоятельно показывал свой участок. На левом фланге у опушки генерал спросил, указывая сухим пальцем в глубь леса:

- Кто это там?

Быков внутренне затрепетал.

- Ваши орлы? — строго свел брови генерал и, не дожидаясь ответа, зашагал к лесу.

Командиры и побелевший всеми оспинами лица Быков поспешили за ним.

- Смирно! — оглушительно крикнул Андрей, пытаясь

предупредить ребят.

- Что случилось! — насторожился Копалкин.

- Андрей вопит! Дурачится... Стоять надоело.

- Давай, давай, ребята! — подгонял Бобров. — Кузя! Не зевай!

Андрей вытянулся, завидев подходившее начальство.

- Кому вы подали команду, товарищ боец? — строго спросил генерал.

- Нам, очевидно, — сказал командир полка.

Среди командиров прокатился смешок.

- Вы что, онемели? Отвечайте!

- Своим друзьям, товарищ генерал!

- Ах, тем? А что они там делают? Кашу варят?

- Не-ет... — Андрей замялся.

Быков ласково посмотрел на него и чуть заметно качнул головой.

- Лису ловят, товарищ генерал. Нору откапывают.

Генерал отступил на шаг, развел руками.

- Вот это да! Вот это война! А ну, лейтенант, позовите мне этих лисоловов.

Молоденький адъютант, давась от смеха, побежал исполнять приказание.

- Я думал, ваши бойцы оборону строят, фашиста ждут, а они лис выкапывают! Хороши!

Все смеялись, только Быков оставался серьезным.

- Оборона у нас готова, — совершенно неожиданно вырвалось у Андрея.

- Да он, оказывается, и разговаривает на посту? — Генерал подошел к Андрею. — Тебе сколько ж лет, солдат?

- Почти восемнадцать, товарищ генерал!

- А точнее?

- Семнадцать лет и пять месяцев.

- Н-да-а... Возраст... В боях был? Немца живого видел?

Он с нами с самого начала, товарищ генерал, во всех боях участвовал, имеет ранение, стреляет хорошо, — обстоятельно докладывал Быков.

Усы генерала дрогнули. Его сын, такой же юнец, дрался под Севастополем.

- Товарищ генерал! — доложил адъютант. — Охотники прибыли.

Генерал подошел к замершим добровольцам.

- С добычей?

- Так точно, товарищ генерал! — щелкнул каблуками Бобров. — Вот.

Бобров протянул генералу шапку. В ней, свернувшись клубком, лежал маленький еж. Сухие листья, наколовшиеся на острые черно-белые иглы, шуршали от ветра.

Молча посмотрел генерал на разгоряченные лица красноармейцев, на блестящие любопытством глаза...

«Дети... — подумал генерал. — Дети в шинелях...»

Он отвернулся, откинул полу полушубка, полез за платком и папиросами.

- Ежик! — удивленным, тонким голоском сказал командир полка. — Обыкновенный подмосковный ежик.

Такой у нас на даче жил, всех гостей, кошкин сын, за ноги кусал.

Командиры рассмеялись.

А однажды к жене пришла одна дама, а мой Сашка ежа на диван затащил, ну, та и села...

«Чего они ржут?» — подумал подбежавший к генералу офицер связи и, переведя дух, доложил:

- Товарищ комдив! Танки противника в большом количестве прорвались у Додоновки. В прорыв входит мотопехота.

И разом мир поблек, слиняли краски.

- Пошли! — резко приказал генерал. — Машину! — и тем же голосом продолжил: — А ежа — в нору!

- Есть! — вытянулся Бобров.

Генерал торопливо пошел к машине, а Быков сказал:

- По местам, товарищи! Кончай ежев ловить. Война началась!

Глава семнадцатая **ПРЕДАТЕЛЬ**

Андрей не спал всю ночь, а утром узнал о новом несчастье: пропал без вести командир роты Быков. Едва рассвело, он отправился вместе с полковыми разведчиками «нащупать» противника. Поднялась метель, разведчики вернулись смертельно усталые. Противника они обнаружили в трех километрах от линии нашей обороны и даже пригнали пленного — синего от холода гитлеровца в летней пилотке, — но Быкова с ними

не было. Он исчез вместе с сержантом Лаптевым.

Красноармейцы любили старшего лейтенанта, и на следующий день вся рота вызвалась идти в разведку на розыски пропавшего командира. Две ночи подряд продолжались поиски. Андрей, Кузя и цыгановатый Чуриков просили Бельского отпустить их с полковыми разведчиками поискать командира: может, он ранен, где-нибудь в поле лежит...

Командир взвода долго смотрел на стоявших перед ним бойцов.

«Сейчас заведет свое «не положено!» — с тоской думал Андрей.

Но Бельский не стал возражать.

- Ступайте! Сам бы с вами пошел, да роту нельзя оставить, капитан приказал временно принять командование. Халаты наденьте и гранат возьмите по паре. Смотрите осторожнее!

Ночью все трое вместе с полковыми разведчиками поползли к линии вражеской обороны. Ветер гнал по полю тучи снежной пыли. Крепчал мороз. Холодным огнем мерцали зеленоватые звезды, лицо горело от ледяного обжигающего воздуха.

Миновав передовую, разделились. Полковые разведчики ушли правее, к лесному хутору, а добровольцы осторожно пробрались в село, куда, по данным разведки, направился Быков.

Оставив Чурикова и Курганова на окраине села, Кузя скрылся в темноте и долго не появлялся. Наконец он вынырнул из сугроба рядом с заочневшими бойцами.

- Ну что?

- Фрицев не очень много... У церкви штаб находится...
Ф-фу, жарница! — Кузя был мокрый от пота. — На животе полз...

- Ничего не узнал? — спросил Андрей.

- Нет. Спросить не у кого. Разве у немецкого часового?

- Эх, ты! У колхозника какого-нибудь узнал бы.

- Это не трудно, сейчас...

- Нет уж, ты сиди здесь, наблюдай. А мы в крайний домик сходим, порасспросим хозяев.

- А вдруг там фашисты?

- Проверим. В случае чего прикроешь нас огнем.

Курганов и Чуриков, держа наготове автоматы, осторожно постучали в дверь. Им открыла худенькая, согнутая годами старушка.

- Тихо, бабуся! Мы русские.

Старушка едва удержалась от крика.

- Свои! Господи! Пришли наконец!

- Тише, бабуся, — вразумительно сказал Чуриков.—
Пришли, но только пока в гости. Немцы в доме есть?

- Нету, нету. Проходите.

О Быкове старушка не слыхала ничего. Она угощала бойцов молоком, вытирала радостные слезы. С печи на прищельцев во все глаза глядели белоголовые детишки.

- Что ж!—тяжело вздохнул Курганов. — Прихватим какого-нибудь фрица, и айда!

- Верно! — загорелся от возбуждения Чуриков. — Возьмем пленного. Вот здорово!

- Нет! В нашу задачу это не входит. — Андрей

чувствовал на себе ответственность, лейтенант назначил его старшим группы.

- Милые сынки! А вы сходите к нашему старосте. Он, проклятуций сын, с немцами заодно, им прислуживает, корову у меня отобрал...

- Верно! Он может знать что-нибудь о старшем лейтенанте.

- А живет он туточки, рядом, и немцев на этом краю нету, они все около церкви.

- Пойдем, бабушка, покажешь дом.

- Пойдемте, сынки!

Старушка провела разведчиков через улицу и издали указала на одноэтажный дом.

- Здесь и сидит, проклятуций! Вы уж накажите его, сынки, а я дальше не пойду: приметит меня — со свету сживет.

Господин Кучеров пребывал в благодушном настроении. Германское командование было довольно его деятельностью. Кучеров выдал фашистам двух комсомолок, старого коммуниста Болдырева, рабочего-двадцатипяти тысячника, который прибыл из Москвы организовать колхоз. Девушек фашисты расстреляли, а Болдырева, совершенно голого, целый день водили по селу, избивали окованными металлом прикладами, после чего облили ледяной водой и превратили старика в ледяную статую. Болдырев стоял у церкви на ледяном пьедестале, седую бороду трепал порывистый ветер, а пьяные гитлеровские солдаты, проходя мимо строевым шагом, брали под козырек и

хохотали. Ординарец командира роты Гинце повесил старику на грудь доску с надписью: «Карл Маркс», и этим чрезвычайно насмешил офицеров, которые запечатлели статую на пленке.

Сегодня господин Кучеров присутствовал при допросе двух пленных: старшего лейтенанта и сержанта, их захватили ночью во время разведки. В стычке с немцами оба русских были тяжело ранены.

Большерукогого, широкоскулого советского командира допрашивали эсэсовцы. Он молчал, терпеливо выносил побои, мерцая своими зелеными хитрыми глазами. Трещали окровавленные приклады винтовок, специальные резиновые бичи становились скользкими от крови, но русский командир молчал. Второй пленный, коренастый сержант, ругал гитлеровцев последними словами, ударил ногой конвоира. Избитого до полусмерти сержанта бросили в холодный погреб.

- Заговорит! — успокоил немцев Кучеров. — Полежит на снежку, остынет буйная головушка.

Толстый эсэсовский офицер грубо взял Кучерова за плечо:

- Господин Кучер, спросите эту собачью свинью, будет она говорить или нет?

Кучеров перевел, опустив ругательство и пытаясь ласковой речью расположить к себе пленного. Русский командир покачал окровавленной головой.

- Ах ты, рябая морда! — вскипел Кучеров, забывая о вежливом подходе. — Ну, мы из тебя жилки повытягиваем!

Брат господина Кучерова в свое время служил в контр-

разведке у белогвардейского генерала Пепеляева, прославившегося изощренной жестокостью по отношению к большевикам. После разгрома Пепеляева он ловко перекрасился в советского работника и долгими зимними вечерами рассказывал брату о пытках и истязаниях. Господин Кучеров помнил ужасные повествования брата. Вечера воспоминаний прекратила ЧК, которая разыскала штабс-капитана Кучерова, и матерый палач получил по заслугам.

Господин Кучеров порекомендовал эсэсовцам использовать целый ряд «способов» из арсенала своего покойного братца. Старшего лейтенанта Быкова кололи раскаленными лезвиями кинжалов, тушили о его грудь и спину зажженные сигареты, густо посыпали раны солью; крупные белые кристаллики соли становились рубиновыми. Быков молчал. Его поливали серной кислотой, — старший лейтенант сжимал челюсти так, что хрустели и крошились зубы. Когда эсэсовцы, устав, садились отдохнуть, Быков сплевывал вместе с кровавой слюной осколки зубов и, прикрыв светлыми ресницами потемневшие от боли глаза, тихонько постанывал.

- Поднять его! — скомандовал один из эсэсовцев, по имени Вилли.

Старший лейтенант, синий от потери крови, молча смотрел на фашистов.

- Будешь говорить? — злобно спросил толстый эсэсовец. — Дикий фанатик, большевик, дерьмо!

Внезапно Быков разлепил спекшиеся губы.

- Буду... Скажу...

Это было так неожиданно, что обер-лейтенант, уже

уверенный, что с русским нечего возиться, приоткрыл от удивления рот.

Кучеров улыбнулся, приблизив рысье лицо к едва стоявшему на ногах пленному, прошипел:

- Говори. Все говори! А потом господа в госпиталь направят, все вылечат.

- Пусть... подойдет... поближе...

Эсэсовцы гурьбой подошли к стоявшему у потемневшей стены пленному, а он, изловчившись, что есть силы пнул офицера ногой в живот.

Быкова сбили с ног, топтали, били прикладами, сапогами, плевали в лицо.

Разъяренный гитлеровец выхватил парабеллум и щелкнул предохранителем.

Господин Кучеров пил кофе. Горячую жидкость он заедал мягкими булочками. Дом его ломился от добра. Жена, полная, дебелая женщина, и сын, шестнадцатилетний мальчик, были довольны. Они не задумывались, каким путем достаются мука, масло, мясо, а Кучеров об этом предпочитал молчать.

Настежь распахнулась дверь, и в полумраке заколыхались две фигуры в белом.

- Ни с места! Руки вверх!

Тонкая фарфоровая чашечка с хрустом упала на пол. По крашеным половицам пополз коричневый ручеек. Кучеров шарил по столу дрожащими руками. Прокопченное дуло автомата уперлось ему в живот.

- Руки...

- Боже мой! Боже мой! — заголосила полная женщина.

- Цыть! — негромко приказал Чуриков. — Без скандалу!

- Вы кто же будете, господа? — обалдело бормотал Кучеров.

- Да ты что, не видишь, что ли? Красные пришли! — негромко причитала женщина.

Кучеров позеленел.

- Правда?

- Правда, правда, красные! — Андрей с наслаждением повторил это слово. — Собирайтесь!

Курганов отобрал у предателя пистолет, вынул из кармана документы.

- Одевайтесь!

- Стало быть, казнить будете?

Кучерову подали полушубок, нахлобучили шапку. Обведя свое логово тоскливым злобным взглядом, он деланно-смирненно сказал:

- Учиняйте, только не я виновен. Ничего такого не позволил, а если скот реквизирует, то по приказу властей... Не выполнишь — повесят!

- Ладно рассусоливать! — буркнул Чуриков. — Топай, дядя!

- Миленький! Начальник! Пожалей! — Женщина хлопнулась в ноги бойцам, слезы бороздили ее испуганное лицо. Поймав сапог Андрея, она несколько раз поцеловала холодную кожу.

- Встань, тетка, нехорошо! — укорял Чуриков.

Но женщина, не поднимаясь с колен, подползла и к нему - Андрей встретился взглядом с мальчиком. Красивый, голубоглазый, с темным пушком над сочным бутонем губ, он умоляюще смотрел на Андрея.

Чурикову тоже было неловко. Он не знал, как себя вести.

- Не трогайте меня, ребятки! — прочувствованно сказал Кучеров. — Придет Красная Армия, я сам отдамся в руки правосудия. Будь что будет!

Он заплакал навзрыд, не вытирая слез.

Андрей беспомощно посмотрел на Чурикова. Тот отвел глаза. Почувствовав колебание, женщина усилила натиск.

- Родимые, а я уж вас отблагодарю, я вам деньжат... сальца... яичек...

Андрей взмок от стыда.

- Цыть! — яростно зашептал Чуриков. — Оставайся, живи пока. Потом разберут твои дела. А ты, тетка, заткнись, и никаких яичек...

В синих глазах паренька сверкнули благодарные слезы и вспыхнул такой свет, что Андрей и Чуриков поспешили к выходу. На прощание Андрей крепко пожал пареньку руку и, не слушая радостного бормотания, выскочил из хаты.

В рысьих глазках Кучерова тоже вспыхнул огонь, но это был недобрый, холодный, злобный огонь затаенной мести.

- Не поймали? — тихонько окликнул бойцов замерзший Кузя и, не дожидаясь ответа, заторопился: — Пошли быстрее, светает!

Не успели разведчики отойти сотню шагов — в селе поднялась тревога. На холме у церкви взлетела зеленая ракета, и село огласилось криками и частой стрельбой. Над приникшими к земле разведчиками рассыпался разноцветный веер трассирующих пуль, с окраины донесло обрывки немецкой речи.

Эрсте труппе форвертс марш... шнеллер, доннерветтер, шнеллер!.. (Первая рота, вперед... быстрее, черт возьми, быстрее!..)

Разведчики, низко пригибаясь к земле, бросились через поле к лесу. Их спасали белые халаты, гитлеровцы били наугад.

- Продал, гад! — прохрипел Чуриков. — Фашистов вызвал!

Андрей от злости только скрипел зубами. Выручили их полковые разведчики. Они возвращались с задания и ожидали их в условном месте, на опушке. Разведчики открыли такой огонь, что гитлеровцы в темноте побоялись сунуться в лес.

Волнуясь, Андрей доложил Бельскому о результатах разведки. Тот, не дослушав и половины, приказал:

- Курганов, в землянку командира роты немедленно!

- Есть!

- Сейчас нам новый командир даст дрозда, — задыхаясь от быстрой ходьбы, бормотал Кузя.

А Чуриков щурил в усмешке цыганские глаза:

- Не трусь! Дальше фронта не угонит...

У самой землянки им повстречались Черных и Иванов.

- Андрюшка! Ты себе представить не можешь, кто к нам

приехал! Танцуй, чертушка!

- Ладно! — оборвал Чуриков. — Пошли, там узнаем.

Красноармейцы вошли в землянку, и Андрей попятился от изумления: на табуретке сидел Борис Курганов.

Братья обнялись. Борис слегка смутился, встреча произошла на глазах у подчиненных.

- П-подожди, п-потом поговорим. Т-ты из разведки?

- Да. К сожалению, вышло неудачно... Старосту хотели взять с собой, да пожалели, семья у него... Наши придут, народ сам рассудит, как с ним поступить.

- Прижалели, значит? — страшным голосом спросил кто-то в углу. — Прижалели этого гада?

Андрей оглянулся. В углу стоял человек в черной гимнастерке без пояса, в брюках, перемазанных дегтем.

- Да это командир отделения Лаптев! — ахнул Кузя.

- Я и есть. Да знаешь ли ты, парень, что староста самый что ни на есть катюга, что он нашего старшего лейтенанта смерти предавал...

- Не может быть!..

- Не может быть? А ты на меня посмотри!

Лаптев, прихрамывая, подошел к свету, рванул ворот рубахи:

- Смотри!

Вся грудь сержанта чернела запекшимися комками крови, гимнастерка и брюки, вымокшие в крови, хрустели и потрескивали.

Андрей перевел умоляющий взгляд на Бориса и едва не вскрикнул: через все лицо брата тянулся широкий шрам,

он вспухал, наливаясь горячей кровью.

- И т-ты... отп-пустил? ..

- Да, но я же не знал... Он казался таким безобидным.

- Ууу... не-негодяй! — зарычал Борис. — Т-тряпка!

Гнев душил его.

Глава восемнадцатая

МАРФИНО

*Мы не дрогнем в бою
За столицу свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага!*

Ноябрь не принес гитлеровскому командованию ожидаемого. Советская Армия мощной стеной встала у Москвы. На эту стену обрушился огневой вал фашистской артиллерии. Ныл воздух, изодранный миллионами зазубренных осколков. По приказу Гитлера на подступах к Москве были размещены колоссальные самоходные артиллерийские установки. Из двух гигантских стволов такого орудия вылетали полутонные бронебойные и бетонобойные снаряды. Немецкая авиация висела над дорогами, затрудняла подвоз боеприпасов, методически обрабатывала передний край. Советские части несли большие потери, но они самоотверженно защищали каждый дом, каждую траншею. Дорого платили гитлеровцы за любой метр советской земли. Советская Армия перемалывала

немецко-фашистские войска.

... Наступление было назначено в ночь на 1 декабря сорок первого года. Отдельная разведрота, которой теперь командовал Борис Курганов, провела в последней декаде ноября несколько разведывательных операций. В них не последнюю роль сыграл Кузя. Разведчиком он стал не сразу. Командир взвода долго не верил, что Кузя хорошо стреляет, но, убедившись в этом, даже выхлопотал Кузе винтовку с оптическим прицелом. В напарники ему дали опытного снайпера Захарчука.

- Ты приглядывай за мальцом, — наставительно говорил Бельский, — обучай его своей профессии.

Захарчук с Кузей ушли на позицию, и в первый же день маленький боец уложил троих гитлеровцев. Кузя сиял, зато Захарчук был сумрачен и неразговорчив. На следующий день Кузя опять отличился: угробил двух фашистов, а назавтра, едва наступила ночь, Захарчук приволок Кузю за шиворот к землянке командира роты и впервые за многолетнюю службу в армии разразился криком:

- Вот он, ваш снайпер! Заберите его, ради бога! Он мне все нервы вымотал, будь он трижды, анархист, проклят!

Облегчив свою взволнованную душу, Захарчук сказал, что его напарник шальной.

Не хочет он, видите ли, непуганого фрица стрелять, неинтересно ему. И что делает! Шел солдат с котелком. Кузя — раз! — и выбил у него котелок. Немец оторопел, а Кузя ему каблук срезал. Тот бежать, ну, третьим выстрелом он фашиста и доконал. И так все время. А вчера одного гонял по всей траншее. Видно, связной

фриц-то был. Кузя над ним издевался, издевался целый час. А потом толстый такой офицер появился, уже темнело, шел в открытую, не маскируясь. Так что удумал этот друг? Послал пулю мимо офицерского носа, прямо впритирку, мне в прицел было видно, как фриц от страха присел даже. А Кузя ему в мягкое место свистнул. Тот и прыгал и орал на всю передовую. И только с третьей пули успокоился. Кузнецов и патроны переводит и себя демаскирует... Сегодня гитлеровцы на нас так навалились. Я уж с жизнью прощался. Озверели совсем. Сначала ихние снайперы постреливали и так ловко маскировались, черти, что никак не разгадать, где они. Так Кузя по окопчику пополз и говорит: «Я сейчас вроде приманки буду, а ты смотри, откуда они стреляют, и лупи их в хвост и в гриву».

- Ну, и что дальше? — спросил командир роты.

- А что дальше? — Захарчук ткнул пальцем в стоявшего навтыжку напарника. — Демаскировался он, нарочно задвигался, каской застучал, выставил ее из окопчика, зашумел. Снайперы и давай по нему крыть. Как он жив остался, не знаю. Всю каску исщелкали. Ну, пока они упражнялись, я троих, конечно, по вспышкам засек и приземлил. Жаркий был день! Верите ли, нет ли — страшно мне, когда я с этим другом на задание иду. Не могу! Недисциплинированный. Анархия!

- Н-да-а! — протянул командир роты и заметил: — По поведению тебе, брат, двойка.

- А по стрелковому делу? — чуть лукаво спросил Кузя.

- Пятерка. Урок знаешь...

Оба посмотрели друг на друга и засмеялись.

Когда гитлеровцы бежали из села Марфино, командиру фашистской дивизии доставили новый приказ Гитлера. Фюрер, раздраженный топтанием под Москвой, приказал немедленно перейти в наступление и взять большевистскую столицу штурмом. Командира дивизии, сухощавого генерала с моноклем, особенно испугало то, что этим приказом был смещен фельдмаршал Браухич, опытный полководец, которого в военных кругах называли вторым Бисмарком.

Фюрер требовал начать наступление 2 декабря ровно в 14.00. До начала оставалось два с половиной часа.

... Одна из синих стрел, нанесенных на карту гитлеровскими военачальниками, упиралась острием прямо в небольшое подмосковное село Марфино. На карте неподалеку от села тянулась извилистая лента грейдерной дороги — немецкие танки и бронетранспортеры с пехотой предполагали беспрепятственно следовать по ней до самой Москвы.

Фашисты сосредоточили на этом участке две моторизованные дивизии, два танковых полка, много артиллерии и тяжелых минометов.

Узнав о захвате села русскими, фашисты решили, что противник попытается развить успех, и срочно перебросили сюда отдельный полк СС и парашютно-десантное подразделение. Авиации было приказано поддержать наземные войска.

Залпы орудий и тяжелых минометов, снаряды и мины, полутонные бомбы обрушились на позиции советских войск.

Борис Курганов сразу же оценил обстановку. Фашисты зажали отбитый русскими плацдарм в Марфино в огненное кольцо, а внутрь его обрушили лавину смертоносного металла.

«Вот и всё! — подумал Борис. — Началось!»

Артналет и бомбежка застали старшего лейтенанта в блиндаже первого взвода.

- Вы, Черных, оружия не бережете, — наставительно говорил Бельский, совершенно не обращая внимания на вой бомб. — Почему затвор открыт? Пыль набьется...

Сильный удар встряхнул блиндаж. Бельский недовольно пожевал губами и закончил разговор своею излюбленной фразой:

- Не положено!

Иванов молча курил, Бобров, Захаров и Родин посмеивались над порывистым Каневским, который метался по блиндажу, как зверь в клетке. Кузя что-то шепнул Тютину, и здоровяк схватил Каневского в охапку.

- Сядь, не нервничай!

- Пусти, Гришка!

Пикирующий бомбардировщик уронил десяток бомб. Они рвались с таким грохотом, что, казалось, рушится небосвод. Когда пыль рассеялась, Тютин бережно посадил приятеля на колени:

- Не бойся, детка, слушайся папу!

Грохот усилился. У Каневского потекла из ушей густая, маслянистая кровь — не выдержали перепонки.

Юркий Кузя ужом проскользнул по блиндажу и скрылся в дальнем углу.

- Ребята, смотрите, что я нашел!

Все повернулись к нему. Кузя выволок на середину блиндажа большой гипсовый бюст Гитлера.

- Хвюрер! — несказанно удивился старшина Марченко. — Ось я ему зараз вус отстрелю!

- Минуточку, товарищ старшина, сейчас я Адольфу каску приспособлю.

Кузя схватил фаянсовый ночной горшок, брошенный немецкими офицерами, и водрузил его на голову вождя Третьей империи. Громовой хохот потряс блиндаж, бойцы корчились от смеха, многие попадали на земляной пол. Смешливый Черных захлебывался от восторга.

- Поберегись! — крикнул Марченко, выхватывая пистолет.

- Рраз! — ударил неправдоподобно громкий выстрел. Все замерли.

Артподготовка кончилась.

«Тишина, — подумал Борис. — Фриц идет в атаку».

К вечеру все уцелевшее от разрушений горело, подожженное зажигательными пулями. В дыму и пламени стояла насмерть рота Курганова. Второй и третьей рот уже не существовало, через их позиции прошли фашистские танки. Грубоватый Савченко погиб в первую минуту боя — пуля попала в гранату, висевшую у него на поясе, и Савченко разорвало в куски. Командир третьей роты Зорин с горсточкой красноармейцев залег у станкового пулемета и огнем прижимал фашистов к земле. Несколько раз поднималась волна серо-зеленых шинелей и касок, но всякий раз она откатывалась назад, оставляя десятки неподвижных тел.

Совсем мальчик, с тонкой детской шеей и темным пушком на губе, Зорин преобразился. Он ничего не слышал, оглушенный близко упавшей миной, две пули пробили ему бедро, но у него не было времени перевязать раны, и он, поправляя очки, продолжал стрелять и стрелять.

Когда кончились патроны, он сказал бойцу:

— Будьте любезны, смените ленту!

В этот момент пулеметчику пробило осколком голову. Зорин вздохнул и, сосредоточенно наморщив лоб, начал вставлять ленту. Он только на секунду высунулся из-за щитка, но этого было достаточно — фашистский снайпер торопливо нажал спуск, и остроголовая пуля попала прямо в блеснувшее под скупым лучом зимнего солнца стеклышко очков в пластмассовой оправе.

Через час рота Курганова дралась в полном окружении.

Инженер-майор Горовой получил приказ заминировать нейтральную полосу между своей и фашистской обороной. На небольшом «техническом совещании» было уточнено, что работать придется целую ночь.

Едва стемнело, саперы вышли на задание и под прикрытием белых маскировочных халатов поползли в сторону вражеской обороны. Вместе с минерами полз и командир полковой разведки лейтенант Сорокин.

Если бы люди, видевшие Сорокина в московском госпитале, взглянули на него теперь, то, конечно, не узнали бы в этом одетом в телогрейку и ватные брюки парне с потемневшим и измученным лицом, с тяжелыми противотанковыми гранатами у пояса томного,

изнеженного Мишеля. От прошлого остались, пожалуй, только одни бачки, да и те доморощенный парикмахер подстриг вкривь и вкось.

Лейтенант сильно уставал. Ему приходилось постоянно ходить в разведку. Он не спал несколько суток.

За последние два дня Сорокин вымотался, как лошадь, совершившая непосильный пробег. Он исхудал, почернел, засыпал на ходу. Но он сам пожелал идти с саперами. Умылся, натер лицо снегом и попросился на задание. Обманутый его бодрым голосом, командир дал разрешение, и, как ни измучен был Сорокин, как ни болело и ныло все его тело, теперь он испытывал глубокое душевное успокоение. Метания кончились. Сорокин нашел свою борозду и был этому несказанно рад. Он словно искупал свою вину, наказывая себя за прошлое, за то, что жил чужими, нечистыми мыслями.

Саперы заминировали танкоопасные направления, натыкали множество противопехотных мин и поползли к мосту через шоссе, где нужно было заложить большой заряд взрывчатки. Еще засветло, тыча обкрученным пальцем в красный жучок моста на потрепанной двухверстке, Сорокин сказал Горовому:

- Мои ребята насчитали более двухсот танков. Даже если половину приврали, и то мост надо хорошенько заминировать. Пожалуй, фриц пойдет в атаку через мост.

- Сделаем! — согласился Горовой. — Заложим несколько ящиков взрывчатки и, когда пойдут, рванем вместе с танками.

Горовой и Сорокин вместе с двумя саперами заминировали мост. Едва они успели окончить работу,

как над полем взлетели осветительные ракеты и противник открыл ожесточенный огонь.

Заметили! — крикнул Горовой, бросаясь под мост. Следом скатились остальные.

- Заметили, — прохрипел Сорокин, — теперь держись!

- Товарищ майор! — Сапер тронул Горового за плечо. — Азанчеева убило.

На снегу ничком лежал боец. Горовой хотел что-то сказать, но начался артналет, и все потонуло в грохоте разрывов.

Обстрел продолжался минут сорок и кончился, когда рассвело. Тотчас же в бледном небе заныли юркие фашистские истребители, а по дороге к мосту, тяжело шлепая и утробно рыча, двинулись танки.

- Идут! — крикнул Горовой.

Лейтенант Сорокин и боец-минер побелели: навстречу, грохоча и лязгая гусеницами, неслась смерть.

Сорокин дрожащими руками свернул самокрутку, зажег спичку.

- Оставьте на затылочку, товарищ лейтенант, — сказал боец. — По последнему разку...

Сорокин кивнул головой и положил мокрую от пота ладонь на рукоятку подрывной машинки.

- погоди! — остановил его Горовой.

Он тщательно осмотрел подрывной механизм.

- Порядок. Рванет как надо!

Горовой тоже положил руку на машинку, чуть подвинул теплую ладонь лейтенанта.

- Разрешите, и я! — сказал боец. — Вместе будем, всем колхозом.

- Клади! — лихорадочно затягиваясь, бросил Сорокин.

Он как-то сразу похудел, нос заострился, глаза болезненно блестели и неотрывно смотрели туда, откуда неслась грохочущая черная лавина.

— Ну, прощевайте, хлопчики, — спокойно сказал Горовой, — отходил я свои сорок лет.

- А я — двадцать семь, — прохрипел боец.

- А я — двадцать один, — скрипнул зубами Сорокин, — Готовьсь!

Красноармеец выплюнул окурок, обнял обоих командиров и, обдавая их горьковатым махорочным

перегаром, поцеловал в шершавые, заросшие щеки. Над головами по бетонному настилу загрохотали танки.

Сорокин сжал рукоять. В эту неуловимую долю секунды перед ним пронеслось видение прекрасного, озаренного летним солнцем города. Сорокин улыбнулся и что было силы, словно надеясь, что его услышат там, в розовом городе, крикнул:

- Прощай, Москва!

Он с силой крутнул рукоятку подрывной машины, и мощный взрыв потряс окрестности.

Марфино горело. Тысячи снарядов и бомб, обрушенных фашистами на село, разрушили все дома и даже печные трубы, которые зачастую оставались целыми и выглядели надгробными памятниками на безмолвных пепелищах. Пожары вызывали движение воздуха настолько сильное, что по улицам летели огромные куски kloкочущего огня. Сверху село казалось вулканом, изрыгающим буро-красную лаву. Густая жирная копоть грозовой тучей повисла над селом, временами в нее взлетали клоки огня, напоминающие шаровые молнии.

Горело все: дома, погреб, сарай. Заборы превращались в огненные решетки. Пылали скотные дворы, отчаянно мычали коровы, визжали свиньи, погибающие в огне. Горели телеграфные столбы, провода, колодезные срубы. Легкие скворечни на тонких шестах напоминали погребальные факелы. Горело и то, что, сообразуясь с обыденными представлениями людей, не подлежало сгоранию: гвозди, топоры, лопаты. Металл плавился, и по

каждому металлическому предмету пробежал синеватый огонек. Горела земля, залитая термитом, горела вода, покрытая пленкой огнеметной жидкости. Все живое в панике металось из конца в конец по деревне и гибло в огне. Столетние вороны, взлетев, загорались в воздухе и падали золотыми метеорами. Пулями летели стайки воробьев и загорались, посверкивая маленькими звездочками в траурной пелене дыма. Сотни кошек, обезумев, пластались над горящей землей, ища укрытия. И только собаки, верные спутники людей, ни на шаг не отходили от жилищ и гибли вместе с ними.

Командир германской дивизии наблюдал в бинокль за результатами артналета и бомбардировки. Его хищное лицо было спокойным и бесстрастным.

- Разрешите начинать атаку? — почтительно осведомился полковник, начальник штаба.

Генерал пренебрежительно улыбнулся:

- Атаковать сей бастион? Что ж. Атакуйте эту мертвую пустыню, пусть солдаты разомнутся. Да велите им не испачкать мундиров: предстоит рождественский парад в Москве.

Глава девятнадцатая **«ДРАТЬСЯ!»**

Рота Курганова отбивала атаку за атакой. Красноармейцы держались из последних сил. Почти все они были ранены. У разрушенной церкви рядами лежали убитые: их было гораздо больше, чем живых. Время от времени снаряд или мина попадали в груды трупов и

мертвые вздрагивали, как живые. Пули, осколки снарядов, мин и гранат рвали на куски живых и мертвых.

К вечеру гитлеровцы отошли на исходные позиции и дали возможность Курганову оценить обстановку. Пользуясь сгустившейся темнотой и минутным затишьем, Борис осторожно обошел оборону. В живых осталось человек пятнадцать. На левом фланге слышался шепот. Борис присмотрелся — у ручного пулемета сгрудились бойцы. Подошел Иванов и вместо положенного по уставу приветствия молча пожал руку:

- Спасибо, Борис Иванович! Правильно нами руководствовали.

Борис махнул рукой, а Бельский, видевший эти не предусмотренные уставом действия, вздохнул и отвернулся.

Курганов осмотрелся. У пулемета лежал Тютин и что-то жевал. Его напарник Каневский набивал диски. Патрон перекосило. Каневский что-то бормотал про себя, очевидно, ругался. Тут же в траншее были Родин, Бобров и кто-то маленький, с забинтованной головой. Только подойдя вплотную, Борис узнал Игоря Копалкина.

- Что с тобой, Игорек?

- Так... — замялся Копалкин. — Ничего особенного.

- Пуля пробила щеку, — доложил Иванов, — и осколком сорвало кожу со лба.

- Так ложись скорее...

- Спасибо, товарищ командир, — вежливо ответил Копалкин, но с места не сдвинулся.

Курганов пошел дальше, а Иванов, раздав бойцам по

сухарю, сказал:

- Ну вот, ребятки, дело какое: патронов у нас маловато, прямо ерунда с патронами. Надо подготовиться к рукопашной...— Он мялся, чувствовалось, что у него на языке вертится невысказанное. — Вот, ребятки... отступить — ни боже мой, лучше...

- Слушай, батя, — Бобров взял его за плечи, — ты зачем все это нам поешь? Агитируешь?

- Это ни к чему, — произнес Родин, — мы комсомольцы и всё понимаем. Можешь, батя, не беспокоиться.

Иванов смутился и хмыкнул в усы одобрительно:

- Это я так, для порядка. Знаю, что не подведете!

Борис Курганов, проходя по траншее, наткнулся на брата.

Андрей стоял, прислонившись спиной к брустверу, и смотрел вдаль.

- Ты что, не за немцем смотришь? — пошутил Борис. — Подползут и украдут тебя, герой!

- Я смотрю на Москву.

- Цел?

- Тебя не касается!

- Понятно. Сердишься? Дело твое.

Андрей промолчал, провожая брата взглядом.

«Злопамятный, чертенок! — подумал Борис. — Характер!»

В центре обороны, у развалин колокольни, его окрикнули.

- Что за черт! Ничего не видно!

- Это я!

- А, Кузя. Ишь, замаскировался...

- Тут у нас снайперская позиция оборудована, — слышался торопливый голос Чурикова.

Кто-то ухватил Бориса за руку и потащил в подвал,

- Да у вас здесь целый дот! Неплохо устроились!

- Это все Кузя...

- Не ври! Сам ведь обнаружил подвальчик. Небось подумал, что здесь батюшка мед и сало держит, а?

- Ты брось! — обиделся Чуриков. — Ты старое вспоминать не моги! Смертный бой ведем с фашистом, а я, хоть и был раньше торбохватом и домушником, теперь ша! На всю жизнь.

«А велика ли она, твоя жизнь?» — подумал Курганов и двинулся дальше.

У позиции артиллеристов его едва не застрелил полусонный часовой. Борис вяло сделал ему замечание и подошел к спящему лейтенанту:

- Как дела, Хаштария?

Ответил часовой:

- Он спит, третьи сутки на ногах. Ложитесь и вы, товарищ командир!

Только после этих слов Борис почувствовал страшную усталость.

Окунаясь в сон, Борис услышал, как рядом монотонно, словно заведенный, стонал человек: «Умм, умм, умм...»

Спать долго не пришлось. Бориса разбудил грохот начавшегося сражения.

- Вставать! Фриц лезет на штурм! — заорал во все горло Хаштария. — Батарея, к бою!

Артиллеристы бросились к пушке, и единственное орудие открыло огонь.

Курганов побежал к своим бойцам, пригибаясь под ливнем пуль.

В полночь все защитники Марфина, воспользовавшись затишьем, укрылись в глубоком полуразрушенном подвале. Слабый свет, проникавший сквозь разбитый потолок, выхватывал из мрака грязные, обросшие, изможденные лица бойцов. Красноармейцы не спали, ожидая очередной атаки. По подвалу животрепещущей искоркой пробежал разговор. Каневский рассказывал, как жилось в то далекое время, которое называли на фронте «тогда». Тогда не гремели орудия, не рушились небеса от грохота бомб, тогда не надо было умирать.

- Вот придем с войны, — проговорил Родин, — великолепная жизнь будет. Работать станем, учиться.

- И у каждого своя постель будет, — откликнулся Копалкин. — Одеяло, простыня... Вот здорово!

- Не ценили мы простых домашних вещей, — заметил Андрей. — Простая кровать, шкафчик, тумбочка, шкафчик для книг. А радио? Как хотелось бы сейчас послушать!

- Р-разговорчики! — хриплым басом прогудел Кузя.

- Ах, кровати, одеяльца, простыночки буржуазные предрассудки! Я, когда домой вернусь, только в окопе спать стану, а всю семью буду по тревоге поднимать... Как положено!

Бельский улыбнулся: мальчишки, ну что с них взять?

Политрук Светильников, добродушный, молчаливый, медлительный великан с копной льняных волос, сказал:

- Да, кончим войну — хорошо будет. Разрушенное восстановим, станем сильнее. А самое главное — мы сможем честно и открыто в глаза людям смотреть...

Светильников говорил, его слушали молча. Ника Черных отошел в сторонку и быстро рисовал, поглядывая на политрука. Андрей подошел сзади, присмотрелся: большелобый, голубоглазый Светильников получился очень похожим. Вокруг него грудились бойцы, но Ника не придал их лицам определенных черт, и Андрей никого не узнал.

- Ты думаешь, получится? — поддел Андрей дружка и тут же пожалел: — Шучу, шучу. Не сердись.

- А я и не сержусь, сеньор. Вот кончим войну — в Строгановское училище подамся. Поучимся, браток, авось и художниками станем.

Светильников замолчал. Андрей подошел ближе и, смущаясь, негромко проговорил:

- Товарищ политрук, у нас к вам просьба.

- Говори, солдат.

Подошли Бобров, Родин и Захаров. Кузя внимательно, просяще заглядывал в глаза Светильникову.

- Ну что, комсомолия? С каким делом пожаловали?

- Говори, чертяка, — толкнул Андрея Бобров, — чего жуешь резину?

- Мы просим принять нас в партию.

Бельский мучительно покраснел. «И почему я до сих

пор в беспартийных хожу?» — удивленно думал он про себя.

- А сколько вам лет, друзья?

- Семнадцать, мы все одноклассники, из одного класса.

- А мне восемнадцать, — с чувством собственного превосходства гордо произнес Родин, — я второкурсник! Восемнадцати лет принимают?

- Хорошие вы мои пацанки, — горячо заговорил Светильников. — К сожалению, по уставу вам рановато, но я считаю — вы вполне достойны быть коммунистами.

Раздался оглушительный взрыв. Подвал пронизал снаряд. Всех разметало волной. Когда оглушенные красноармейцы, отряхиваясь, поднялись с земли, политрук Светильников уже не дышал. Большой осколок рассек ему лоб, на светлых волнистых волосах появилась кровь.

- По местам, — крикнул Борис Курганов, — атака!

- Комсомольцы, за мной! — приказал Бобров.

Красноармейцы выбегали из подвала...

Рота Курганова продолжала упорно сопротивляться. Борис Курганов, дважды раненный, в шею и руку, осколками, остался в строю и продолжал командовать. Много раз приходилось отбивать атаки противника и сходить с ним врукопашную. Во время коротких передышек бойцы набивали патронами автоматные диски, вставляли запалы в гранаты. Когда начинался обстрел, уцелевшие укрывались в подвалы, обнаруженные под развалинами церкви.

Бойцы сидели молча, пережидая очередной обстрел. Он

продолжался недолго, и, едва настала тишина, поднялся Захаров.

- Ты куда, Ленька?

- Пойду подежурю: как бы фрицы не подобрались.

- Та на посту вже Мурин стоять, — сказал Марченко.

- Помогу ему — его вчера волной здорово стукнуло.

Захаров прошел по траншее на левый фланг, к грудке кирпичей, под которой маскировались снайперы.

- Ты здесь, Кузя?

- Нет, это я, Захарчук. Напарника малость оглушило, отлеживается.

- Ну, как у вас?

- Нормально. Патронов бы побольше...

Мурин очень обрадовался приходу товарища. Он неважно себя чувствовал, болела и кружилась голова, несколько раз его тошнило.

- Как после хорошей выпивки, — слабо улыбаясь, пожаловался он, — трещит буйная головушка...

- Надо было не всю пить, что подносили, — пошутил Захаров.

- В следующий раз учту, — отозвался Мурин и лег на снег. — Малость отлежусь — и до дому, до хаты.

Послышался тонкий, сверлящий звук. Упавшая невдалеке мина обдала красноармейцев фонтаном земли. Протирая запорошенные глаза, Захаров отошел от лежащего на снегу товарища и стал внимательно всматриваться в темноту...

Ночью их взяли немцы. Мурина оглушили окованным

прикладом, а когда он попытался встать, плоский штык пробил ему спину. Второго часового гитлеровцы решили захватить живьем. Пятеро здоровенных солдат набросились на Захарова, выбили у него из рук винтовку и попытались связать, заткнув рот кляпом. Ленка отчаянно сопротивлялся. Живой комок с рычанием перекатывался по снегу, и снег постепенно краснел. Захаров понимал, что настали последние минуты жизни, но у него не было страха, он опасался только того, что немцы, сняв часовых, проберутся к траншее и перебьют его товарищей. Крикнуть Захаров не мог: здоровенный гитлеровец сжимал его шею словно клещами. Улучив момент, Леня выхватил у фашиста тесак и ударил душившего его гитлеровца. В тот же момент тесак вырвали у него из рук. Гитлеровцы, разъяренные борьбой, потеряли надежду взять красноармейца живьем. Они били, пинали, кололи его кинжалами, били кулаками, гранатами без запалов, подкованными сапогами. Но красноармеец не сдавался. Улучив минуту, он расшвырял фашистов и крикнул:

- Ребята, сюда!

В тот же момент старший гитлеровец выстрелил в него из парабеллума...

- За мной! — крикнул Борис Курганов и выбежал из подвала.

Бойцы отогнали немцев, подбежали к часовым. Они лежали неподвижно.

Начавшийся артоналет заставил всех укрыться в подвалах. Борис Курганов приказал встать на пост Боброву и Родину, но Андрей попросил разрешить дежурить ему.

- Я виноват перед Ленькой, — сказал Андрей. — Разрешите, я его подменю, товарищ командир!

- Становись! — проговорил Борис.

- Разрешите, и я с ним? — попросил Черных.

- Давай, дружок закадычный!

- Вот и нет с нами Леньки! — задумчиво покачал головой Бобров. — Хороший был товарищ, скромный, тихий...

- Да, безответный паренек, — согласился Копалкин.

- Ребята! — вдруг сказал Родин, — А почему это мы хорошее в людях подмечаем тогда, когда их с нами больше нет?

- Верно! — удивленно проговорил Бобров. — Почему, батя, а?

- Все зависит от людей, от самих людей. Не ценили вы Леньку, сами себя и ругайте.

Бобров хотел возразить, но оглушительный грохот и волна от разрыва снаряда разбросала бойцов по подвалу.

Штурм продолжался.

Когда поутихло, Курганов негромко сказал Иванову:

- Похоронить надо часовых, покуда время есть.

- А нас кто похоронит? — еще тише отозвался Иванов. — Некому. А в общем, не все ли равно, где лежать!

- Мы не умрем, — задумчиво ответил Курганов.

Красноармейцы столпились у окопа. На краю, запрокинув к черному небу голову, лежал Мурин, рядом — Захаров. Казалось, он вот-вот встанет, заговорит.

Бельский взял документы убитых, отдал их Борису Курганову, быстро опустился на колени и поцеловал своих бойцов. Страшно покраснев, смущенный собственным поступком, он отошел в сторону.

- Клади! — негромко приказал Курганов. — Зарывай!

Комья промерзшей земли тяжело падали на дно окопа, глухо ударяя по одеревеневшим телам.

Когда могилу зарыли, Черных поставил у изголовья солдатскую зеленую каску, на которой штыком была нацарапана коротенькая надпись.

Бойцы вздыхали, шептались. Внезапно маленький Копалкин страшно выругался, вытащил из мешка заветную книжку и, размахнувшись, изо всех сил швырнул ее в темноту.

- На что ж так-то? — нерешительно сказал Бельский. — То таскал везде с собой, то...

- Это он детство свое забросил, — тихо ответил Иванов.

А Копалкин, тихий, робкий, незаметный Копалкин, наивный и слабый «цыпленок», как его называли в школе, разразился бранью:

- К черту! К дьяволу путешествия! Тут наши ребята гибнут!.. Бить надо эту сволочь, бить, бить, бить! Будь они прокляты!

Копалкин схватил винтовку и, бросившись к брустверу, стал выпускать в темноту пулю за пулей. Он стрелял и стрелял, выкрикивая отчаянные ругательства до тех пор, пока разъяренные фашисты не открыли ответный огонь. Грохот стрельбы повис над землей.

В короткие считанные минуты затишья Борис Курганов

вспоминал. Перед глазами проходили улыбающиеся лица друзей. С болью думал он о родных. Он жалел, что не смог поговорить в госпитале с Ириной, и, хотя он прекрасно понимал, что за разговором, по всей вероятности, последовало бы примирение, не гнал от себя эту мысль.

Внезапно ему показалось, что он потерял фотографию. Испугавшись, он расстегнул карман гимнастерки, достал пачку документов, постепенно перебрал их, отделив фотоснимок, вздохнул с облегчением.

Долго смотрел Борис на карточку. Кто мог сравниться с Ириной? Были у него мимолетные увлечения, но разве те, чьи пути перекрещивались с его дорогой, могли заменить ее, единственную, любимую!

А та девочка из Ильинки, Андрюшкина приятельница, милое и наивное существо! Нет и нет!

Борис провел бурым, отмороженным пальцем по тонким полудужьям Ирининых бровей и неожиданно для самого себя прижал фотографию к потрескавшимся кровоточащим губам. К сердцу хлынуло такое тепло, стало так хорошо, что Борис закрыл глаза.

Послышавшийся невдалеке шорох — прошел сменившийся с поста часовой — заставил Курганова вздрогнуть. Оторвав фотографию от лица, он завертел головой и, покраснев, подумал, что кто-нибудь стал свидетелем его минутной слабости.

Он спрятал снимок в карман, сделав вид, что просматривает документы. Пожалуй, их и в самом деле стоило просмотреть. Борис порвал в мелкие клочья несколько писем, раскрыл офицерское удостоверение

личности. Черт возьми, каким молодым он был когда-то! Новенькая форма, новенькая фуражка со звездой — солнце играет на новеньком козырьке. Борис вспомнил, что снимался во Львове месяца за три до начала войны. В сердцах он захлопнул удостоверение.

Партбилет. Маленькая красная книжечка. Здесь фотокарточка поменьше, без фуражки, да и лицо серьезнее, решительнее. Синие штемпельные отметки об уплате членских взносов. Борис отчетливо помнил — штемпелек хранился у парторга в маленьком мешочке с резинкой. Ребята-малыши в таких мешочках чернильницы носят.

Последнюю подпись парторг поставил в мае. Потом фамилии парторгов менялись одна за другой.

Долго держал он в руках партбилет, задумчиво покачивая головой.

«Какой большой номер! Много цифр. Это хорошо. Нас много».

Борис почувствовал прилив сил и встал.

- К черту слюнтяйство! Нужно действовать! Нужно драться. Нужно выполнять приказ.

Глава двадцатая

ПРИГОВОР

Оборону строили ночью. Фашисты перегруппировались, отдыхали, непрерывно освещали местность ракетами. Белесые огоньки плавали над полем, вырывая из тьмы груды обгоревших развалин — все, что осталось от уничтоженного села.

Но развалины не были мертвы. Здесь билась жизнь. Слышалась русская речь. Над ними плавал голубоватый дымок самокруток. Рота спешно возводила укрепления. На отшибе, возле заглохшего пруда, стоял господский дом. Он рухнул еще в первый день схватки. Бойцы взвода лейтенанта Бельского обнаружили громадные каменные подвалы и теперь торопились превратить их в неприступные бастионы.

Красноармейцы работали — ворочали балки, складывали кирпичные стены, оставляя узкие прорезы бойниц.

Андрей Курганов работал вместе со всеми. Любая физическая работа радовала его, он улыбался, веселел. Временами ему казалось, что он на школьном воскреснике: рядом размеренно махал ломом Панов, тяжело переводил дыхание Черных.

- Круто приходится, художник? — спрашивал Панов. — Помочь?

- Обойдусь, — односложно отвечал Ника.

До сих пор он относился к Панову с плохо скрытой злобой, с презрением. Военные тяготы не заставили его пересмотреть свое отношение к Панову, и, хотя Ника продолжал считать Андрея лучшим другом, никакие просьбы Курганова, который к тому времени очень сдружился с Вовкой, не помогли сменить гнев на милость.

Ника сильно похудел, его длинные, прямые вихры выбивались из-под ушанки, и, хотя вся рота ходила стриженной, Черных ухитрился сохранить шевелюру.

- Работник искусства, — насмешливо говорил Борис

Курганов. — Разве художник обязательно должен быть долгогривым?

- Никак нет, товарищ старший лейтенант.

- Так в чем же дело? — Борис огляделся. — Брось к чертям субординацию.

- Никак нет, — мерцал хитрющими глазками Черных. — Боюсь — мозги застынут, а это отразится на моем творчестве.

Борис посмеялся, махнул рукой.

Некоторое время работали молча. Прилетело несколько мин — все повалились на землю. Когда поднялись, Андрей весело засмеялся:

- Ника! Вся физиономия в грязи.

В предрассветном тумане Черных выглядел каким-то фантастическим дьяволом.

- Это грим, — серьезно ответил Черных.

Рассвело. Командир роты, пригибаясь, пошел по обороне. У развалин каменной конюшни он встретил лейтенанта Бельского и вместе с ним осмотрел пулеметную позицию.

У пулемета сидел на корточках Каневский и тряпкой счищал со ствола налипшую грязь. Рядом благодушно покуривал Тютин, сжимая в руке колоссальную козью ножку.

- Немца не провороните?

- Ни в жизнь, товарищ командир! У нас наблюдатель выставлен.

Только теперь Курганов увидел Панова.

«Почему он здесь? — мельком подумал Борис. — Не иначе, с Андрюшкой поссорился. И что за класс такой недружный.— Он хотел спросить Панова об этом, но постеснялся. — Подумает, что вмешиваюсь в их дела».

Курганов кивнул пулеметчикам и, сопровождаемый молчаливым лейтенантом, пошел дальше.

- Не нравится мне наша позиция, — вздохнул Борис.

Бельский помолчал, негромко ответил:

- Мне тоже.

Оба посмотрели друг на друга. Борис улыбнулся:

- А защищать мы ее будем до последнего.

- Как положено, — скромно отозвался Вельский.

С рассветом начался штурм. Мины и снаряды ложились неточно, особого ущерба не наносили. Вслед за огневым валом цепями повалила пехота. Гитлеровцы на ходу строчили из автоматов, красноармейцы отвечали нестройными залпами.

Андрей, Ника, Родин и Копалкин стреляли из винтовок. Бобров бросал гранаты. Андрей нажимал спусковой крючок, тщательно целился. Так же неторопливо выцеливал и Ника.

- Где Вовка? — вертел головой Андрей в короткие минуты затишья.

- Дезертировал, — насмешливо пояснил Черных. — Где ж ему еще быть?

Андрей вспыхнул.

- Ты эти шуточки, художник, оставь!

- А что?

- Панов не чета тебе, хлюпику. И не смей его задевать! Он мне друг, слышишь?

- Не слышу. Оглох от разрывов.

Возобновившийся бой прервал спор. Озлобленный Андрей демонстративно отполз в дальнюю ячейку. Здесь он увидел брата. Борис Курганов с двумя бойцами второго взвода, чертыхаясь, возились у станкового пулемета.

- Повредило миной, никак не наладим, — рассеянно сказал он Андрею. — Сидоренко! Живей поворачивайся!

- Товарищ командир, — к Курганову подполз захлюстанный по уши Кузя, — смотрите, нас обходят.

Серо-зеленые фигурки бежали к левому флангу через поле, охватывая его дугой.

- Эх, сволочь! — скрипнул зубами Борис. — Долго вы ковыряться будете? А ну, ко всем чертям, растяпы!

Отпихнув пулеметчиков, Борис схватил тяжелый «станкач», рванул его, вырвал из замерзшей грязи и резко повернул стволом на густую, быстро продвигающуюся цепь фашистов. Быстро устранив заминку, он прицелился и, навалившись телом на пулемет, дал длинную очередь. Андрей видел, как падали срезанные пулями враги, как металась она, ища укрытия от пуль.

- Ленту! Готовь ленту, боец! — заорал Борис.

Дрожащими руками Андрей подтащил ленту. Борис вырвал ее из рук брата, мгновенно вставил ее, и вновь пулемет задрожал, выплевывая в лицо гитлеровцам свинцовые сгустки ненависти.

Огневой налет. Атака. Огневой налет. Атака.

Сколько их?

Андрей потерял им счет. Вой мин прижимал его к земле. Но Борис, черный, закопченный, оскаленный, не выпускал из рук пулемета.

- Я вас научу воевать! — рычал он сквозь сведенные злобой зубы, кусая нижнюю губу.

Из губы сочилась кровь, но Борис ничего не замечал — он продолжал стрелять.

Снова сильнейший артогонь. Надрывный вой мин. Скрежет осколков.

- А-а-а! — тонким сверлящим голосом вопил кто-то справа.

- Санитара, санитара...

«Где его взять, санитара?» — лихорадочно думал Андрей. И замер. В трех метрах от него корчился боец, все лицо его было залито кровью.

- А-а-а, умираю!

Андрей бросился к умирающему, но железная рука схватила его за ворот.

- Куда?!

Борис ударил брата кулаком в спину:

- Ленту! Фрицы! Я вас научу воевать!

Краем глаза Андрей взглянул на раненого. Тот не двигался. Андрей замешкался. В это время из-за бугра вывернулись три гитлеровца и бросились к пулемету. Андрей оцепенел. Пригнувшись к земле, Борис с ревом рванулся им навстречу. В кратчайший момент он

выстрелил в грудь переднего. Второго пуля Курганова заставила высоко подпрыгнуть. Он свалился прямо на пулемет. Глухо звякнул металл. Третий, здоровенный, плечистый, ловко изогнувшись, выбил у Бориса пистолет и крикнул, хмельной от удачи:

- Рус! Капут!

Борис махнул наотмашь. Молодецкий удар обрушился на каску. Фашист пошатнулся. Курганов кинулся на него, свалил на землю.

- Боря, Боря, идут! — испуганно пискнул Андрей.

Вновь набегали враги. Борис кинулся к пулемету. Полузадушенный гитлеровец ворочался на мокрой земле.

- Штыком его! Бей ножом. Чего медлишь! — кричал Борис в перерывах между очередями.

Содрогаясь от ужаса, Андрей выхватил плоский штык от самозарядной винтовки...

И снова тишина. Ни выстрела. Андрею казалось — тишина звенела, грохотала, стонала.

Борис устало разогнул широкую спину, провел ладонью по лицу, устало улыбнулся.

- Запарился, Андрейка?

И Андрею не верилось, что этот командир в замызганной, порванной шинели, с усталым добрым лицом, только что был такой твердый и жестокий.

Борис понял душевное состояние брата.

Посмотрел на осунувшееся его лицо, обведенные синевой воспаленные глаза и горько дрогнул углом волевого рта:

- Мальчик! И выпала ж судьба...

Себя Борис не жалел. И, если бы кто-нибудь сказал ему о проявлении героизма, о самопожертвовании, Борис пожал бы плечами. Он просто работал, выполняя служебную обязанность. У солдата такая уж служба — порой приходится умирать, дело обыденное.

Ночью случилось страшное. Подползшие в белых халатах вражеские лыжники-гренадеры бесшумно подкрались к переднему краю и закололи часовых. Началась резня. Остатки роты избежали окончательного уничтожения исключительно благодаря Кузе. Выйдя из траншеи по нужде, он заметил, как несколько белых теней спустились в соседний окоп. Кузя швырнул в них гранату, рискуя быть разорванным осколками в клочья, и поднял тревогу.

Все же противник потеснил роту и прижал ее к конюшне. Здесь, под развалинами, укрылось сорок три бойца — все, кто остался у Бориса Курганова.

Перестрелка продолжалась остаток ночи, а под утро, когда в полуразрушенном подвале собрались почти все свободные от наряда бойцы и Борис Курганов вместе с Бельским составляли список убитых, хлопнула обломанная дверь и вместе с облаком морозного пара в подвал вошли два человека.

На пороге стоял старшина Марченко. Голова старшины, замотанная грязными бинтами, казалась непропорционально огромной. Марля скрывала все его лицо, и только один глаз, черный, налитый кровью, вспыхивал злобным огнем. Марченко попал под огнемет.

- Ось, побачьте, — громыхнул старшина, — на

сукиного сына! — Он пропустил впереди себя понуро стоявшего красноармейца. Из щелей сочился неясный свет. Красноармеец поднял голову, и добровольцы замерли в недоумении — перед ними стоял Вовка Панов.

- Что он сделал? — выдохнул весь подвал. — Вовка, в чем дело?

- Его, подлюку, спытайте!

Панов молчал.

Бельский недовольно поморщился:

- Вы, старшина, доложите командиру, как положено. Нечего в боевой обстановке загадки загадывать!

- Слушаюсь! Товарищ старший лейтенант, докладываю.

И старшина доложил. И добровольцы слушали, разинув рты.

Еще днем старшина приказал Панову находиться у пулемета, подтаскивать боеприпасы, чтобы пулеметчики — два бойца из второго взвода — могли не отрываясь заниматься своим делом.

Позже, пробираясь по обороне, старшина обнаружил сержанта Панова в глубокой воронке в тылу передовой линии.

- Це еще что за штучки, сержант?

- Я... Мне показалось, что здесь укрыть боеприпасы надежнее.

- Так то ж боеприпасы. А сам зачем сховался? Марш на позицию!

Но Панов не пошел на передовую. Минут через двадцать, когда старшина опять пробрался к пулемету, первый номер, бородатый, клочкобровый старик,

крикнул, харкнув кровью:

- Сержант-то убег!

- Шкура! — поддержал его напарник.

В этот-то момент гитлеровцы и хлестнули из огнемета. Пулеметчики, обугленные до неузнаваемости, так и остались у своего «станкача», а Марченко потерял сознание.

Утром он осторожно полз к развалинам конюшни, когда заметил за обвалившейся кирпичной кладкой человека. Человек тянул из-за стены руку...

- Ладощку он под пули наставил, — гудел Марченко, — я сначала не понял. Потом он вскрикнул. Я понял психологию. Ось и всё.

Буря пронеслась по подвалу. Крики взлетели к потрескавшимся сводам, разметав серые лохмы вековой паутины.

- Самострел, гад!

- Членовредитель!

- Бей его, ребята! — выскочил вперед Черных. — Лупи!

- Гэть! — властно выдохнул Марченко. — Вы шо, сказались, чи шо. Я рассказал, и усэ. А теперь треба командиру решать...

- Не усэ, нет, не усэ, — задыхаясь, говорил Бобров, невольно передразнивая в волнении старшину. — Как мы можем терпеть такое?

Панов не поднимал головы. Левую руку он держал чуть на отлете, с нее медленно падали на цементный пол густые, тяжелые капли.

Добровольцы продолжали бушевать. Панов, их

товарищ, совершил гадкое, черное, подлое дело! Они готовы были растерзать его.

На всякий случай лейтенант Бельский подался вперед, пытаясь заслонить сухонькой фигуркой рослого сержанта.

И тогда вперед вышел Борис Курганов. Четко печатая шаг, он подошел к одноклассникам вплотную, вынул пистолет:

- Что ж. Значит, расстреляем его?!

Панов не шелохнулся. Ребята дрогнули и стали. Такого оборота никто не ожидал. Побледневшие ребята во все глаза смотрели на командира роты. Многие уловили в его словах вопрос, но он звучал и как приказ. Ребятам стало страшно.

Их состояние передалось и Панову. Вовка побелел. Борис Курганов впервые в жизни колебался. Смелый по натуре, он привык действовать решительно. Армия и война научили его твердости. Если бы подобный поступок совершил кто-либо другой, Курганов, не задумываясь, приказал бы его расстрелять.

Но Панов?! Панов был его земляком, одноклассником и другом его брата.

Когда-то — казалось, что с тех пор прошел целый век,— десятиклассник Борис Курганов работал пионервожатым. В его отряде находились лопухие малыши. Наивные, веселые, добрые и отчаянные. Борис любил возиться с ними. Летними вечерами у костра он рассказывал ребятишкам разные истории — о путешественниках, мореходах, пиратах и исследователях, — которые сам читал в детстве.

Борис вспомнил, как внимательно они слушали его, как у пионерского костра сверкали озорные мальчишечьи глаза.

Борис вспомнил и крепкого, загорелого мальчугана, который после рассказов вожатого каждое утро делал гимнастику, обливался холодной водой. Как-то Борис вытащил его из пруда; ноябрьская вода обжигала, от нее шел морозный пар, а синий мальчишка стучал сведенными судорогой зубами, упрямо заявляя: «Все равно буду. Вы уйдете — опять в воду влезу». — «Зачем?» — «Надо закаляться. Хочу стать сильным. ..»

Другое воспоминание. Школа. Зал, украшенный хвойными гирляндами. Красный кумач лозунгов. На дощатой площадке сцены — шеренга. Не менее взволнован и вожатый. Торжественная, незабываемая

минута! Он, старший товарищ, повязывает ребятам пионерские галстуки.

Борис ищет в шеренге братишку. Андрейка стоит рядом с Вовиком, тем самым упрямым, волевым, сильным мальчишкой. Борис поздравляет их.

... Наверху разорвался тяжелый снаряд. Подвал вздрогнул, посыпалась затхлая пыль.

Курганов, не глядя на бойцов, глухо обронил:

- Он ваш... товарищ... Решайте сами.

И отошел в сторону. Лейтенант Бельский склонился над лежащим в углу тяжело раненым бойцом. Старик Иванов стал не спеша чистить автомат.

Добровольцы столпились около седоусого сержанта.

- Как быть, батя?! — чуть не плача, воскликнул Родин.

- Что ж тут поделаешь? Решайте сами, — вздохнул тяжело старик. — Ваш он... вы и решайте его судьбу. О, дела, дела...

- Я знаю, — выскочил вперед Копалкин. — Судить его надо.

- Вот и судим, дурья башка...

- И присудить к тюрьме...

- Бестолочь! Немца отбей сначала.

- Решайте скорее, — заметил Курганов. — Скоро опять пойдут...

И тогда впервые вышел вперед Валентин Бобров.

- Довольно играть в прятки... Мы комсомольцы и должны смотреть правде в глаза. Здесь... окружение... Среди нас оказался трус. Трус и предатель. Своей кровью он

хотел купить то, что мы отдаем сами за родину, за нашу страну. Не место таким на земле. — Бобров, бледнея с каждой секундой, закончил твердо:— Панову смерть!

Ребята взглянули на белого как мел Боброва с ужасом, но постепенно до них дошел смысл сказанного.

- Кто согласен со мной, отходи вправо! — резко крикнул Бобров, махнув рукой.

Первым подошел Андрей Курганов. Качаясь, как пламя свечи под ветром, подошли Родин, Копалкин и Кузя.

Бобров вопросительно взглянул на командира роты.

Борис отвернулся.

- Р-равняйся! — негромко скомандовал Бобров.

Бойцы отхлынули в стороны. Панов остался у стены.

- Сдай билет. Красноармеец Копалкин, примите комсомольский билет у осужденного.

Бедный Игорь, едва живой от всего происходящего, заковылял к одиноко стоявшему Панову.

- Дай билет...

- А? — Панов оглядел тщедушную фигурку бойца, точно впервые его увидел. — На... возьми.

Копалкина душили слезы, дрожащими руками он взял серую книжечку в негнущейся обложке.

- Постой, держи и это. — Панов протянул остальные документы.

- Вова... Вовочка... — захлебываясь слезами, частил Копалкин, — ты бы попросил их... ребят попроси... Прощенья.

Панов невесело усмехнулся.

- Красноармеец Копалкин, марш в строй! — металлическим голосом крикнули сзади.

Копалкин встал в шеренгу, беспомощно оглядываясь на командиров.

- Пр-риготовиться! — крикнул Бобров.

Неровный ряд винтовочных дул поднялся на уровень груди.

- За кровь наших людей, за Леньку Захарова по дезертиру и трусу...

Бобров уверенно подал команду. Грохнул нестройный залп.

Глава двадцать первая **ИСПОВЕДЬ**

И время остановилось. Из-за низких, свинцово-тяжелых быстролетящих туч, из-за черных букетов разрывов, черного дыма пожарища и черного пепла день стал похожим на ночь, а ночь, озаренная вспышками выстрелов, исчерченная разноцветными пунктирами трассирующих и зажигательных пуль, освещенная мертвой бледностью ракет, походила на хмурый полярный день.

Командиры отдавали приказания. И все равно их нельзя было услышать в сплошном грохоте боя. Каждый красноармеец действовал самостоятельно. Люди делали то, что им подсказывала совесть, чего требовал от них долг.

Борис Курганов, лейтенант Бельский, старшина Марченко и сержант Иванов знали, что их подчиненные

сделают все, что нужно, без подсказки. И они сами превратились в рядовых воинов — лежали в обороне.

Если бы какой-либо старый знакомый со стороны взглянул на солдат Курганова, он не узнал бы их. Да что знакомый — родной отец не узнал бы сейчас своих сыновей, закопченных, грязных, замотанных промокшими бинтами, с землистыми лицами, наморщенными лбами, сведенными судорогой скулами, сведенными пальцами. Разве лишь по белозубым улыбкам можно было бы узнать прежних ильинских школьников. Сейчас каменная неподвижность сковала их лица, недетская хмурь была во всем их облике.

... В ночь с 4 на 5 декабря в полузасыпанном подземелье никто не спал. Немцы не стреляли, видимо проводили перегруппировку перед решительным штурмом. Красноармейцы понимали, что это затишье будет длиться недолго. Ребята нервничали, ходили по подвалу. То здесь, то там вспыхивали разговоры.

В строю оставалось девятнадцать человек. Все были ранены, многие по нескольку раз. Боеприпасов почти не осталось, патронов — по обойме, гранат — по одной. Осознав это, люди стали еще общительнее. Каждый испытывал потребность сделать товарищу приятное — разделить с ним последний крепкий, как кремень, сухарь, щедро вывернуть в бугро- ватую ладонь остатки махры из кисета.

Красноармеец Чуриков швырнул на пол вещевого мешок, сел возле него, подогнув ноги, и призывно махнул рукой:

- Подходи, братва! Потрошить сидор буду!

Чуриков вытряхнул содержимое вещевого мешка и начал щедро оделять товарищей. Раздал трофейные консервы, Андрею дал красивую авторучку, Иванову — роскошную бритву.

- Бери, батя, пользуйся, мне не нужно.

И, хотя все прекрасно понимали, что их ждет такая же судьба, как и этого хитрющего красноармейца, все брали дареное, брали, чтобы не обидеть цыганка, чтобы поддержать в нем дух...

А Чуриков посмеивался, балагурил:

- Налетай, братва, бери...

Когда мешок опустел, Чуриков подошел к Тютину и протянул ему голубое, расшитое красными петухами полотенце.

- А это, Гриша, тебе. Дарю от всего сердца. На память.

Здоровяк Тютин отказывался, а цыгановатый Чуриков скалил зубы, щурил черные озорные глаза:

- Забирай, не стесняйся... Помнишь, Гришка, как ты в Вязьме хотел мне по шее дать?

Опустошив мешок, Чуриков описал им круг в плотном, прокуренном воздухе:

- Все. Остался гол, как сокол. Лети и ты к чертям, старая хреновина!

Боец бросил пустой мешок в угол и подсел к товарищам. Через минуту вновь послышался его негромкий голос:

- Ты спрашиваешь, откуда я родом? Поздненько, братец, стал ты землячка искать. Но я удовлетворю твое любопытство. Московский я, пресненский. О

пресненских мальчиках слышал?

- О шпане пресненской, — насмешливо протянул Каневский и, поморщившись, плюнул кровью.

- Не надо так говорить. Пресня себя еще в 1905 году показала. Революцию Пресня делала. Понял?

- А чем ты занимался... — гудел Тютин.

- Я что. Всяко пришлось... и карманы резал, и еще кое-что в том же духе. Но это раньше. Потом поумнел. Понял, что к чему, отчего и зачем. Между прочим, в вечерней школе учился. Правда, на трешки, зато по физике — пятерка. Любил ее. Правильная наука.

- Все науки правильные, — заметил Андрей.

- Да. Учился. Ну, и работал. Зарабатывал, конечно. Мать у меня. Всю получку ей до копеечки. Даже на четвертинку не оставлял. Не люблю этого. Не употребляю. В общем, жил ничего. Зарабатывал прилично. Шоферы знаете как жили — не терялись. Жениться думал — была одна залеточка... Н-да. Только не вышло.

- Изменила? — глухо вырвалось у Бориса Курганова.

Все с удивлением посмотрели на командира. Он отчаянно покраснел.

- Не было этого, товарищ старший лейтенант. Неприятность вышла из-за другого, — продолжал Чуриков, — на работе. Был у нас один деляга — предложил левую езду. Я не схотел. Не потому, что святой был, нет, — торопился к Зинке. Он — грозить. Грозит и грозит. Я тебе да я тебе. Ну, не выдержал я — въехал ему разика два, да еще...

- Правильно сделал, — громыхнул Тютин.

- Да... Отбыл за это сколько полагалось. Вышел. А тут война.

- Да, — протянул Бобров, — война перевернула наши планы...

Медленно-медленно ползло время, тягучей нитью разматывалась нить рассказа.

- Заждить, хлопцы. Скажу о себе. Кадровую служил — сверхсрочную. Восемь лет оттопал, — начал старшина взволнованно. — Служил справно, как медный котелок. А потом решил до дому поихать, на Украину, отпуск выхлопотал, литер. Документы взял в части — и прямиком на вокзал. Домой, конечно, телеграмму послал: еду.

- Приехал?

- Где там! Так до сих пор и еду. Хай тому Гитлеру грець на кинедь, собаки.

Один за другим бойцы рассказывали о себе все, даже самое сокровенное, стараясь ничего не утаить. Люди испытывали странное чувство — необходимость рассказать, поделиться, вылить душу. Слушали каждого внимательно, горячо одобряя хорошее и не осуждая за плохое. И люди не скрывали плохого. Они словно сбрасывали с себя лишнее, наносное, грязное, и оно сгорало в пламени, зажженном родством душ, стремлений, цели, сгорало без остатка, как лигатура. И тогда обнажалось то замечательно простое, честное, неопценное, что от века заложено в русском человеке и что привила ему взрастившая его Советская страна.

...До чего любил я завод! — тяжело дыша, говорил

Иванов. — Заводишко невеликий, а я прирос к нему. Помню, как сейчас, только поженились мы со старухой, — а любил я ее крепко, — пришлось сколько-то раз ночевать в заводе. Оборудование мы меняли. Времени в обрез. И вот возвращаюсь я домой после двух смен да ночки бессонной, ноги кренделя выписывают, а старушка моя характерная. Ну, и начала меня казнить. Стыдит и стыдит, пилит вдоль и поперек и крест-накрест, визжит не хуже тупой ножовки: «Не успел жениться, уже шляешься!» И так далее и прочее тому подобное.

- Я, конечно, клятву даю, мол, в последний раз, а через пару дней опять в заводе остаюсь. Чуть до развода не дошло, вот как.

- А что, батя, — Чуриков затянулся самокруткой, — изменял, поди, своей благоверной?

- Неумный разговор завел! — Старик заморозил голос и, помолчав, добавил: — Ни разу не сфальшивил.

И все поверили старику: в такой обстановке душой не кривят.

В подвале густел сумрак, скрывая лица. Неожиданно послышался неуверенный, робкий голос лейтенанта Бельского:

- Хотя и не положено командиру перед подчиненными, а хочу сказать. Не могу. Вот вы думаете, командир ваш — сухой человек. Всё, мол, требует да требует. Мораль читает да наказывает. А я ведь совсем не такой. Веселый я. И на баяне хорошо могу, на пианино. Только боялся очень авторитет командира потерять. Больше всего боялся. Думал — строгостью да официальностью. Теперь вижу — ошибся. Нужно было по-простому — вы все

такие люди... такие товарищи!.. Словом, нет у меня подхода к человеку индивидуального. Потом, вы из десятилетки. Начитанные. Словом, я... В общем, простите, если когда обижал или что...

- Что вы, товарищ командир! ..

- Мы вас уважаем.

- Знаю, знаю. А промеж себя зовете: «Не положено».

Все рассмеялись и больше всех Бельский.

- А как вас зовут, товарищ лейтенант?

- Меня, Миша... Михаил то есть. — И Бельский снова засмеялся, не удержавшись от излюбленной фразы: — Мишей по настоящей ситуации вроде не положено.

- Ну, кто еще не исповедовался? — усмехнулся Иванов. — Кайтесь во грехах. Рассветает.

- Эх, я за всех сразу!—на середину вышел Бобров.— Нас здесь полкласса. Раньше жили разно. Ссорились, дрались по пустякам. Да и здесь не сдружились. Ленька Захаров на Андрея злился, Андрей — на Леньку. Трус среди нас оказался, черт поганый. Словом, разные мы. Но я хочу сказать не об этом. Это чепуха. Главное — цель у нас одна. Что у меня, что у Кузи, брехуна и чудодея. Потому мы здесь стоим и никуда — запомните! — никуда отсюда не уйдем! Не уйдем! — крикнул Валька сорванным голосом. — Ребята комсомольцы...— Бобров задохнулся, потирая перехваченное волнением горло.

- Ребята! — пискнул Игорь Копалкин. — Давайте клятву дадим драться до последнего. Клятву дадим, как в книжке у этого самого...

- Мы уже клятву дали, — зазвенел Бобров. — Мы

комсомольцы, и этого достаточно.

- Правильно, Валя! — Андрей обнял товарища. — И все же я клянусь...

- Клянусь! — подхватил Копалкин.

- Клянусь! — крикнул кто-то неизвестным голосом, отдаленно напомиравшим Кузин. Ребята не узнали его: Кузю серьезным не видел еще никто.

- Клянемся! — поддержали оставшиеся в живых красноармейцы.

- Клянемся! — грохотало под мрачными сводами подвала. — Клянемся, клянемся, клянемся!

- Клянусь! — произнес Борис Курганов.

Затрещали выстрелы.

- Клянусь! — повторил он и зычно скомандовал: — По местам.

Глава двадцать вторая **ПОСЛЕДНИЙ БОЙ**

Отличные стрелки Захарчук и его ученик Кузя оборудовали неплохую позицию. Из толстых камней, оставшихся от разрушенной церкви, Захарчук сложил плотную стенку. Делал он это так ловко, что Кузя невольно залюбовался, а цыгановатый Чуриков, оставшийся вместе со снайперами, восхищенно сказал:

- И где ты, дядька Захарчук, такому ремеслу обучался?

- Та я ж природный каменотес. Пятнадцать лет в Крыму проработал, инкерманский камушек тесал.

- Вон что! А я думал, ты кадровый снайпер.

- Нет, парень, скорее бы война кончилась, бросил бы эту постылую профессию.

- Надоело убивать людей?

- Я солдат. И какие фашисты люди?

Когда гитлеровцы перешли в атаку, Захарчук стрелял до тех пор, покуда атака не захлебнулась. Протирая раскаленную винтовку, он сказал Чурикову:

- Вот еще семерых приземлил. А у них, возможно, детишки и фрау дома. Нет, скорее бы прикончить войну!

- А они о наших людях думают? — истерически крикнул Чуриков. — С моими стариками в Смоленске знаешь что сделали?

Чуриков смолк, словно застеснявшись своей откровенности, и отошел в дальний угол подвала.

Утром немцы снова пошли в наступление.

- Ну, Кузя, держись! — закричал Захарчук.

От разрыва бомбы у него болели уши. Снайпер оглох и часто падал на колени: кружилась голова. Захарчук отложил винтовку и припал к ручному пулемету. Кузя работал за второй номер. Чуриков поспешно набивал диски.

- По пехоте! — крикнул Захарчук.

Пулемет задрожал, как в лихорадке, посылая навстречу врагу смерть. Фашисты просочились в расположение роты Курганова и рассекли ее остатки на части.

- Всё! — сказал Захарчук. — Сами хозяева...

Он осмотрел оставшееся оружие, подсчитал патроны и гранаты.

- Не густо! — вздохнул Чуриков. — До обеда продержаться бы!

- Ну, до хорошего обеда нам долго держаться, — невозмутимо отозвался Кузя. — Давненько щей с бараниной не хлебал.

- Все шутишь, грешная душа! — рассмеялся Чуриков.

- Так веселее помирать...

- И без того не скучно: видишь, фриц какую иллюминацию наладил.

- Нехороший разговор! — обрезал их Захарчук. — Наше дело бить их, а не рассуждать о смерти — она придет, спрашивать разрешенья не будет.

- Верно, начальник! — весело отозвался Кузя и вдруг побледнел.

- Ты чего? Ранило?

Кузя молчал. Он стиснул зубы и боялся их разжать. Боль была невероятная.

«Очевидно, нерв задело», — подумал Кузнецов.

- В плечо ему! Видишь, кровью подмокает.

Немцы снова зашевелились. Захарчук бросился к пулемету, крикнув Чурикову:

- Перевяжи его!

Чуриков перевязал товарища, но в этот момент пулемет замолчал: крупнокалиберная пуля попала снайперу в грудь. Чуриков приник к пулемету, а Кузнецов оттащил раненого за угол подвала.

- Хороший ты парень, Кузя! — шептал побелевшими губами Захарчук. — Ты уж прости меня за анархиста...

Когда бой поутих, Кузнецов сказал Чурикову:

- У него под головой планшет. Достань оттуда листок бумаги да карандаш.

- Писать будешь?

- Донесение командиру.

- Зачем? Кто доставит?

- Ты и доставишь!

Кузя взял карандаш, поточил его трофейным штыком и начал писать кривыми, сползающими набок буквами, при неровном свете зимнего розового заката.

«Товарищ командир роты! Сообщаю: ведем огонь по фашистским сволочам! Сколько их набили, не могу сказать, так как подсчитать никак невозможно. Хорошо проявил себя сержант Захарчук. Он геройски погиб, остались мы двое. Товарищ старший лейтенант! Вы не беспокойтесь, мы отсюда не уйдем и фрицев не пустим. Чувствуем мы себя хорошо, только пить здорово хочется и уже забыли, когда пили последний раз. Но вы не беспокойтесь, это ничего. Товарищ старший лейтенант, у меня к вам просьба. Вы знаете, у нас в Ильинке на пруду у самого мостика живет старик, плотником он в поселковом совете работает, Соснин фамилия. Так вот, у него есть дочка Нюра. Вы скажите ей насчет меня. Ну, словом, нравилась она мне очень. Я-то сам ей ничего не говорил, тушевался как-то. А теперь чего уж... В общем, привет горячий передайте. Извините, конечно, за такую просьбу, но как вы сами ильинский... товарищ командир! У нас все в порядке. Немцы пока не лезут, танк, что позавчера наши подбили, еще дымится, и противным оттуда пахнет. Фрицы от нас близко, метров семьдесят.

Слышно, как они тюлюлюкают. Вот и все. Вы, товарищ командир, меня извините, если что не так написал. Мне никогда не приходилось писать боевые донесения, первый раз пишу.

Кузнецов. 5.12.1941 года».

Кузя прочитал свое творение, подумал и, лукаво улыбаясь, приписал:

«Думаю, что еще натренируюсь в донесениях, впереди целая война. И не забудьте, пожалуйста, о моей просьбе в отношении тов. Сосниной.

Кузя».

Кузя сложил вчетверо листок и позвал Чурикова:

- Снеси командиру!

- А ты один останешься? А вдруг полезут?

- Без разговоров! — шутливо оборвал Кузя. — Дисциплиночка хромает. Анархия!

Едва Чуриков уполз, немцы пошли в атаку. Прилетела тяжелая мина и исковеркала пулемет. Автоматные патроны кончились. Оставалась винтовка Захарчука с оптическим прицелом. Кузя вскинул приклад к плечу и, смахнув грудю стреляных гильз, лег на то самое место, где еще недавно лежал Захарчук. Послышался свист и дикое улюлюканье: гитлеровцы цепями в полный рост бежали навстречу.

Пулю за пулей посылал боец из разрушенного подвала. Он не знал, что делается справа и слева, он был совершенно один, не знал, что находится впереди и сзади.

- На Москву вам захотелось? — торопливо шептал Кузя. — Я вам покажу Москву. Вот вам Москва! Вот! Вот!

Серо-зеленые фигуры никли к земле, срезанные губительным огнем, Кузя ничего не видел, кроме врагов, но больше ему ничего и не нужно было видеть.

- Я вам покажу Москву! — кричал он. — Получай, фашистская погань! Это тебе за Красную площадь, это за улицу Горького, это за Чистые пруды, а это за мою Ильинку!

Ствол винтовки накалился, ствольная накладка дымилась, патроны были на исходе, но Кузя стрелял и стрелял, шепча свое заклинание:

- Москву вам захотелось? Вот вам Москва! Вот! Вот!

У Кузи оставались считанные патроны, когда с тыла

послышалось русское «ура».

- Слышали? — заорал Кузя.— Москва! Москва на выручку идет! Сейчас она вам даст жизни!

- Товарищ старший лейтенант!

Перед Кургановым стоял обросший, исцарапанный, перемазанный грязью Чуриков.

- Ты откуда? Проскочил?

- Вам донесение.

Боец протянул листок и пошатнулся. На него смотрели, как на пришельца с того света. Старшина Марченко, не любивший Чурикова, отдал ему последний кусок хлеба.

- А ты? — прохрипел Чуриков.

- Я не хочу, сыт,— буркнул Марченко. — Бери, чертов сын!

- Фрицы! — крикнул Каневский.

- Выбьем их! — вскочил Борис Курганов.— За мной!

- В атаку! — негромко приказал Иванов.

Красноармейцы во главе с Бельским устремились за командиром роты.

Стремительный удар красноармейцев опрокинул противника.

Бойцы продвигались вперед. Навстречу им летели сотни снарядов, мин, тысячи пуль, но никакая сила в мире не могла остановить их; они защищали Москву!

Прорвались к развалинам подвала.

- Здесь! — крикнул Чуриков.

Он бросился к подвалу и остановился пораженный. Подвала не было. Вместо него чернела снарядная воронка.

Каневский, скользя по битому кирпичу, спустился туда и поднял какой-то блестящий предмет.

- Никого нет! — задыхаясь, доложил он командиру роты. — Нашел только это. Возьмите.

На темной от пороха, гари и копоти ладони Бориса Курганова лежал трофейный складной ножичек.

Долго смотрел командир роты на маленькую блестящую вещицу — все, что осталось от веселого, неунывающего Кузи...

Летчик Анатолий Павлов возвращался после выполнения задания. В азарте боя он оторвался от товарищей, преследуя удирающего врага, и сейчас летел над территорией, занятой противником. Тревожно поглядывая на приборы, Павлов не переставал напевать песенку, рожденную удалью и удачным воздушным поединком.

Спасаясь от преследования, он резко снизился и пошел прямо над островерхими макушками деревьев. Но что это? Павлов не поверил своим глазам. В гитлеровском тылу кипело ожесточенное сражение. Павлов пролетел над спаленной дереvушкой и приметил, что фашисты сжимают кольцо окружения.

— Наши дерутся! Сейчас я вас, братишки, поддержу!

Летчик дал полный газ и, улучив момент, полил наступающих огнем. Фашисты оторопели. Видно было, как часть из них бросилась врассыпную. Советский

летчик снова и снова заходил на штурмовку.

В воздухе появились немецкие истребители. Закипел воздушный бой. Разгоряченный Павлов распорол очередью плоскость «Мессершмитта», бросился на второго, но, нажав гашетку, содрогнулся: «Патроны! Вышли боеприпасы!»

Фашистский самолет, сверкая пунктирами трассирующих пуль, метеором летел навстречу. Павлов мог отвернуть, скрыться, дотянуть до своих, но в этот короткий миг он вспомнил своего друга Виктора Талалихина, героически погибшего в схватке с врагом, родную Кировскую улицу, мать. Он увидел стремительно приближающегося противника, увидел холодные глаза фашиста, и горячие огненные брызги ударили летчику в лицо.

Последним усилием воли и гаснущего сознания Павлов направил свой самолет вперед, и фашистский пилот не смог избежать столкновения.

Обломки горящих самолетов полетели вниз.

А на земле кипел ожесточенный бой. Гитлеровцы со всех сторон охватили горстку красноармейцев. На одного бойца приходилось двадцать, тридцать, пятьдесят фашистов. Они нападали скопом: били из пистолетов, кололи плоскими штыками, глушили прикладами, сбивали с ног... топтали, терзали...

Ника совершенно осатанел. Долговязый, простоволосый, он вертелся на месте, поливая врагов из автомата. Кончились патроны, Ника бросился к ближайшему немцу, свалил его с ног и, не в силах

удержаться, упал. На него навалились гитлеровцы. Коренастый фашист ударил Нику саперной лопатой, рассек висок — кровь залила лицо, залепила глаза. Ника не видел врага, но продолжал наносить удары. Ему казалось, что на него высыпали мешок картошки. Ника не чувствовал боли. Коренастый немец зашел сбоку, и Ника увидел его:

- Ага, сво-лачь!

Фашист был сбит с ног.

И снова гитлеровцы обрушили град ударов на бойца. Они не стреляли, боясь попасть в своих. Они били лопатами, гранатами, прикладами, окованными металлом сапогами, они хрипели, задыхались от ярости, плевали, выхаркивали ругательства:

- Руссише шайзе!

- Швайнхунд!

И сквозь чужие, странные слова, выплюнутые сведенными от злобы ртами, внезапно донеслось:

- Андре-ей!

Но Андрей не слышал. Он катался по дну траншеи, сиюсь вырваться из рук врага. Андрей задыхался. Огромным усилием воли он приподнялся, но тут же упал вместе с врагом на землю. Фашист ударился головой, разжал руки. Андрей сорвал с себя каску и изо всей силы опустил ее на лоб противника.

- Андре-ей!

- Ника! — крикнул Андрей, выскакивая из траншеи.

Увильнув от преследователей, он с разбегу ринулся в гущу фашистских солдат и прорвался к другу.

... и они дрались.

Друзья стояли шатаясь, спина к спине, опирались друг о друга, поддерживали друг друга. Им становилось все труднее, если бы один из них упал, другой не удержался бы на ногах. Но взаимная поддержка прибавила силы, и они дрались.

- Бей, Андрик!

- Бью!

Набежала новая группа фашистских солдат, друзей закрутил бешеный водоворот, разделил, разбросал. Ника вырвал у ближайшего немца автомат. Он пустил в ход чужое оружие и даже не услышал выстрелов. Автомат дрожал, бился в руках, как живое существо. Мыслей, чувств не было. Ника сознавал одно-, надо бить, надо бить, надо бить.

И Черных бил, вертелся, как обожженный, нанося беспорядочные удары. Ника терял кровь, слабел. Удары не приносили результата. Враги легко увертывались от них, но Ника продолжал размахивать исковерканным, погнутым автоматом.

Увидев поблизости фашистского офицера, Ника махнул автоматом. Движение получилось медленное, плавное. Ника зашатался.

Восемь гитлеровцев навалились на Андрея. Рослый фашист выбил у него из рук разбитый автомат, другой ударил Андрея штыком в спину.

- А-а-а! — бешено вскрикнул Черных и выпустил последние патроны.

Трое фашистов свалились замертво. Высокий офицер выстрелил из парабеллума.

Ника упал навзничь, беспомощно шаря по земле

бессильными руками. Он не чувствовал мороза, обжигавшего ладони. Голубые, чистой воды глаза, глаза художника, смотрели в зимнее небо, отражая сгущающуюся хмарь и тускнея.

Пошел снег.

Узорчатые снежинки, опускаясь на холодеющее лицо, еще таяли, копились в глазницах, стекали мутными, мертвыми слезами.

Андрей изнемогал. Перед глазами плыло красное и белое. Качались огромные фигуры в мышинных шинелях. Андрей понимал— это враги, и он бил их как мог. Андрей выстрелил из винтовки в упор и тотчас выронил оружие, зашатался и упал на холодную землю, не почувствовав боли. Присмотревшись к кованым сапогам фашиста, схватил его и рванул и, когда рядом грохнулось чужое тяжелое тело, вцепился в горло фашиста слабеющими руками. Пистолетный выстрел разнес ему голову, но руки, охватившие врага за горло, не разжались — сведенные предсмертной судорогой узкие мальчишеские пальцы стальными клещами душили гитлеровца.

Каневского, Марченко и Копалкина оттеснили от остальных. Фашисты поняли, что у русских вышли патроны, и в упор расстреливали их. Все красноармейцы и командиры получили по нескольку ранений.

- Гады! — истошно крикнул Лаптев, судорожно щупая грудь, словно пытаясь вытащить из нее глубоко засевшую пулю.

Бобров опрокинул эсэсовца и обрушил приклад на подбегающего врага. Автоматная очередь заставила его высоко подпрыгнуть. В тот же момент принял смерть

Марченко. Пуля ударила его в висок, и он упал как подрубленный.

К вечеру 5 декабря русская речь слышалась только в самом глубоком подвале под руинами колокольни. Фашисты наконец заняли Марфино, вернее то, что от него осталось. Они поспешно стягивали силы вокруг подвала, готовясь окончательно добить русских.

В подвале Борис Курганов последний раз осмотрел свою роту. Теперь она состояла из пяти красноармейцев. Здоровенный Тютин, весь забинтованный, мрачно сжимал кулаки. Грудь его тяжело вздымалась, дышать было трудно.

- В легких пуля сидит, не иначе, — с трудом проговорил Тютин и харкнул кровью.

- Поправишься! — ласково сказал Каневский, отводя глаза. — Еще покидаешь свою штангу.

Самому Каневскому повезло: он был дважды легко ранен в руку и ногу. Осколки Каневский вытащил сам, подковырнув их штыком, и спрятал в нагрудный карман.

- На память детишкам!

- Заведи сначала, — невесело шутил Иванов.

Он получил четыре ранения, два были серьезными: осколок раздробил пальцы левой руки и пуля перебила ключицу. Но больше Иванова мучило сердце. Тупые, стреляющие боли копились под лопаткой, отдавали наружу.

- Что, командир, пригорюнился? — проговорил Иванов. — Братку жалко?

Потемневший, осунувшийся Борис тяжело вздохнул:

- Всех жалко, не об этом думка.

Иванов посмотрел на командира, обвел взглядом уцелевших бойцов и твердо сказал:

- Выдержим! Дерутся наши части! Стоят под Москвой и выстоят!

- Ребят жаль, — проговорил Бельский. — Золотые ребята... Комсорг-то как погиб... умер, как положено солдату.

- Да, Бобров честно погиб, — сказал Борис, вспомнив, как залитый кровью боец с гранатой бросился в гущу врагов и, не имея возможности размахнуться, выдернул кольцо, бросившись в ноги подбежавшим гитлеровцам.

И братец ваш... — начал Иванов, но осекся под пристальным взглядом командира.

Борис Курганов подошел к Копалкину. Маленький Игорь был единственным оставшимся в живых ильинцем, единственным представителем 9-го «Б». Мальчик осунулся, похудел, был покрыт слоем грязи и копоты. Курганов погладил его по голове.

- Как жизнь, Игорек?

- Какая уж тут жизнь, товарищ командир. — Копалкин неожиданно громко расхохотался. — Это здорово вы сказали «жизнь». — Курганов скорбно улыбнулся. — Ребят нет... ничего нет... всё... — Он шумно засморкался и вдруг испуганно заговорил: — Вы не подумайте, что я раскис, что жалею, зачем на фронт пошел. Нет, товарищ командир. Если бы снова пришлось жизнь начать — я опять бы так же поступил, не иначе. Ведь верно? Ведь правильно, а?

- Верно, — тяжело выдохнул Курганов. — И я, Игорек,

тоже поступил бы именно так.

...Наверху что-то загрохотало, металлический голос с немецким акцентом предложил:

«Сдавайтесь или погибнете! Шесть минут на размышление!»

Курганов взглянул на часы.

- Шесть минут! Триста шестьдесят секунд. Потом смерть!

Тик-так, тик-так. Висела звенящая тишина. Тик-так, тик-так — то ли стучали часы, то ли билось сердце. Тик-так, тик-так. Шесть минут, шесть сердец.

Что испытывают люди перед смертью? Плачут? Мечутся в безысходной тоске? Вспоминают близких? Выхаркивают с кровью в лицо врагу лозунги?

Тик-так, тик-так. В первую минуту лихорадочно перезаряжали оружие, набивали патронами диски, спешно навинчивали оборонительные рубашки гранат.

Тик-так, тик-так.

- Ф-фу! — облегченно вздохнул Тютин и вывернул из-под обломков длинную изогнутую водопроводную трубу. — Этой штучкой я еще кой-кого перекрещу крест-накрест.

- Да, такой можно благословить вполне, — поддержал Иванов.

Тик-так, тик-так.

Каневский скручивал огромную самокрутку.

- Велика, — заметил Иванов, — убавь наполовину. Всю не успеть.

Тик-так, тик-так.

Шесть минут, гады, дали. Не пять, не десять, шесть... Аккуратисты чертовы, проклятые фашисты! — ругался Каневский.

- Две минуты осталось, — сказал Курганов. Покурим.

Тик-так, тик-так.

Самокрутка дымилась, потрескивала.

- Табачок слабоват! — Иванов с наслаждением затянулся.

- Слабоват, а приятный, — поддержал Каневский.

- Мусора много — целые балки попадают, заметил Тютин.

- Полторы минуты... Торопитесь, друзья, — взглянул на часы Курганов.

Копалкин подвинулся к нему, зябко передернул плечами:

- Товарищ командир, мне... страшно.

Все обернулись к нему. Он стоял щупленький, худенький и такой жалкий, что у бойцов заныли сердца. И тогда лейтенант Бельский, сухарь и педант Бельский, обнял маленького красноармейца и прижал к груди:

- Что ты, Игорек! Ты ж мужчина. Держись, малыш, не бойся... Мужчине это не положено.

И, хотя сам лейтенант еле сдерживал предательскую дрожь колен, он нашел в себе силы улыбнуться.

Тик-так, тик-так.

- Полминуты! — перехваченным голосом выдавил Курганов. — Готовьсь!

Игорь Копалкин затянулся окурком, задохнулся, закашлялся, сплюнул.

- Первый раз в жизни курю. Гадость.

Тик-так, тик-так.

Наверху за завалом послышался шум. Не высовываясь из-за камней, фашисты предложили сдаться. Курганов послал их к чертям.

Послышалась обрывистая команда:

- Форвертс! Марш!

- К нам на фарш! — заорал Каневский. — Выходи, гады, чего прячетесь!

Потянуло едким дымом. Защипало в горле, заслезились глаза.

- Дымовые шашки кинули! — крикнул Бельский. — Выкуривают!

Курганов посмотрел своим солдатам прямо в глаза:

- Что ж, пошли, товарищи?

- Пойдемте, товарищ командир!

Тесно прижавшись друг к другу, плечом к плечу, двинулись к выходу последние защитники Марфина. И вместе с ними двигалась на врага песня. Гордо звучали приглушенные под землей звуки великого гимна, гимна коммунистов всех стран. С пением «Интернационала» красноармейцы кинулись на врага. Начался последний бой...

* * * * *

Морозным бодрящим утром 6 декабря сорок первого года советские войска перешли под Москвой в

решительное наступление. Советская Армия могучим ударом сокрушила врага и отбросила его далеко на запад! Оставив тысячи трупов, множество разбитых танков, орудий и автомашин, фашисты бежали вспять. От этого удара они уже не могли оправиться.

... Когда краснощекие, веселые красноармейцы выбили фашистов из Марфина, черный, окровавленный человек, лежавший на разбитом пулемете, чуть слышно застонал и приоткрыл глаза. Он лежал и смотрел, а мимо нескончаемым потоком шли советские войска в валенках, добротных дубленых полушубках, в теплых ушанках с маленькими рубиновыми звездочками. Впрочем звездочки были белыми, их выбелил мороз...

Бойцы шли на запад.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«...Внимание, внимание! Говорит школьный радиоузел. Добрый вечер, старшие товарищи! Просим вас не стесняться в нашей и вашей школе. Надеемся, вы не забыли ваши классы, где можно найти старых друзей».

Да, конечно, все пришедшие сюда сегодня не забыли этого. Школа полна народу, у всех веселые, праздничные лица, повсюду слышен смех, шум, радостные возгласы:

- Здорово, старина!

- Мишка! Ты с бородой! Ай да дед-мороз!

- Клавочка, это твои карапузики?

- Но-но! На будущий год уже в школу пойдут, а ты карапузики!

Оркестр играет веселый вальс. Кружатся пары. Плавают в воздухе ленты серпантина.

Очень много людей в школе сегодня. У таблички с надписью «Год окончания—1957» бывшие десятиклассники, взявшись за руки, поют задорную песенку...

По коридору трудно пройти, проплывают мимо таблички. Год окончания... 1956, 1953... 1945... 1944... 1943... Здесь народу уже меньше, но тоже весело и оживленно.

И вот еще одна табличка - «Год окончания 1942». Здесь никого.

За учительским столом сидит пожилой человек. В его руках альбом. Человек не спеша перелистывает страницы, вглядывается в наклеенные фотографии. Время от времени он поднимает глаза, будто ждет

кого-то. Оглядывается: вокруг все то же море радости, веселья, смеха.

Сквозь стайку десятиклассников, с почтением взирающих на «ветеранов», к столу подходит высокий, стройный военный с золотыми полковничьими погонами с фуражкой в руках.

Старик поднимается ему навстречу:

- Здравствуй, Борис!

- Здравствуйте, Иван Григорьевич!

Они целуются. Курганов сидит рядом с учителем. Он сидит чуть сгорбившись, положив руки на стол. Карандаш, сжатый в больших, тяжелых руках, кажется очень маленьким. У Курганова седые виски, мягкий взгляд темных, чуть усталых глаз.

Вместе со старым учителем склоняется он над альбомом, перелистывает страницы.

Наши...

Иван Григорьевич молча кивает. Молча смотрят они на страницы альбома.

Перед ними фотография класса, того самого 9-го «Б», где учился Андрей. Борис узнает смуглое улыбающееся лицо брата. Вот Валька Бобров. У него сосредоточенно нахмуренные брови: комсорг должен быть серьезным

... Захаров, Родин, Лара, Кузя...

- В сорок пятом под Берлином, — тихо говорит Курганов, глядя на фотографию Лары.

Он пристально рассматривает фотоснимок, и глаза его видят другую Лару, но не в шелковой блузке, а в грубой гимнастерке, пилотке, такую, какой он встретил ее на

фронте.

Борис смотрит на фотографии и перед ним вместо застывших лиц — живые, виденные в последнем бою.

... Разгоряченный в рукопашной схватке Бобров...

... Вечно улыбающийся Черных...

... Хитроумный, отчаянный Кузя...

...Сосредоточенный, чуточку угрюмый Захаров...

...Наивный Игорек Копалкин...

- Наши... — глухо говорит Иван Григорьевич и вдруг отворачивается.

Так и сидят они, грустные, торжественно-печальные, а вокруг шумит жизнь, бурлит, смеется, танцует, поет, не опаленная железным дыханием войны юность...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая. Зимой</i> _____	5
<i>Глава вторая. Ссора</i> _____	21
<i>Глава третья. Начало</i> _____	34
<i>Глава четвертая. Переход</i> _____	56
<i>Глава пятая. Бойцы</i> _____	66
<i>Глава шестая. Девушки</i> _____	78
<i>Глава седьмая. Перед бурей</i> _____	87
<i>Глава восьмая. Бой</i> _____	99
<i>Глава девятая. На рытье рва</i> _____	119
<i>Глава десятая. Ранен</i> _____	127
<i>Глава одиннадцатая. Тревога</i> _____	149
<i>Глава двенадцатая. Прорыв</i> _____	163
<i>Глава тринадцатая, В школе</i> _____	172
<i>Глава четырнадцатая. Свидание</i> _____	192
<i>Глава пятнадцатая. Снова вместе</i> _____	200
<i>Глава шестнадцатая. Охота</i> _____	210
<i>Глава семнадцатая. Предатель</i> _____	222
<i>Глава восемнадцатая. Марфино</i> _____	233
<i>Глава девятнадцатая. «Драться!»</i> _____	244
<i>Глава двадцатая. Приговор</i> _____	256
<i>Глава двадцать первая. Исповедь</i> _____	270
<i>Глава двадцать вторая. Последний бой</i> _____	277
<i>Заключение</i> _____	296

К ЧИТАТЕЛЯМ

***Отзывы об этой книге просим присылать
по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.***

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ильинский Юрий Борисович
ОПАЛЕННАЯ ЮНОСТЬ

Ответственный редактор

Г. В. Быстрова.

Художественный редактор

Л. Д. Бирюков.

Технический редактор

Р. Г. Грачева.

Корректора

В. Л. Данилова и В. К. Мирингоф.

Сдано в набор 14/XII 1959 г. Подписано
к печати 15/11 1960 г. Формат 60 X 92 ¹/₁₆

Тираж 115 000 (1—90 000) экз.

299 с. с илл.

A01652. Цена 4 р. 40 к.

Заказ № 690.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

2-я фабрика детской книги Детгиза
Министерства просвещения РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7.

4 р. 40 к.